

Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев

Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев. Подготовка текста Ш.Д. Инал-ипа, К.С. Шакрыл, Б.В. Шинкуба. Вступительная статья Ш.Д. Инал-ипа. Перевод с абхазского Г. Гулия (проза), В. Солоухина (стихи).
Сухуми, издательство "Алашара" 1988 г.

СОДЕРЖАНИЕ

- Ш. Инал-Ипа. Слово о нартах.
- Имя ее Сатаней-Гуаша
- Песня о матери нартов
- О том, как появился на свет герой Сасрыква
- Светящаяся словно солнце, сияющая как луна
- Огнеподобный конь Бзоу
- Сто братьев нартов
- Нарты у чернолицых людей
- О том, как у нартов появились свирель и песня
- О том, как женился нарт Дыд
- Герой Башныху
- Удачливый Кун
- Уахсит-сын сита
- Гунда прекрасная
- Сын собаки и племянник нартов
- Необычное превращение
- Побежденные женщинами
- Подвиг Куна
- Сватовство несчастного Алхуза
- Мужество мстителя
- Женитьба нарта Куна
- Сасрыква сбивает звезду
- Одна лиса и сто человечков
- Сасрыква спасает своих братьев

- Сасрыква убивает дракона
- Новые удивительные приключения Сасрыквы
- Победивший Гунду
- Почему нарты пошли походом на великанов
- Великий кувшин
- Поединок с Алтаром Толумбаком
- Сильнее сильного
- Несравненная невестка нартов
- Удивительнее удивительного
- Герой Получерный - полуседой
- Взятие крепости Гуинтвинт
- Черный день ацанов
- Несчастье Сасрыквы
- Сгоревший в огне
- Нарт Сасрыква и дикий конь
- Как погас светящийся мизинец
- Как Сасрыква спасся от смерти
- Умыкнувший Гунду
- Гибель Сасрыквы

Ш. Инал-Ипа. Слово о нартах

Если вы спросите абхазца или абхазку - независимо от того, кто они и где живут: на берегу ли Черного моря или в высокогорном селении Лата, в верховьях шумного Кодора, на курорте ли Гагра или в индустриальном Ткварчели, - что известно о нартах, то ответ будет, пожалуй, везде один: "Сказания о нартах бесконечны". Таким необъятным представляется абхазцам интересное явление в истории их культуры - героический нартский эпос.

Нартский эпос в своих древних частях восходит, как предполагают, к VIII - VII векам до н. э., но он продолжает жить и поныне и абхазском народе. Бережно сохранил его народ и, несмотря на превратности исторической судьбы, пронес сквозь века передавая из уст в уста, из поколения в поколение.

Несомненно, имеющий мифологическую первооснову, нартский эпос в обобщенно художественной, нередко фантастической форме рисует правдивую картину исторического прошлого создавших его народов.

Древняя земля Апсны, то есть "Страны абхазцев", в течение тысячелетий испытывала нашествия завоевателей, с которыми приходилось вести непримиримую и часто неравную борьбу, - сюда приходили с целью порабощения древнегреческие колонисты, когорты римских императоров, войска понтийского царя Митридата Евпатора, скифские орды, византийские легионы, арабские полчища, турецкие янычары и др. Благодаря стойкому сопротивлению поработителям, абхазцы сохранили свой язык, свою самобытную культуру. На исходе VIII века до н. э. они создали государство, известное в истории под названием Абхазского царства, которое в продолжение долгого времени являлось одной из ведущих культурных и политических сил на всем Кавказе.

Стремление абхазского народа к свободе и независимости нашло свое отражение в эпосе. нартский эпос создавался в течение веков - в нем запечатлены разные периоды социально-экономического и культурного развития народа, начиная с эпохи так называемой военной демократии и вплоть до становления и развития феодальных классовых отношений.

Эпос о героях нартах широко распространен у абхазцев, адыгейцев, кабардинцев, осетин и некоторых других народов Северного Кавказа, Многое из созданного за это время разрушилось, многое изменилось, но удивительно стойко сохранялась первоначальная идейно-художественная сущность нартского эпоса, что особенно относится к абхазским сказаниям.

В области духовной культуры для всех народов главным источником творчества является жизненный опыт, исторически сложившиеся условия существования. И абхазские нартские сказания, при всем их сходстве с нартским эпосом других народов, особенно адыгейских, являются оригинальным фольклорным и культурно-историческим памятником. Кроме конкретно исторической специфики, черты своеобразия и оригинальности в разработке тем и образов придают эпосу национальные фольклорные традиции.

Согласно абхазским сказаниям, нартская община состоит из ста собратьев и сестры, олицетворяющих собой весь народ. Все они рождены одной матерью, Сатаней - Гуашей.

Хотя нарты являются созданием народного вымысла, тем не менее они покоряют жизненностью характеров; они неразрывно связаны со своим "братством", то есть народом; элементы мифа, сказки, условности растворяются в могучей художественной правде.

В нартских сказаниях наиболее древним и в то же время наиболее художественно совершенным и значительным является образ всемогущей матери нартов Сатаней-Гуаши, которую можно назвать умом и совестью народа. Сатаней - это воплощение черт идеальной женщины, которая "без солнца греет, без луны светит". Сатаней - родоначальница и глава рода, устроительница семейного очага, главная экономка, мудрая прорицательница и чародейка, наконец, учитель народа. Говоря словами одного из знатоков нартского эпоса проф. В. И. Абаева, "можно мыслить нартов без любого из героев, даже главнейших, но нельзя их мыслить без Сатаней". Образ Сатаней является одним из самых ярких фольклорных образов в мировой поэзии.

Главным героем абхазского нартского эпоса, несомненно, является Сасрыква. Это его в первую очередь абхазцы называют "афырхаца", что значит "мужественный среди мужественных". Сасрыква - близкий абхазцам народный герой, с его именем связано множество легенд. В сюжетную основу эпоса положены его подвиги и приключения. В разных местах Абхазии на берегах горных потоков до сих пор показывают камни будто бы со следами копыт его волшебного коня, носившего своего могучего седока через горы, реки и моря. По преданию, в урочище Айцера, близ Сухуми, находится древняя каменная гробница Сасрыквы. А сколько создано в народе, пословиц и поговорок, прославляющих нартов, прежде всего ни с кем несравнимого Сасрыкву! Одна из них гласит: "Даже горному орлу и тому не под силу состязаться в полете с нартом Сасрыквой".

Сказания о Сасрыкве - самый законченный цикл эпоса. В отличие от других вариантов нартского эпоса, в абхазских сказаниях Сасрыква - младший и любимый сын Сатаней - Гуаши. Она родила его неестественным образом, вырубила из камня, (миротворный вариант), закалила огнем и железом, дала ему неразлучного друга - коня Бзоу, наделила умом и бесстрашием и сделала непобедимым. Из всех братьев Сасрыква обладает наиболее цельным характером.

В образе Сасрыквы нашел свое воплощение гуманистический миф о Прометее, идея бескорыстного добра. Сасрыква совершает множество подвигов: укрощает дикого коня, к которому люди и подойти боялись, одерживает блестящую победу над прожорливым драконом в подземном царстве и избавляет тем самым весь народ от несчастья. Самым

значительным его подвигом является добывание огня. Отважный Сасрыква дважды добывает огонь - сперва небесный, а потом и земной: он стрелою сбивает с неба пылающую звезду, чтобы нарты могли временно отогреваться около нее, а сам отравляется на "край света" к чудовищному великану и в бесстрашной борьбе отвоевывает у него настоящий, немеркнущий огонь.

Оригинальной чертой абхазских сказаний являются сложные взаимоотношения Сасрыквы с остальными нартами. Сасрыква по рождению считается неравноправным, незаконным, ненастоящим нартом. Отсюда проходящий через весь эпос непримиримый антагонизм между Сасрыквой и другими нартами, которые не признают его своим братом. Зато Сатаней на стороне младшего сына, благодаря чему он не только противостоит нартам, но и превосходит их во всем. Вместе с тем они завидуют Сасрыкве, который не раз выручал их из беды, и, не желая делить с ним славу, снедаемые завистью, губят величайшего и благороднейшего из героев, выведав его уязвимое место у колдуньи. В абхазских сказаниях находит отражение тот период, когда человек научился плавить руды и делать из металла такие орудия труда, как молот, наковальни, клещи. Культ кузни и железа олицетворен в обобщенном. образе великого кузнеца Динара. Правая рука ему молотом служит, левая - щипцами, а колени - наковальней. Айнар - не просто свободный ремесленник, а художник-торец. Он не только кует оружие и орудия труда сородичам, но с помощью клещей и молота искусно чинит разбитые в бою головы и закаляет людей. Это он, по просьбе Сатаней-Гуаши, выдолбил из скалы Сасрыкву, закалил его в огне своей кузни и сделал непобедимым.

Из абхазских нартских героев выделяются также Хважарпыс и могучий богатырь Нарджхоу - достойные женихи сестры нартов, многоопытный Сит - старший из братьев, бескорыстный Цвиц - скромный, кажущийся иногда даже жалким, а по существу один из самых храбрых нартов; могущественный Шаруан, преисполненный чувства долга и дружелюбия, язвительный Гутсакья и др. Каждый из них имеет свой характер и наделен реальными человеческими чертами.

Для героев нартского эпоса характерны высокие нравственные качества - правдивость, честность, чувство собственного достоинства, свободолюбие, любовь и ненависть, стремление к подвигам, презрение к смерти. Но им свойственны и многие человеческие слабости и недостатки: зависть, гордыня, зазнайство, Что лишь подчеркивает глубокую реалистичность обрисовки характеров героев эпоса и не умаляет душевной чистоты и доблести их, гармонически сочетающихся с красотой внешнего облика. В то же время тупые и коварные циклопы - извечные враги рода человеческого -рисуются мрачными красками.

Нартский эпос - эпос героический, он наполнен громом сражений, а нарты - это прежде всего воины-богатыри, презирающие трусость и малодушие. Они совершают бесконечные походы во имя "добывания славы" в борьбе с иноземными насильниками или великанами-людоедами. Эти походы образуют основные сюжетные линии эпоса. Но ни один поход не совершается ими ради личных, эгоистических интересов или для завоевания чужой земли и порабощения другого народа. В одной нартской песне говорится: "нарты всегда правду искали, злого раскаяться заставляли, с жестоким - жестокими были, с хорошим - хорошими, с великим - великими, с малым - малыми".

Действующими лицами эпоса являются не только люди, но и животные, птицы и звери, которые принимают иногда решающее участие в жизненной судьбе героев. Кони нартов - араши - нередко наделены речью и разумом, с ними нарты порою советуются. Читающему или слушающему эпос чудится мощное ржанье нартских коней, он видит клубящийся из их ноздрей пар, комья земли, летящие из-под конских копыт, которыми перепахана вся земля.

В представлении нартов реальный мир существует как что-то само собой разумеющееся. О сотворении мира богами не сказано ни слова. И вообще богов в настоящем смысле этого слова еще нет - нарты не знают ни молитв, ни жертвоприношений. Существует только неопределенное сверхъестественное начало. В нартском пантеоне мы видим также покровителей лесов и дичи, которые, однако, представляются такими же живыми существами, как и сами нарты. Мировоззрение нартов проникнуто духом исканий и пытливостью, жизнерадостностью, активным отношением к жизни, стремлением пользоваться всеми ее благами.

Жизнь и подвиги главного героя эпоса объединяют абхазские сказания в единое целое, этим создается как бы "сквозное действие". Препятствия на пути героев и их преодоление образуют сложную композиционную структуру и способствуют нарастанию конфликта (например, эпизоды единоборства Сасрыквы с великаном, добывания жены и др.).

В сказаниях ярко выражена эпическая героизация и идеализация героев, прежде всего Сасрыквы. Все нарты, безусловно, герои, и, тем не менее, они не показаны всемогущими. В эпосе нередко мы видим богатырей, превосходящих по силе каждого из нартов.

У древних эпических персонажей эпоса слабо намечается детальная индивидуализация. Внешне они еще похожи друг на друга; индивидуальность их и характер проявляются преимущественно в подвигах и в действиях, в определенной драматической ситуации, поэтому никто не спутает, например, образы многоопытной Сатаней-Гуаши и светозарной Гунды; отважного и находчивого Сасрыкву с простоватым и добродушным богатырем Нарджхоу и т. д.

Поражают монументальность основных образов эпоса, краткость и глубина характеристик, простота и строгость изложения, драматизм ситуаций. Вместе с тем нартский эпос широко обращается к фантастике как к изобразительному средству.

Важнейшим художественным приемом сказаний является гиперболизация. С ёе помощью выражается чувство восторга и преклонения, сила эмоционального напряжения. Гиперболизация достигает наивысшей степени в описании врагов нартов, их внешнего вида, образа жизни и действий. Безобразный облик этих существ - носителей злого начала - вызывает брезгливость; посредством гиперболы подчеркивается их низкая природа и нечеловеческая трудность борьбы с ними.

Нартский эпос не отличается вычурностью стиля, пышностью и декоративностью отделки. Из словесных художественных средств больше используются эпитеты и сравнения. Например, имени матери нартов постоянно сопутствует эпитет "гуаша" ("опора", "основа"). Эпитеты "красивая", "прекрасная" являются главным словесным украшением сестры нартов. Вместе с тем в каждом рассказе можно встретить образные сравнения для характеристики отдельных сторон жизни и внешности действующих лиц.

Нартский эпос абхазцев имеет смешанную, стихотворно-прозаическую форму со значительным преобладанием прозаическою повествования. Отдельные фрагменты его исполняют в песнях, играя на народном двухструнном смычковом музыкальном инструменте "апхярце". Но только в немногих своих частях эпос дошел в форме песенного повествования, неотделимого от силоса и музыки (существует особая нартская мелодия), а иногда (например, в "Песне о матери нартов") сопровождаемого и танцами.

Изучение богатого абхазского фольклора стало возможным только после установления советской власти в Абхазии. Собирание и публикация нартского эпоса были начаты

сравнительно недавно. Лишь в 1940 году впервые увидели свет четыре нартских сказания в книге абхазских сказок на абхазском языке. Не удивительно, что вследствие такого запоздалого внимания к абхазским нартским сказаниям, безвозвратно были потеряны многие, в том числе, быть может, и некоторые из наиболее важных частей этого эпоса.

И только в последние два-три десятилетия Абхазским институтом языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР проделана большая работа по собиранию и изучению абхазского фольклора, в том числе нартских сказаний. Сотрудниками института, в частности составителями и авторами подстрочного перевода настоящего издания - "Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев", было выявлено, записано из уст народных сказителей и обработано большое количество сказаний; ими же был составлен сводный текст нартского эпоса, послуживший основой настоящего издания.

Ш. Инал-ипа.

Имя ее Сатаней-Гуаша

Сатаней-Гуаша была матерью ста нартов - богатырей, а их отца звали Хныш, Слава ее была выше мужней. К ее мудрым советам прислушивались не только нарты, но и весь народ. За ум и красоту Сатаней-Гуашу величали Золотой Владычицей.

Сыновья ни в чем не перечили ей. Мать одна, а их-то сто! Если бы возвысили они свой голос против матери, что она могла бы поделать с ними? Женщина у апсуа* (* Апсуа - так абхазцы называют себя.) пользуется особым уважением и по сей день. Разве удивительно, что Сатаней-Гуаша в те далекие времена благодари своему уму и красоте была окружена великим почетом?

Хотя Сатаней-Гуаша и родила сто детей - тело ее, подобно свежему сыру, было тугим и белым. И любой человек, сдержанный в чувствах и с большим самообладанием, приходил в замешательство, если в глаза ему вдруг бросалась хотя бы частичка ее оголенного тела. Белая кожа Сатаней-Гуаши была такой ослепительно яркой, что отражение блеска ее, падавшее на море и от моря на горы, часто сбивало корабли с верного направления. И. не мало мореходов погибло именно по этой причине. Обломки кораблей находят и до сего дня на берегу нашего моря.

Для своих прогулок Сатаней-Гуаша выбирала долины рек Бзыби и Кубины*, особенно Кубины. Она стирала на берегах этих рек, когда это приходилось делать.

Сатаней-Гуаша выходила обычно в долину Бзыби и шла вверх до самого истока, и через перевал направлялась к истоку Кубины. Затем ее видели у самого устья Кубины. И тем же путем возвращалась она к истоку, а оттуда - к верховьям Бзыби и мимо озера Рица - к Черному морю.

В Апсны** уже знали, когда Сатаней-Гуаша купалась в Рице. Подымаясь в горы или спускаясь в долину, она любила окунуться в холодную воду этого озера. И тогда от нагой купальщицы исходил свет, похожий на свет восходящего солнца. По временам чудесные зарницы освещали берег нашего моря. И жители уже знали, что Сатаней-Гуаша - в воде хрустально-чистой Рицы и что скоро прибудет на побережье.

Случалось и так, что Сатаней-Гуаша, прогуливаясь по долинам Бзыби и Кубины, пряла пряжу. Отдыхая, она купалась в реках. И от нее постоянно исходил всё тот же чудесный свет, она сверкала без солнца и без луны.

Как уже говорилось, одежду своих сыновей стирала она где ни будь на берегах Бзыби или Кубины. И не раз Зартыжв и другие пастухи зачарованно глядели на Сатаней-Гуашу. А стада тем временем разбегались, и пастухам подолгу приходилось их собирать.

Так проводила время Сатаней-Гуаша в своих путешествиях.

Однако чаще всего находилась она дома, где с превеликим умением и старанием вела немалое хозяйство. Ни утром, ни в полдень, ни вечером не знали ее руки покоя от домашних дел.

Примечания

Кубина - река Кубань.
Апсны - Абхазия.

Песня о матери нартов

Проснулась, когда рассеялась ночи мгла,
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Шерсть шести тысяч овец взяла.
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Вокруг левой руки эту шерсть обвила
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Без сучьев ровный выбрала бук
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
С корнем вырвала этот бук
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Этот бук превратила в веретено
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Мгновенно в руках завертелось оно
У матери нартов Сатаней-Гуаша.
Выбрала большую скалу-острие
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Перевернула и в прялку превратила ее
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Для работы готово все, наконец
У матери нартов Сатаней-Гуаша.
Шерсть шести тысяч прядет овец
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Так ретиво работает, так прядет
Матерь нартов Сатаней-Гуаша,
Что по всем окрестностям гул идет
От матери нартов Сатаней-Гуаша.
Гул идет по горам, по Бзыби - реке
От матери нартов Сатаней-Гуаша.
Готовую пряжу несет в руке
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.

Пряжу эту спряла из мягких колец
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Из мягкой шерсти шести тысяч овец
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Принесла эту пряжу домой, где станок,
Матерь нартов Сатаней-Гуаша,
Натянула основу, заложила уток
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
По горам расстилается синяя тень
Вкруг матери нартов Сатаней-Гуаша.
На этом окончился первый день
У матери нартов Сатаней-Гуаша.

Утром постаралась пораньше встать
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Начала на станке материю ткать
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Сотрясается земля от движенья станка
Матери нартов Сатаней-Гуаша.
Получается ткань плотна и крепка
У матери нартов Сатаней-Гуаша.
Ткала, ткала пока могла
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Ткала пока пряжа в станке была
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Всю материю вынула из станка
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Аккуратно сложила ее пока
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
На горы ночная упала тень
Вкруг матери нартов Сатаней-Гуаша.
На этом второй окончился день
У матери нартов Сатаней-Гуаша.

Встала, когда солнце рассеяло мглу,
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Взяла свои ножницы, взяла иглу
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Мелькает игла в руках все быстрей
У матери нартов Сатаней-Гуаша.
Шьет одежды для ста своих сыновей
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.

Коснулось солнце вершины дерев
Над матерью мартов Сатаней-Гуаша,
Последнюю нитку в иголку вдев
Матерь нартов Сатаней-Гуаша,
Все одежды успела скроить и сшить
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Все одежды успела в стопу сложить
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.

Не коснулось солнце далеких вод
Перед матерью нартов Сатаней-Гуаша.
Один ее сын из похода идет
К матери нартов Сатаней-Гуаша.

Не скрылось солнце в пучину вод
Перед матерью нартов Сатаней-Гуаша
Еще три сына стоят у ворот
Перед матерью нартов Сатаней-Гуаша.

Один за другим закончив поход
Перед матерью нартов Сатаней-Гуаша,
Сто сыновей у домашних ворот
Перед матерью нартов Сатаней-Гуаша.
Каждый добычу к ногам кладет
Матери нартов Сатаней-Гуаша.
О каждом громкая слава идет
И о матери нартов Сатаней-Гуаша.
Своих сыновей ведет всех в дом
Матерь нартов Сатаней-Гуаша,
Рукой их головы обводит кругом
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Видит сыновей богатырскую стать
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.
Стала одежды на сыновей примерять
Матерь нартов Сатаней-Гуаша.

Без примерки шила, а просто на глаз
Матерь нартов Сатаней-Гуаша,
Но все одежды пришлись как раз
У матери нартов Сатаней-Гуаша,

Начали сыновья гулять, пировать
С матерью нартов Сатаней-Гуаша.
Начали сыновья петь и плясать
С матерью нартов Сатаней-Гуаша.

Плясками небо они сотрясли
Перед матерью нартов Сатаней-Гуаша,
Сыновья родной абхазской земли
И матери нартов Сатаней-Гуаша.

О том, как появился на свет герой Сасрыква

Нарт Сасрыква был самым младшим сыном Сатаней-Гуаши. Он был сотым и самым любимым.

Вот как он родился.

Приближался заветный день, когда должен был появиться на свет Сасрыква, и Сатаней-Гуаша принялась ткать полотно из белоснежной шерстяной пряжи. Ткала она так усердно,

что содрогался каменный нартский дом. Из полотна она сшила белоснежную черкеску для новорожденного. Да, для новорожденного! И недаром удивленно спрашивали друг друга люди, видя черкеску, вывешенную на солнце

- Что это значит?

Она сшила и черкеску и башлык, сшила архалук и шелка, а затем начала кроить и шить рубашки из тон кой нежной ткани.

Она обшивала в течение одного дня девяносто девять своих сыновей. И, разумеется, ей не доставляло большего труда сшить одежду для одного младенца. И все-таки она выглядела усталой и грустной.

Да, она ждала ребенка, и сердце подсказывало ей, что будет он необыкновенным. Но каким именно?

Колыбель, в которой Сатаней-Гуаша поочередно баюкала девяносто девять своих сыновей, была в полной сохранности, но матери казалось, что новорожденный будет достоин иной, лучшей колыбели.

Вот почему Сатаней-Гуаша отправилась к Айнару-кузнецу и сказала ему:

- Случилось со мною, Айнар, нечто такое, что только ты один должен знать, и никто другой. Окажи мне помощь - я нуждаюсь в ней.

- Гуаша, золотоногая, можешь рассчитывать на Айнара: мой молот всегда готов к работе, и наковальня тоже, да и огонь горит в горне, подобно солнцу. В чем же ты нуждаешься, Сатаней-Гуаша?

- Мне нужна колыбель, - сказала мать девяноста девяти нартов, - но не простая. Мне нужна колыбель из железа, но шум ее, когда она будет качаться, не должен тревожить ребенка. Вот что мне нужно!

- Хорошо, - сказал Айнар-кузнец, - но дай мне срок. Надо расплавить железо не простым, а особым огнем, и нужно выковать колыбель не из простого, а из особого железа.

- Приступай же к делу, - сказала Сатаней-Гуаша.- Приступай, и я посмотрю, на что твои руки способны.- И еще добавила Сатаней-Гуаша: - Спасибо, просьбу мою уважил, но я опасаюсь...

- Чего же ты опасаешься, золотоногая Сатаней-Гуаша?

- Я боюсь, что высота, ширина и длина колыбели будут обычными...

- Золотоногая Сатаней-Гуаша! - воскликнул Айнар-кузнец. - Брат нартов, которому суждено родиться, не будет похож на остальных нартов. Его рост не будет равен росту его братьев, а геройством он превзойдет всех. Вот почему его колыбель должна быть необычной. Но зачем же говорить о размерах колыбели до появления младенца? Узнают люди, и злые языки скажут: нарты собираются приручить жеребенка, который еще в утробе матери. Если доверяешь - предоставь это дело мне.

- Я верю в твои золотые руки, - сказала Сатаней-Гуаша. - Даже враги нартов признают твое искусное мастерство. Но я бы хотела сказать еще кое-что.

- Говори же, Сатаней-Гуаша. Когда это бывало, чтобы слова твои не доходили до ушей моих?

- Вот ты примешься за колыбель. Огонь в твоем горне будет гореть и днем и ночью, и молот твой будет греметь, как гром. Мои сыновья могут неожиданно появиться и спросить, чем ты занят. Что ответишь ты им? Неужели скажешь, что куешь колыбель для нарта, который должен появиться на свет. Тогда они спросят меня: "О мать, откуда это дитя?" Что отвечу я им? Пусть уж лучше узнают о нем, когда на свет появится, а потом думают что угодно!

- Не беспокойся, Сатаней-Гуаша, - сказал Айнар-кузнец, - я умею не только ковать, но и тайны хранить. Не будет никакого шума, ведь железо в моих руках - что воск.

Ночью дул сильный ветер. Громыхал гром. По кровлям бил град. Но люди спали спокойно. Спали все, кроме Сатаней-Гуаши и Айнара-кузнеца.

Мог ли уснуть Айнар, если всю ночь ковал железо?

Могла ли уснуть Сатаней Гуаша, если всю ночь ждала ребенка?

Она родила девяносто девять нартов, но такой тяжелой мочи, как эта, у нее не было. Всех девяносто девять сыновей воспитали, по обычаю, на стороне. Но этого, который должен был появиться на свет, она решила ни за что но отдавать на воспитание чужим.

Всю ночь ходила она взад и вперед: ей казалось, что непременно родится мальчик, и она придумывала имя для него. Наконец выбрала самое звонкое: Сасрыква!

Начало светать. Прошло ненастье. Лучи солнца коснулись снежных вершин. И вот раздались возгласы женщин:

- Мальчик родился! Мальчик!

Верно, родился воистину необыкновенный мальчик. Огненно-красный, он пылал точно огонь в очаге. Попробуй, дотронься!

Одна из женщин поднесла ему грудь и тут же вскрикнула:

- Ой, обожглась!

То же случилось и со второй и с третьей. Нет, невозможно было притронуться к младенцу: не знали, как с ним и поступить! А ребенок, словно взрослый, смотрел вокруг ищущим взглядам, словно кого-то высматривал.

Да, ребенок был горячий, как огонь. Поэтому немедля вызвали кузнеца Айнара. Тот не замедлил явиться - словно на крыльях прилетел.

Он долго разглядывал мальчика.

- Пусть разрастается, не кончаясь, род великих нартов! - произнес Айнар и своими огромными щипцами, которыми вытаскивал из горна раскаленное железо, приподнял мальчика за ногу и перенес в свою кузню.

А в кузне у него закипало расплавленное железо. В эту страшную солнцеподобную жидкость он и опустил мальчика.

Это случилось утром, а купался маленький нарт в расплавленном железе, словно в теплой воде, до полудня. И только в полдень Айнар-кузнец решил, что мальчик достаточно закалился в солнцеподобном железе, и вытащил его оттуда. Лишь правая нога ребенка, за которую ухватился Айнар-кузнец щипцами, навсегда осталась незакаленной.

Мальчик закричал:

- Я голоден, мама! Накорми меня!

И Айнар-кузнец напоил его солнцеподобным железом. А потом подал ребенку целую лопату солнцеподобных угольев. И ребенок съел их все до последнего.

- Хочу спать, мама, хочу спать! - закричал мальчик.

Сатаней-Гуаша беспокойно ходила вокруг кузницы. Услыхав голос своего сына, заторопилась к нему и на руках понесла к себе. Несла и поражалась: совсем недавно он был горячее огня, а теперь стал теплым, как обыкновенный человек.

- Куда ты меня уложишь, мама? - вдруг спросил мальчик.

- Вот сейчас принесут твою колыбель, дитя мое,- сказала Сатаней-Гуаша и велела послать за колыбелью.

Но посланный вернулся ни с чем, едва переводя дух.

- О золотоногая Сатаней-Гуаша! - воскликнул он. - Я не мог донести колыбель. Она слишком тяжела.

- Ах ты немощный! - сказала в гневе Сатаней-Гуаши. - Как ты смеешь меня обманывать! Неужели детская колыбель не под силу тебе?

И попросила сходить за колыбелью другого. Но и тот вернулся с пустыми руками.

- Неужели ты без костей, словно улитка? - поразились Сатаней-Гуаша. - Неужели и ты детскую колыбель не смог донести?

- Оставь их, мама. Мне самому хочется поразмяться.

Это говорил маленький Сасрыква. Он был одет в черкеску, на ногах - шерстяные ноговицы, голова повязана башлыком.

- Как? Ты сам притащишь колыбель? - сказала и отчаянии Сатаней-Гуаша. - Что же скажут люди? Скажут они вот что: родился сын у нартов, а колыбели не оказалось для него. Твое ли дело таскать колыбель? Найдем человека для этого.

Однако Сасрыква был уже у ворот.

Мать бросилась за ним.

Маленький - не выше травы - Сасрыква шел вперед, А мать, едва поспевая, бежала за ним.

Сасрыква нашел свою колыбель в кузне и вскарабкался на нее. Не успел он в ней растянуться, как колыбель сама стала качаться, усыпая удивительного ребенка.

Качается колыбель, качается,
Колыбельная песенка не кончается.
Туда качнется колыбель - дыгу-дыгу*,
Сюда качнется колыбель - дыгу-дыгу.
Сатаней-Гуаша над ребеночком наклоняется,
Колыбельная песенка не кончается.
Туда качнется колыбель - дыгу-дыгу,
Сюда качнется колыбель - дыгу-дыгу.
Сыночек мой, как солнце, светится,
Лицо у него яснее месяца.
Так поет матерь нартов песенку,
Так качать колыбель ей весело.
Шиши наани, уа наани,
Хуху наани, уа наани.
Качается колыбель, качается,
Колыбельная песенка не кончается.
Туда качнется колыбель - дыгу-дыгу,
Сюда качнется колыбель - дыгу-дыгу.
Ты расти, мой ребеночек, не по дням,
Ты расти, мой ребеночек, по часам.
Шиши наани, уа наани,
Хуху наани, уа наани!

* *Так скрипит качающаяся колыбель*.

Так, рассказывают старики, родился нарт Сасрыква. О том, как он родился, сложили еще и песню. И вот какова эта песня.

Светящаяся словно солнце, сияющая как луна

Где Кубань-река по камням несется,
Матерь нартов по берегу шла, она
Без солнца светилась, словно солнце,
Без луны сияла вся, как луна,
Тысячу льняных снопов она измяла,
Тысячу льняных снопов она истрепала.
Прялку с куделью взяла она в левую руку,
В правую взяла веретено из огромного бука.
Вдоль по берегу Кубани матерь нартов идет,
Без лени и устали пряжу прядет.
Пряжу, что за день она напрядет,
В тот же день в холстину она соткет.
Холстину она отбелит, снега белей,
Одежды нашьет для своих сыновей.
Так-то шла матерь нартов вдоль Кубани,
Камни попирая ногами.
Шла она попирая ногами камни,

А пряжу пряла она руками,
На полдневном солнце ей жарко стало,
От ходьбы и работы она устала.
Решила она отдохнуть, в воде охладиться.
Сбросила одежды, еще больше стала светиться.
Где Кубань-река по камням несется,
Догола разделась матерь нартов, она
Без солнца светится, словно солнце,
Без луны сияет, словно луна.
Тело ее обнаженное было
Белее, нежнее овечьего сыра.
Стала она омываться, купаться,
В прохладной воде играть, плескаться.

А на другом берегу Кубани чистой
Паслись быки на поляне тенистой.
Спокойно они на траве лежали,
Достойно, медленно жвачку жевали.
Матерь нартов поглядела из под руки.
Унан! Да это же моих сыновей быки!
Вгляделась матерь нартов попристальней
И увидела, что на поляне тенистой
Среди быков, хранящих спокойный вид,
Что-то еще чернея лежит.
Может, камень с горы скатился, упал?
Подгнил ли и грохнулся дуб-старик?
Но для дерева предмет этот слишком мал,
Для камня предмет этот слишком велик.

"Хаит! - воскликнула матерь нартов вслух,
Да это же Зартыжав там лежит, пастух!
Эй ты, - закричала она, - Зартыжав!
Так что сдвинулась земля задрожав,
Унан - возглас, выражающий удивление.

Почему, лежебока, лежишь и спишь?
Почему через реку на меня не глядишь?
Ты что? Совсем там слеп и глух?

От грозного крика встрепенулся пастух.
Брови пастух этот закидывал за спину,
А глаза у него были красные, заспанные.
Глаза у него были заспанные, красные,
Глаза у него были навыкате, страшные.
Если же брови вперед до земли опускались,
То глаза пастуха за ними скрывались.

Встрепенулся пастух, проснулся,
Вокруг испуганно оглянулся.
Что-то вроде солнца его ослепило,
Что-то вроде луны его осветило,
Что-то на том берегу реки сияет,

Что-то берег тот озаряет.
Вскочил пастух на ноги, озирается,
Громогласному окрику удивляется,
Его ли зовут или просто слышится,
Между тем вода в Кубани колышется.
Кто-то там в Кубани купается,
Кто-то плещется, омывается.
Как увидел он женское тело,
Кровь взыграла в нем, закипела,
Потому что тело это женское было
Белее нежного овечьего сыра.
Окончательно пастух проснулся и догадался
Кто это там в Кубани купался,
Кто там плавает на спине
По кубанской светлой волне.
При виде этакого купанья
Возгорелись его желанья.
Но и то понять ему было надо,
Что купается это не кто-нибудь, а матерь
С одной стороны он рвется к ней и стремится,
С другой стороны он ее боится.
Спрашивает он через широкую реку Кубань:
- Ты звала меня или это слуха обман?
Ты кричала или камыш на ветру колышется,
Ты звала или мне послышалось?
Могу я придти или не могу
К тебе, находящейся на другом берегу?

Ради правды сказать тут надо,
Что Гуаша увидеть пастуха была рада.
Не от скуки она его искала,
А потому что встречи этой желала.
Даже во сне эта встреча снилась,
Тогда ее сердце сильнее билось.
И теперь, когда она пастуха наяву увидала,
Когда голос его издалека услыхала,
Тотчас закричала ему ответно,
Тотчас рукой замахала приветно:
-Да, это я позвала тебя, да,
-Приходи ко мне скорее сюда!

Но пастух на другом берегу желанья полный,
Боится броситься в речные волны.
Бегает по берегу перед водой бурлящей,
Кричит Гуаше его манящей:
-Видишь, - кричит, - как Кубань разлилась
Если брошусь, - кричит, - погибну тотчас.
Если брошусь в реку, долго ли до беды,
Не выплыть мне из такой воды.
Погубит меня такая вода, унесет,
Никто меня тогда не спасет.
Очень хочется мне с тобой повстречаться,

Но очень жалко с жизнью расстаться.
-Ах, ты, - кричит Гуаша,- такой сякой,
Струсил перед бурлящей рекой.
Я до тебя, пастух, снизошла,
Я тебя, пастух, к себе позвала.
Пастух, ты, оказывается, и есть - пастух,
Где в тебе мужчины храброго дух?
Другого от тебя нельзя дождаться,
Ладно, буду одна купаться.

Белым телом сверкая она купается,
А бедный пастух все сильней распаляется
Кровь в нем кипит, как вода в котле,
Думает, как после этого жить на земле?
Опозорен он окончательно и унижен,
А вода перед ним камни острые лижет.
О круглые камни вода обтекает,
Как поступить пастух не знает.
И хочется к женщине и жизни жалко.
Отбросил он свою пастушью палку,
Опозоренный, униженный, желанья полный,
Бросился он в речные волны.
Бросился он в воду со всего размаха,
Накрыла вода его с головой и папахой.
Потянуло сразу его ко дну.
Про себя подумал пастух - тону.
Боролся он с водой что было сил,
Но поток покрутил его и на берег выбросил
Однако это пастуха не остановило,
Сердечного пыла его не остудило
Больше прежнего разъярясь,
Прыгнул он дальше, чем в первый раз.
Снова начал тонуть бедняга,
Но ухватился за проплывающую корягу.

А Гуаша на другом берегу реки
Смотрит на Зартыжва из-под руки.
Думает: справится он с рекой или не справится?
Переправится он к ней или не переправится?
Или унесет его большая вода
И пропадет пастух Зартыжва без следа?

Все силы пастух напрягает, но
Тянет его в глубину на дно.
Из бурлящей воды он не может выбраться,
Но поток покрутил его и на берег выбросил.
Отряхнулся Зартыжва, перевел он дух
И в руки взял свой волшебный лук.

-Эй, - кричит он Гуаше, матери нартов,
Мне лицо твое белое увидеть надо.
Ты платок-полушалок с лица убери,

Ты одерни на себе домотканое платье,
Ты ко мне обернись и на меня посмотри,
Будешь как солнце издалека сиять мне,
Обернулась Гуаша, платок сняла,
Лицом, как солнце, она просияла.
Тотчас из волшебного лука стрела
Над рекой полетела и засвистала.
Черные тучи над землей заклубились,
Подули ветры, ударил гром,
Во мраке молнии зазмеились,
Земля пошла ходить ходуном.

Спряталась Гуаша за округлый камень,
Голову свою загородила руками.
За камень скрылась Гуаша, спряталась,
Стрела о крепкий камень разбилась,
Человеческим образом отпечаталась,
Лицом человеческим отобразилась.
Это лицо Гуаше мило.
Матерь нартов знает как поступить:
Отколоть от камня лицо решила,
Умести домой и дома хранить.
Подходит к камню она уверенно,
Камнем другим по камню бьет.
Но пастух кричит ей с другого берега,
Полезный совет он ей дает.

- Пока не позовешь Айнара-кузнеца,
От камня не отделить тебе лица.
Ступай на запад и на восток,
Айнара-кузнеца повсюду ищи.
У этого кузнеца правая рука - молоток,
У этого кузнеца левая рука - клещи.
Коленки у него - наковальнями,
А сила у него - небывалая.

Айнара-кузнеца Сатаней-Гуаша нашла,
К камню с человеческим образом привела.

Три дня и три ночи кузнец тот камень долбил,
Клещами тянул, молотом бил.
Приложил кузнец всю силу и все уменье,
Сатаней-Гуаша рядом ждала в нетерпеньи.
Долбил кузнец с ночи до утра, с утра до вечера
-На третий день нечто похожее на .человечка
Отделил кузнец от камня и отдал матери нартов,
Сказал, что это за пазуху спрятать надо.
За правой пазухой держать это надо в тепле и холе,
И тогда через девять месяцев не боле,
Народится мальчик, всем молодцам молодец.
Так сказал Айнар-кузнец.
А еще он сказал, что в тот же миг, когда

По соседству кобыла ожеребится.
Ожеребит кобыла сказочного коня Араша,
Для всех людей этот конь будет страшен
Кто бы не приблизился к нему стар, или мал
Будет он убивать наповал
Только сын твой, когда вырастет и возмужает,
Небывалого коня обуздает,
Потому что вырастет он всем молодцам молодец
Вот что сказал Айнар-кузнец.

Сатаней-Гуаша взяла изделье из камня бережно,
За пазуху спрятала и пошла от речного берега,
От Кубань - реки она домой пошла.
Волшебный камень словно глаз берегла.
Девять месяцев она холодящий камень грела
Теплом горячего женского тела.
Не показывала, не рассказывала посторонним людям
А сама гадала-ждала что будет.

Через девять месяцев, как исполнился срок,
И правда народился у Сатаней-Гуаша
В этот день, как ребеночек народился,
Около дома народ толпился.
Женщины суетились и помогали,
А мужчины только глазами моргали.
Говорили, что в соседней долине кобыла
Жеребка небывалого ожеребила.
Жеребёнок этот зовётся Арашем,
Для всех людей он опасен и страшен.
Кто бы не приблизился к нему стар, или мал,
Убивает он наповал.
-Мы боимся, если так и дальше пойдёт,
Слишком много людей жеребёнок тот перебьёт.
К твоим золотым стопам припадаем, матерь нартов,
Утихомирить этого жеребенка надо.

Ответила Сатаней-Гуаша этим людям:
-Жеребеночка трогать мы не будем.
Не вздумайте вы его убить,
Надобно холить его, растить.
Ведь он появился на земле у нас
С моим ребеночком в тот же час.
Мой ребеночек на других детей не похож,
И тот жеребеночек на других жеребят не похож.
Будут они быстро расти-подрастать,
Будет у них обоих особая стать.
Нравится вам это или не нравится,
Только сын мой один с жеребенком справится.
- А вы, - обратилась она к женщинам,
Айнара-кузнеца отыщите,
О рождении сына моего ему сообщите.
Он этого сообщения ждет не дождется,

Оно по душе ему придется.
Скажите, что особенного мальчика я родила,
Скажите, что имя Сасрыква я ему дала.

Огнеподобный конь Бзоу

Только родился Сасрыква, как вернулись с похода его девяносто девять братьев. Они добывали славу и добыли ее. А по дороге домой убили много туров, серн и оленей.

Приближаясь к дому, братья затянули боевую походную песню, давая знать матери, что сыновья ее целы и невредимы.
- Какая радость! - воскликнула Сатаней-Гуаша все целы, все здоровы! Пусть умру я за них!

И вот стала она у колыбели в раздумье: "Что скажут сыновья, когда увидят новорожденного? Что ответит им, если спросят об отце ребенка? Но младенца невозможно скрыть! А раз так - пусть узнают о нем сегодня же".

И Сатаней-Гуаша вынесла колыбель и поставила в тени ветвистого ореха.

Въехали сыновья во двор, увидели свою мать, сверкающую без солнца и без луны.

Разом спешились нарты.

Разом ударили кнутами по земле. И удары эти отозвались громом в горах.

Нарты по старшинству вошли в дом. Расселись за столом по старшинству. Выпили за свою мать, превознося её превыше гор. А тем временем им прислуживали младшие братья. Таков уж был застольный обычай у нартов. А разве иной у нас, у апсуа?
Вот трое молодых нартов вышли во двор. И что же они увидели? Под ореховым деревом, верхушка которого достигала неба, стояла диковинная колыбель: мало того, что была она выкована из железа, она к тому же сама качалась. В колыбели спал ребенок - богатырь с виду.

Один из нартов попробовал остановить колыбель, но отпрянул в сторону, точно его лягнул горячий жеребец. То же самое в точности повторилось и со вторым и третьим нартом.

- Что же это такое?! - сказали молодые нарты. Мы побеждали великанов, а тут не можем остановить качающуюся колыбель?
И втроем взялись за дело. Бились они, бились, но остановить колыбель так и не смогли. Утомленные, они тут же повалились от усталости.

А ребенок спал и рос. Он спал и рос. От него веяло богатырским здоровьем. Его ноги уже достигли края колыбели - и он проснулся. Потянулся, ухватился за перекладину колыбели и крикнул:

- Мама!
- Я здесь! - ответила Сатаней-Гуаша, не покидавшая стола, за которым пировали ее сыновья.
- Где мой конь, мама? Где мой конь? - кричал Сасрыква.
Братья удивленно переглядывались. Наконец они поняли в чем дело. Но никто не высказал ни единого слова в слух.
- В день твоего рождения появился на свет огне подобный жеребенок - Араш, - сказала

Сатаней-Гуаша. Сейчас ты увидишь его.
Она попросила тех, кто помогал ей по хозяйству, при вести коня. Один из них побежал на задворки в конюшню и вскоре вернулся, держась за голову.
-Меня лягнул жеребенок, - простонал он.
-Ну и мужчина! - сказала Сатаней-Гуаша и по просила сбегать за конем другого.
Но и этого постигла неудача: его чуть не ошпарило паром, который шел из ноздрей жеребенка, словно дым из трубы.
-И ты не лучше твоего друга, упрекнула его Сатаней-Гуаша. - Точно из воска!
Но тут вмешался Сасрыква, разгуливавший по двору Он сказал так:

Растет Сасрыква, мужает день ото дня,
Время настало сесть ему на коня.
Хочет идти он в табун, чтобы взять скакуна,
Но мать его не пускает, по иному решила она.
Посылает в табун она верных надежных людей,
Пусть выберут там они лучшего из коней.
И вот уж оседлан, и вот уж покинул табун,
Огненной масти сильный и резвый скакун.
Сасрыква молодецки и смело садится в седло,
Гоу! Гоу! - коню он кричит, но дело у них не пошл.

Как только седок-богатырь оказался в седле,
Ноги коня начали вязнуть в земле.
До самых колен начали ноги врастать,
Двигаться шагом нельзя, не только скакать.

-Я младший из нартов, - сказал о себе Сасрыква,
Не хочу, чтобы имя мое обрастало молвой.
Будут все говорить и судить про меня:
Будто я погубил дорогого коня.
Он седло покидает, на землю ступает ногой,
Обратно в табун убегает расседланный конь дорогой.

Матерь нартов сынку своему открывает секрет:
-Средь обычных коней для тебя подходящего нет
В тот же час, когда ты у меня народился,
Жеребенок в соседней долине на свет появился,
Ты мой ребенок, на других детей не похож,
И тот жеребенок на других жеребят не похож.
Кто бы ни приблизился к нему - стар или мал,
Убивает он наповал.
Сказано, что лишь ты, когда возмужаешь,
Необыкновенного коня обуздаешь.
Так что медлить тебе, сынок мой, нечего,
Идти тебе не коротко, идти тебе и не длинно.
Бери скорее в руки уздечку
И отравляйся в соседнюю эту долину.
Когда в долину придешь ты, крикни,
Конь, услышит, заржет в ответ.
От этого ржанья трава поникнет,
От этого ржанья померкнет свет.
Такое у ржанья этого свойство,

Но ты, мой сын, ничего не бойся.
Ты вместе с этим конем родился,
Этот конь для тебя на земле появился.

Встав над долиной, Сасрыква крикнул,
Конь громогласно заржал в ответ.
От этого ржанья трава поникла,
Померк от этого белый свет.

Но Сасрыква не стал коня опасаться,
А конь подбежал и начал ласкаться.
Сасрыква сказал ему доброе слово,
Сказал, что будет называть его Бзоу,
Потрепал по шее, надел уздечку,
И домой возвратился в тот же день, к вечеру

Сатаней-Гуаша очень рада была,
Железное седло сынку подала.
Накормила коня она чистым железом,
Богатырским коням оно полезно.
С хрустом конь жевал железо и сталь,
Ещё больше стал, еще крепче стал,
До верхней балки спиной достал.

Ранним утром, когда едва рассвело,
Сасрыква опять уселся в седло,
Покидая свой дом и свое село.

В это время нарты, позавтракав плотно,
Перед домом-крепостью ровное место выбрав
Занялись не работой и не охотой,
А затеяли разные игры.
-Смотрите-ка, смотрите, крикнул кто то из нартов,
Мальчишка ростом не выше травы,
А к нам приближается. Что ему надо?
Знать, не жалко ему своей головы.

-Дад, - обратились они к мальчишке,
Откуда ты и кто твой отец?
Берешь на себя ты, пожалуй, слишком,
Что к нам приближаешься, сорванец.

Мальчик нартам ответить рад:
-Как же вы меня не узнали?
Ведь я же ваш самый младший брат,
Сасрыква, вот как меня назвали.

-Мы не знаем пока еще чей ты сын,
Но забираешься, право же, ты высоко,
Наш младший брат уже носит усы,
А у тебя на губах молоко не обсохло.

-Разве сила и ловкость в одних усах,
Говорит Сасрыква, слезая с коня.
-Сейчас увидят они чудеса,
А ты, мой конь, подожди меня,
Подбежал Сасрыква к коновязи,
Где кони нартов стояли привязанные.
Схватил он одного коня поперек живота крепко,
И перебросил его через дом, через крепость,
А пока конь через дом-крепость летел,
Сасрыква на другую сторону перебежать успел,
Летящего, падающего коня успел поймать:
Так стал он всех коней через дам кидать,
А потом ловил их и сразу же
Обратно через дом перебрасывал,
Опять ловил и к той же коновязи
На прежнее место опять привязывал.
Так играл он конями словно мячиком,
Хоть и выглядел совсем еще мальчиком.
Перекидал он так девяносто девять коней,
Удивлялись нарты все сильней и сильней,
Стояли великие нарты в изумлении,
Стали они высказывать свое мнение.

Нарт по имени Сит сказал: "К добру ли это?"
Нарт по имени Хабжноу сказал: "Не грозит ли это бедой?"
Нарт по имени Цвицв сказал: "Не померещилось ли нам это?"
Нарт по имени Губокиа сказал: "Восхищаетесь вы ерундой.
Вы же великие нарты, богатыри знаменитые,
А головы повесили, словно побитые,
Наши кони и сами ведь одним скачком
Через дома перескакивают, а мальчишка здесь не при чем".

В это время конь Бзоу начал ржать,
Начал копытами землю рыть,
На дыбы поднялся - не удержать,
Ноздри раздувает - не укротить,
Искры посыпались из-под подков от камней,
Пламя с дымом вылетело из ноздрей.
Сасрыква вскочил на коня ловок и молод,
В руке у него вместо кнута - железный молот.
Конь скосил налитые кровью глаза
И как ястреб поднялся под небеса.
Взвился конь в синее небо, за облака,
Собираясь о небо разбить седока.
Но Сасрыква соскользнул с седла коню под брюхо.
Конь о небо спиной ударился глухо.
Собирался конь разбить седока о восток,
Седок перескакивал на левый бок.
Собирался конь разбить седока о закат,
Седок на правый бок перебрался назад.
Конь опять было взвился к небу спиной,
Но поднял свой молот ездок удалой.

Ударил он коня про между ушей,
Посыпались искры, а в глазах у коня
Потемнело, как в темнейшую из ночей,
Померкло в глазах сиянье дня.
Покатился конь, как звезда с небес.
Но упал не на поле он, не на лес,
Он упал на вершину Эльбрус-горы,
Седловина там и до сей поры.
Всем и пешим и конным хорошо видна,
От паденья коня осталась она.
Сасрыква во второй поднял молот раз,
Опустил его между конских глаз.
Посыпались искры, а в глазах у коня
Померкло сразу сиянье дня.
Сделал конь с Эльбруса-горы прыжок,
Удержался в седле удалой ездок.
Оказался он вместе со своим конем
Там где нарты живут, где их крепость-дом,
Там где нарты, позавтракав плотно,
Перед домом-крепостью место выбрав,
Занимались не работой и не охотой,
А затевали разные игры.

Сасрыква коня остановил перед ними,
Спешился целый и невредимый.
Начали нарты между собой шептаться,
Ездоку небывалому удивляться.
Пошептались, поудивлялись и решили, что надо
Расспросить обо всем у матери нартов.
Звать, кричать они начали в тот же час:
-Где ты, паша мать, далеко ли от нас?
Ты приди, наша мать, к сыновьям своим
Слово верное ты промолви им.
Объявился тут удалец-малец,
Но не знаем мы, кто его отец.
Что то есть в нем наше, нартское,
Богатырское, великанское,
Что то есть в нём от тебя, наша мать,
Но кто он такой не можем понять.
Ведь наш отец уж сто лет как слепой.
Он сто лет - седой, он сто лет - больной,
Никуда уж он, наш отец, не годится,
Не мог Сасрыква от него народиться.
Ну так чей же сын удалец-малец?
Расскажи ты нам, кто его отец?

Отвечает мать своим сыновьям:
-Вы послушайте, что скажу я вам.
Этот мальчик Сасрыква - настоящий нарт,
Вам прославленным он достойный брат.
Не придется вам за него стыдиться,
Все вы будете им гордиться.

Но родился он не от отца поседелого,
А родился он от камня серого,
Где река-Кубань средь лугов бежит,
Серый камень там на траве лежит.
Обтесал его Айнар-кузнец...
Я за пазухой камень грела.
Через девять месяцев родился удалец-малец,
Вот как, сыновья мои, было дело.

Сто братьев нартов

Жили в старину эти люди рослые,
Называли их великими нартами,
Были с виду они суровые, грозные,
Были стройными, были статными.

Жили они в Апсны, в Стране Души,
Было их сто от единой матери,
Были они молоды и лицом хороши,
Называли их великими нартами.

Если бы на бок любой из них лег,
Голову подперев рукой,
Под талией кот пройти бы мог,
Хвост свой подняв трубой.

Так в поясе нарты были тонки,
А плечи у них были широкими, мощными,
А доспехи у них были крепки и звонки,
А стрелы у них были меткими, точными.
Звучным, громким был у них голос,
Кинжалы у них сверкали,
Мечом они на лету рассекали волос.
Поражений они не знали.

Были все они дружными братьями,
Называли их великими нартами.

Бурки у них за плечами, как черные вихри.
Папахи на головах, как белые голуби,
На конях-аргамаках выехав,
Гарцевали они, веселые,
Они в черкесках и архалуках,
При мечах, кинжалах и луках.
Глаз не оторвать, как были они хороши,
Жившие в Апсны, в Стране Души.
Горе и радость поровну они делили, -
Настоящими дружными братьями были.
А когда в поход они отправлялись,
Где ждала их слава, ждали успехи,
По-боевому они снаряжались,

Надевали кольчуги, надевали доспехи,
Кольчуги пулями непробиваемые,
Доспехи мечами неуязвимые...
Неизвестно где они пребывали,
Но возвращались все невредимые.
Ведь богатырская была у них сила,
А сталь мечей их была остра.
Сто братьев нартов на свете жило,
И была у них всего лишь одна сестра,
Белолицая, белогрудая,
Называлась сестра их Гундою.
Сит звали нарта брата старшего,
Сысрыква звали, нарта брата младшего.
Сасрыква был, говорят, от камня рожден,
Ни пуль, ни мечей не боялся он.
Не брали его ни стрела, ни кинжал,
Громкую славу себе он стяжал.

А дома у нартов были сделаны
Из камня тесаного, из камня серого.
Дома у нартов были огромные,
А комнаты, где они ели,
Были не комнаты, а хоромы.
Погреб был у них прохладный, глубокий,
И таким он сделан был не напрасно.
Хранились там кувшины глиняные, крутобокие,
Наполненные вином душистым, красным.
Из кувшинов, что драгоценную влагу хранят,
Самый большой называется вадзамакят.
А на стенах объемисты, велики,
Висят деревянные черпаки.
Вся усадьба нартовская, как надо,
Каменная окружает ограда.
Ограда эта, сложенная умело,
До нашего времени уцелела.
Не простая это ограда, она
Местами причудливая, резная.
Сохранились на ней кое-где письмена,.
Но на каком языке никто не знает.

А братья-богатыри, могучие нарты,
Всегда и во всем стояли за правду.
Зло и коварство они наказывали,
Добро и милость они поощряли,
Следили за обоими склонами Кавказа,
От разных врагов Кавказ охраняли.

И разумом и в делах они были скоры,
Не хвалились они своими победами,
Для них что равнина, что высокие горы.
Нигде препятствий они не ведали,

Враги разбегались от них, как псы,
А реки их были Кубань и Бзыбь.

Табуны, отары, коров стада
У них многочисленны были всегда.
И хотя они знали - никто не тронет
Того, что нартам принадлежало,
На каждой лошади или корове
Тавро особенное стояло,

Больше всего не любили они воров,
Похищавших лошадей, овец и коров,
У простых крестьян угонявших скот
Суд над ворами был у них скор.

Со злыми они и сами злыми были,
А с добрыми и сами добрыми были.
Со взрослыми они взрослыми, мудрыми были,
А с детьми они и сами как дети были.
Гостей привечать они любили,
По душам поговорить они любили.
С трезвыми они и сами трезвыми были,
С любившими выпить с удовольствием пили.

А стада свои, что бесчисленны были,
Как зеницу ока они хранили.
Нарт без коня, какой же нарт?
Хорошему коню каждый был рад.
Овцы, как сейчас, так и прежде,
Давали горцам шерсть для одежды,
Быков они берегли и хранили тоже,
Быки давали мясо и кожи.

Коней у них пас нарт Уахситу,
Кони у него всегда были сыты.
За овцами следил нарт Кун,
Нарт Кятаван за быками следил, как надо.
Был в порядке у нартов каждый табун,
Благополучным каждое стадо.
Были также пастухи запасные,
Имена их такие:
Хабугу, Нарджхеу, Ныз, Атаагиква-
Сыйлыку, Наузыдж, Нажбатаква,
Басиныхву, Хсаут, Татрашь, Хмышь...
Все они были зорки, были проворны,
Не проскользнула бы к стаду даже мышь,
Не говоря уж про волка или про вора.

Когда же нарты уходили в поход,
За стадами смотрел простой народ.
Следили за табунами простые крестьяне,
Стерегли отары односельчане.

Потому что понимал простой народ:
Нартов скот - это их же скот.
Были нарты добрыми, справедливыми,
Люди все при нартах были счастливыми.
Раз в год собирались нарты все вместе.
И во имя бога лугов и леса,
Чтоб всему скоту не заболеть, не пропасть
Отпускали на волю десятую часть.
Была у нартов в доме скамья,
Усаживалась на нее вся семья.
Братья по старшинству на скамью садились
Пили, ели и веселились.
На первом месте садился нарт Сит - старший брат.
На последнем месте садился Сасрыква - младший брат.
Кони у нартов были сильные, резвые,
Коновязь у нартов была прочная, железная,
Привязывали братья нарты к ней
Сто арашов, богатырских коней.
Глаза у нартов были зоркие, точные,
Далеко они видели, все замечали.
Стрелы у них были острозаточенные,
Никогда мимо цели не пролетали.

Но Сасрыква был особый стрелок,
В натянутый волос попасть он мог.
Хорошие охотники были нарты,
В быстроте и ловкости состязались,
Всякой добыче были рады.
С пустыми руками не возвращались.
По мелкой дичи они не стреляли,
Но оленей и зубров не пропускали.
Каждый съесть пол-оленя мог,
А сестре отдавали костный мозг.

Жило также племя соседское
Великанское и людоедское.
Великаны и нарты всегда враждовали,
Нарты великанов всегда побеждали.

Но великаны-людоеды, совершив набег,
Хватали и в плен угоняли всех.
Угоняли скот, угоняли женщин,
Детей угоняли, увозили и вещи.
Людей поедали, вкруг огня приплясывая,
Особенно лакомились младенческим мясом.

Нарты за людоедами устремлялись в погоню
Летели как стрелы нартские кони.
Тех, кого великаны съесть не успели,
Возвращали нарты из плена домой.
Поэтому возможно и мы уцелели,
Живя на нашей земле родной.

Потому не прекратился абхазский род,
"Изабеллу" пьет и песни поет.
Потому мы памяти предков верны,
Не забудет нартов страна Апсны.

Нарты у чернолицых людей

Однажды все сто нартов одели доспехи, наполнили дорожные мешки медовыми лепешка оседлали огнеподобных коней и двинулись в путь.

Вот они едут, едут. Где ночь застанет там и ночлег. Раскрывают дорожные мешки достают медовые лепешки, утоляют голод и жажду. Потом ложатся спать. А спящих берегут младшие: ходят взад и вперед - глаз не смыкают.

Поднявшись с утренней звездой, умывшись и подкрепившись пищей, сто братьев снова пускаются в путь.

Вот они едут, едут. И поют. Запевает Кятаван. Он поёт:

-Уа, рарира, райда, раша! (непереводимый припев)

Песню эту подхватывает нарт Кун. Затем вступают голоса остальных нартов. Люди слышат те песни с удовольствием говорят:

-Это нарты славу добывать едут.

Вот они едут, едут... Песня сокращает путь. Песня прогоняет усталость. И рассказы помогают - слушаешь их и дорога кажется не такой уж длинной. Поэтому Сит, предводитель нартов, слегка придержав коня, обращается к Нашбатакве:

-А ну-ка, сократи нам путь.

Можно ли ослушаться Сита? И Нашбатаква начинает рассказ о делах минувших дней. Слова его порою смешат, порою заставляют призадуматься. Устанет Нашбатаква -его сменяет Адлагиква, Адлагикву - еще кто ни будь. Так незаметно и проходит время.

Снова день клонится к вечеру. Где же заночевать? Вот прекрасная лесная опушка. Пока солнце еще не зашло, несколько нартов входят в лес и возвращаются оттуда с дичью. А младшие тем временем разводят костёр - нартский костер из огромных бревен! Вот уже готовы вертела из фундуковых ветвей, и мясо нанизано - жиром на огне сочится. Что и говорить: ужин удался на славу!...

Так путешествовали они полтора года. И однажды в полдень выехали на зеленую поляну. Посреди поляны высилось большое развесистое дерево. Нарты устали и были голодны, поэтому Сит сказал:

-Доедем до того дерева, отдохнем под его сенью да заглянем в свои дорожные мешки. И коней своих огнеподобных отпустим - пусть пасутся на воле.

Никто не стал перечить Ситу. И нарты направились к дереву, спешились под его тенистыми ветвями, поставили коней вокруг, и не просто поставили, а накинули узду одного коня на

луку седла другого. А сами расстелили бурки и уселись в тени дерева. Младшие из них принялись разжигать костры и готовить пищу. Когда же огнеподобные кони отдохнули немного, нарты, привязав уздечки к стременам, выпустили коней в широкое поле.

Дым от костров взметнулся к небу. И заметили тот дым далекие люди, жившие на расстоянии дневного пути от дерева, под которым отдыхали нарты. Была у тех людей кожа черная-черная, а зубы верхние - белые-белы и нижние тоже - белые-белые. Мужественный человек и тот испугался бы, увидев их!

Снарядили черные люди своих воинов и наказали им разузнать, что это за дым, и сообщить обо всем виденном незамедлительно.

Направились воины к дереву и увидели издали нартов. Разве могли они идти дальше? Напуганные видом героев, вернулись чернолицые к своим и рассказали об всем.

И вот собрались чернолицые - мужчины и женщины, старые и молодые, одним словом, все, кто только мог ходить. Посоветовались меж собой и решили так:

- Пока живы - будем биться. Давайте строить укрепления с той стороны, откуда идут богатыри.

И начали они рыть землю и возводить стены.

А нарты и не подозревали, какой из-за них переполох у чернолицых. Сидят себе спокойно, поют и беседуют.

Наступила ночь, а за ней утро. С первыми лучами солнца отправились нарты в путь, и к исходу дня заметили чернолицых. Очень обрадовались нарты. Еще бы: неизвестные люди, неизвестная страна!

Чернолицые тоже заметили нартов и стали готовиться к битве. Решили они подпустить нартов поближе - на расстояние полета стрелы, чтобы вернее поразить врага.

Нарты были смелыми и умными. Отобрали они не скольких воинов и послали их к чернолицым без оружия, чтобы те убедились, что к ним идут не враги, а друзья.

Вот подошли безоружные нарты на близкое расстояние, а чернолицые пустили в них стрелы. Острые стрелы ранили двух нартов, и пришлось всем нартам вернуться к своим. Хоть локти кусай от досады! Что же оставалось делать?

Ещё раз послали они к чернолицым своих безоружных братьев, но и на этот раз случилось то же, что и в первый раз.

И вот все сто сели на огнеподобных коней и бросились на чернолицых. Бросились, как разъяренные зубры, разрушили стены укреплений и порубили шашками самых отчаянных храбрецов, многих из них потоптали копытами своих коней.

Увидели чернолицые нартов и поняли, что невинным вреда они не причиняют. Успокоились. Попросили мира, и помирились с ними нарты.

Прожили братья у чернолицых ровно месяц. А когда собрались в обратный путь, то сказали так:

-Пошлите вместе с ними своих людей, пусть они увидят и нашу землю.

Чернолицые задали на прощанье пир. А затем выделили в провожатые сто чернолицых. И подарили нартам много скота.

Вот вернулись в Апсны сто братьев - нартов. С ними - сто чернолицых из далекой земли. От этих, от чернолицых происходят чернолицые, живущие и доныне в селе Адзюбжа*

Вот как ходили в походы великие нарты!

Примечания

*Адзюбжа - село на берегу реки Кодор, где до сих пор проживают потомки негров.

О том, как у нартов появились свирель и песня

Должны рассказать мы людям теперь,
Как у нартов появились и песня и свирель.
Лучшая подруга и песни и пляски
Ачарпын - называлась свирель по - абхазки

Кятаван один из нартов жил-поживал,
Недостатка в мужестве он не знал.
Как мужчина знал он охотничье дело,
Мимо цели ни разу не пролетела
Стрела, что он выпускал из лука,
Да имел он верные глаз и руку.
Был он выносли, был быстроног,
Ему что равнина, что горный склон.
Через пропасть как серна перепрыгивать мог
На скалы мгновенно взбирался он.
В споре любом был прям и честен,
Но больше всего любил он песню.
От начала века и до конца
Не было и не будет такого певца.
Пел он под звуки своей свирели,
После него и другие люди запели.
Сохранили люди о том рассказ
Как запел богатырь тот в первый раз.

А дело было так, что однажды
Отправился на охоту Кятаван отважный,
Сказал, что в такой-то день он вернется,
Когда от дерева тень скалы коснется.
Настрелял он дичи довольно,
Донести лишь бы стало силы.
Тут ногу его внезапно и больно
Ядовитая змея укусила.
Свет в глазах у него помутился,
Без сознанья на землю он свалился.
Свалился он около лежащего дерева,

У быстрой реки, у самого берега.
И хоть был он силен и был он молод,
Бросало его то в жар, то в холод.
Жизнь со смертью в его теле боролась,
Вдруг он слышит как будто голос.

Аи, аи, аи, Кятаван, ты же лучший из богатырей,
В воду столкни бревно поскорей.
Река со своей бурливой волной
Принесет тебя на бревне домой.

В бреду, не соображая, что он делает,
Столкнул охотник в воду сухое дерево,
Кое-как на него уселся,
Дичь погрузил и свое оружие,
Распухшую ногу в воду свесил.

Вода несёт его, вода его кружит.
Охотника на бревне вода несет,
А охотник не то бредит, не то поет:
-Уа, рарира, уа, райда, уа, рашье...
Братья нарты из дома повысыпали все.
-Не иначе это наш брат по реке плывет,
Не то поёт, не то па помощь зовет.
Увидели братья, как вдалеке
Бревно с их братом плывет по реке.
Поймали они бревно, притащили к берегу,
Посмотрели на брата, глазам не верят.
Брат их весь посинел и распух,
Ещё немного - испустит дух.
-Что с тобой, Кятаван, наш брат?
Что с тобой случилось, доблестный нарт?
-Да я нарт, не боюсь ни воды, ни огня,
НО меня на охоте укусила змея.
Больного на постель уложили тихо,
Послали за прославленной лекарихой.
Была она племени айргов матерью,
Лежала к ней дорога не прямая, не скатертью,
Вели к ней тропинки витиеватые,
Где деревья дремучие, узловатые,
Но не было человека ее полезней,
Умела она излечивать все болезни.
Знала она каждую целебную травку,
Больной исцелялся, шел на поправку.

Присела она около нарта, взяла его за голову,
Начала нашептывать волшебный заговор,
"Хути, хути валкватас,
Уходи болезнь, от нас.
Кровь змеиная черна,
Человечья кровь красна.
Вот я дуну

Фу, фу, фу,.
Вот я плюну,
Тьфу, тьфу, тьфу.
Хути, хути, валкватас,
Уходи, болезнь, от нас".
Она колдовала, а больной между тем
Бормотал не понятое никем:
Уа, рарира, уа, райда, уа, рашье.
Тут стали повторять за ним все.
Шепотом, вполголоса стали повторять, полагая,
Что это больному помогает:
Уа, рарира, уа, райда...

Больной поправился, все были рады.
Но слова, которые он повторял, сохранились,
В абхазскую песню они превратились.
Если когда-нибудь вам услышать придется,
Ни одна песня без этих слов не поется,

Расскажем мы добрым людям теперь,
Как появилась у абхазов свирель.
Лучшая подруга песни и пляски
Ачарпын - называется свирель по - абхазки.
Ачарпын, это горное растенье такое,
Похожее на траву, но внутри пустое.

А дело было так, что однажды
Пас коров и овец Кятаван отважный.
В полдень солнце его пригрело,
Богатырское тело его сомлело.
Свою темноволосую богатырскую голову
Положил он в тени на камень голый.
Уснул он крепко, уснул он сладко,
Забыл про овец, забыл про стадо.
А овцы, между тем, и другая скотина
Набросились на заросли ачарпына.
В пастухе пробужденье со снам боролось,
Когда он услышал как будто голос:
-Разве ты не хочешь прославленным стать,
Души отраду народу дать?
Пока глаза твои крепко спят,
Овцы славу твою съедят.
От этого голоса пастух проснулся,
От этого голоса пастух встрепенулся.
Смотрит: овцы и другая скотина
Набросились на заросли ачарпына.
Ломают они ачарпын и едят,
Весь его истребить норовят.
В середину стада пастух ворвался:
Глядит, последний стебель остался.
Срезал его он под самый корень,
Поднял его он с лицом своим вровень.

Думает, что бы тот голос значил.
Вдруг слышит: кто-то тихонько плачет.
Кто-то тихо песенку напевает,
Подсвистывает, подвывает.
Оказывается это ветерка дуновенье
В трубчатом стебле создало пенье,
Создало свист, создало жужжанье,
Создало тихое подвыванье.
Сообразил пастух, что дальше делать
Со стеблем звонким и пустотелым.
Проделал он дырочки там, где надо
Зажимать их для музыкального лада.
С тех пор незапамятных и поныне
Играют абхазы на арчапыне.
Потому они памяти предков верны,
Не забудет нартов страна Апсны.

О том, как женился нарт Дыд

Мужественный Дыд был одним из ста братье нартов. Жил он на горе Дыдрипш, что недалеко от села Ачандара.

Дыд владел огнеподобным конем, какого но было ни у кого. Только вскочит Дыд на него, а конь уж прыгает под самое небо. С вершины Дыдрипша опускался конь-араш прямо на Лыхненскую площадь, осторожно касаясь копытами земли. Когда конь летел в воздухе - сыпались искры. Когда ночью летел - казалось будто огнем полыхает небо... Из Лыхны Дыд направлялся берегом моря на запад в поисках славы...

В селе Лыдзаа проживали люди рода лыдзаа. Хорошие были люди. Любили путешествовать, подобно Дыду, и часто встречались с ним на берегу моря. Даже стычки бывали между ними и Дыдом. Но не так-то просто было запугать род лыдзаа!

Была в роду лыдзаа красивая девушка. И рост, и стан, и шея - не оторвешь глаз! Цвет лица - что кровь молоком. Глаза блестящие и черные, как спелая ежевика. Она походила на молодого ястреба, только что вылетевшего из гнезда. Всех пленила девушка из рода лыдзаа!

Однажды в летний день девушка умывалась у родинка. А в это время ехал мимо Дыд на своем огнеподобном коне. Герой увидел девушку. Очень она ему понравилась, и не удивительно - уж очень была хороша, да и сам Дыд пребывал в расцвете сил и не был женат.

Девушка выпила глоток воды, наполнила кувшин. И только сделала шаг - как перед нею вырос герой на огнеподобном коне.

-Добрый день, - сказал Дыд.

-Добрый день, - с поклоном отвечала девушка.

-Могу я спросить, - сказал Дыд,- кто живет тут поблизости?

Девушка поставила кувшин на землю и сказала:

-Здесь живет род лыдзаа.

-А кто же ты?

-Коль желаешь познакомиться с нами, зайди в наш дом, он тут недалеко. Мы гостеприимные хозяева.

Дыд сказал:

-Зашел бы, да тороплюсь. Но я знаю теперь, где ты живешь. До свидания!

С трудом оторвал он свой взгляд от девушки и отправился в путь.

А девушка? Дыд понравился ей. Она жалела о том, что не заехал он к ним, и долго смотрела ему вослед. Да и он не раз оборачивался. Не посмел он заехать к ней ко двор, потому что не ведала еще девушка о мужестве его и о делах его. А рассказывать самому об этом неудобно. Пусть от других услышит...

Дыд направился туда, куда задумал. Кто знает, сколько времени был он в пути?

И вот возвращается Дыд назад, к себе. Подъезжает он к реке Бзыбь. Смотрит - и видит на том, на другом, берегу дым столбом стоит.

Быстро переправился герой через Бзыбь и повстречал женщину - одинокую и опечаленную. И Дыд спросил ее:

-Что случилось? Откуда этот дым?

-Видишь, сын мой: там, где дым сейчас, - живет мужественный род лыдзаа. Но, видно, настал его последний час!... Была в роду лыдзаа девушка - молодая и прекрасная. И полюбил её Акулан Акуланкиара - человек тоже мужественный. Он посватался к девушке лыдзаа. Она отказала ему, ибо не понравился он ей. К несчастью, не понравился! И жених обиделся. И поклялся похитить ее во что бы то ни стало... А братья ее сказали так: "Пусть только кто-нибудь посмеет силой забрать нашу сестру!" Акулан Акуланкиара стоял на своем. А лыдзаа твердили: "Мы себя настоящими людьми считаем!" Разве так просто запугать лыдзаа? Стали посредничать мудрые люди. Но примирить так и не смогли. Акулан Акуланкиара сказал: "Силой заберу ее!" И вот уже больше недели сражаются лыдзаа и войско Акулана Акуланкиары. Горят жилища. Горит лес. Льется кровь. Каждый, кто способен поднять даже палку, пошел сражаться.

И женщина горько зарыдала.

Огорчился Дыд. Отпустил коня, расстелил бурку и лег на нее, чтобы немного передохнуть после дороги. И даже задремал от усталости.

А женщина пошла приготовить еду для гостя.

Он умылся, отведал еды и сел на коня. И, прощаясь, сказал так:

-Увидишь, женщина, что будет: хочу помериться силой с Акуланкиарой. Он не уйдет так, как ему хочется.

Но герой опоздал: Акулан Акуланкиара похитил девушку и скрылся в горах. Лыдзаа, оставшиеся в живых, преследовали его, шли по пятам, время от времени вступая в сражения с теми, кто прикрывал отход Акулана.

Что делать?

Дыд расспросил людей, в каком направлении бежал похититель. А расспросив, дал себе слово - отрезать ему путь.

Огнеподобный конь-араш подпрыгнул вверх и доставил героя к узкому ущелью. Вот здесь-то и встретил Акулана Акуланкиару нарт-богатырь. И он крикнул похитителю и всем, кто был вместе с ним:

-Бросай оружие, кто не хочет смерти!

Смелый Акулан Акуланкиара ответил:

-Кому это жизнь надоела? Кто посмел появиться передо мной?

Девушка из рода лыдзаа узнала голос Дыда. Он придал ей силы, и она набросилась на Акулана Акуланкиару.

Набросилась, как львица!

Дыд не мешкая, вылетел из засады, грозя растоптать врагов.

И враги побросали оружие.

И связал Дыд врагов. Но Акулана Акуланкиару не связал, а погнал его впереди себя, сказав девушке из рода лыдзаа:

-Жди меня здесь и стереги врагов. А я поеду туда, где твои братья бьются.

И вскоре открылось его глазам поле битвы. Лыдзаа бились с врагами. Кровь текла, с обеих сторон падали люди - падали, чтобы уж больше никогда не подняться!

Видел это Дыд с высокого холма и сказал он Акулану Акуланкиаре:

-Если ты хочешь, чтобы ты и войско твое уцелело - останови своих. Если словом не остановишь, я убью тебя и перебью твое войско. Выбирай!

Акулан Акуланкиара был не глуп. Он понял, что имеет дело нартом. И он сказал:

-Я, - в твоих руках и поступлю, как ты хочешь.

А затем вдохнул побольше воздуха в грудь и крикнул, чтобы его слышали все, кто бьется:

-Оставьте оружие! Это говорю я, Акулан Акуланкиара!

Не раз пришлось повторить эти слова похитителю девушки рода лыдзаа, прежде чем его войско взяло в толк и побросало оружие.

А люди из рода лыдзаа долго не могли понять, что случилось. Все стало ясно только тогда, когда подъехал к ним сам Дыд и рассказал, что любит их сестру и что ради нее вел он битву против Акулана Акуланкиары и его войска.

Так окончилось сражение. Люди рода лыдзаа сосчитали, сколько воинов погибло с их стороны, и заставили Акулана Акуланкиару отдать им столько же людей еще двух в придачу за попытку похитить девушку.

Остальных пленников отпустили, а потом вернулись к своим очагам, устроили пир и с почетом приняли Дыда. А Дыд попросил выдать за него их сестру, ибо сказал он: "Я люблю ее, она же - любит меня".

Люди из рода лыдзаа посоветовались меж собой и сказали:

-Если ты любишь ее и она любит тебя, мы согласны выдать за тебя сестру нашу.

Девять дней и девять ночей продолжался свадебный пир. Потом люди из рода лыдзаа отправили сестру свою и ее подружек вместе с Дыдом. И Дыд увез сестру лыдзаа к себе.
Герой Башныху

Нарт Башныху был красивым и сильным - герой из героев. Обычно он разъезжал один, никого с собою не брал. Надев доспехи, оседлав огнеподобного коня, он устремился на восток, ибо на востоке жили враги нартов. Враги эти обычно выжидали удобного случая, когда нарты бывали в походах, и нападали на землю нартов и разоряли народ. Потому-то и направлялся Башныху на восток и, обнаружив врага, отгонял его подальше.

В те времена людей похищали и продавали, как рогатый скот, меняли на скакунов.

Нарты ненавидели все это. Невольников они отпускали на волю. Особенно отличался в этом Башныху. Он жестоко преследовал тех, кто покупал и продавал людей. Устраивал засады там, где сходятся семь дорог. Здесь никто не проходил незамеченным: ни идущий с севера, ни идущий с юга, ни тот, кто держал путь на восток, ни тот, кто шел на запад. Сидел Башныху в засаде отбивал невольников, отпускал их на свободу.

Однажды сидел Башныху в засаде на излюбленно месте - у перекрестка семи дорог. А враги его тем временем незамеченными сумели пробраться на землю нартов. И никто не знает, как это случилось.

Пробрались враги на землю нартов и разорили её. И видит Башныху, возвращаются они к себе назад гонят перед собою пленников. Вот тут-то и показал себя Башныху! С боевым кличем набросился на врагов, работая шашкой, словно молнией. Одних обезглавил, других погнал на восток. И отбил пленных всех до единого.

Выбрал он из пленных сильнейших, а остальных отправил домой. Вместе с сильнейшими он продолжи преследовать врагов.

Башныху нагнал грабителей в то время, когда он ступили на свою землю. Пустили грабители по своей земле глашатаев. Объявили глашатаи о постигшем и землю несчастье и призвали своих соотечественники поднять оружие против Башныху.

Но не так-то просто было одолеть Башныху! Он начал теснить врагов. И стали они отходить к тому, другому морю, что на востоке. Вот уж и берег моря и вода у них за спиной. Куда же деваться? На чем же плыть, если плыть?

Оставалось одно: просить милости у Башныху. И враги сдались. Башныху потребовал от них клятвы в том, что прекратят они свои набеги на землю нартов.

Что оставалось делать? Враги нартов дали эту клятву. А герой Башныху отодвинул границы нартских земель далеко на восток. Награбленное врагами богатство нагрузил на мулов и, как обычно, вернул его пострадавшим.

Удачливый Кун

Что значит удачливый? Если человек славен сам по себе и является хорошим охотником, то его можно назвать удачливым в делах. Следовательно, Куна вполне можно считать удачливым. К тому же он был и хорошим скотоводам, умело отыскивал богатые горные пастбища, своим прилежанием хранил стада от различных напастей.

У нартов имелись лошади, коровы и быки. Но более всего дорожили нарты овцами. И это понятно, ибо овцы давали и мясо и шерсть. Нарты очень нуждались в шерсти, из которой они ткали себе одежду. Шерсти не всем хватало в те времена. Из-за нее-то и случались грабежи, а порою схватки с грабителями перерастали в кровопролитные войны.

Куну были доверены нартские овцы. И летом и зимой паслись овцы на горных пастбищах. Если паслись они в горах и зимою, то подумайте сами и решите, какая это была зима? Вы угадали: разумеется, мягкая.

Однажды, когда закончилась стрижка овечьей шерсти, Кун собрал ее всю в один большой узел и пошёл в сторону моря, к своей матери Сатаней-Гуаше. Ну представьте себе, каким сильным был этот Кун, если без особого труда тащил на себе такую ношу! Шел он по тропам с песней, словно нес на спине легкий бурдюк.

Вот спустился он к зеленой поляне, все распевая песни и не подозревая, что злые великаны - адау - устроили ему засаду. А зачем такая засада - догадается даже ребенок.

Дошел Кун до середины зеленой поляны, и вдруг со всех сторон посыпались на него стрелы.

Стоит он на открытом месте, а враги его - за крепкими стволами деревьев. Как тут быть? Неравны, слишком уж неравны силы!

Видит Кун - дело нешуточное. Сбрасывает с себя узел и, развязав его, садится внутрь. Теперь он окружен не только врагами, но и шерстью, а шерсть неплохая защита от вражьих стрел. Устроившись поудобнее, начал Кун отстреливаться.

Семь дней и семь ночей продолжалось это сражение. Стрелы у Куна давно кончились. Но сообразительный нарт и здесь нашел выход: Кун доставал из шерсти застрявшие в ней стрелы великанов и запускал их обратно. И вот на рассвете седьмого дня закончилось сражение. Ни одного великана не осталось в живых!

А в это время Сатаней-Гуаша, чуя недоброе, собрал своих сыновей и сказала им:

- Брат ваш Кун на зеленой поляне. Ему грозит беда.

Нарты всегда были готовы к походам. Не раздумывая, сели они на своих огнеподобных коней и двинулись на выручку своему брату.

Что же увидели они на той самой поляне? Одни трупы адау. А Кун жив и невредим, и шерсть овечья цела.

Конечно же, Кун был удачлив, но не сам ли он своим умением добывал себе удачу?

В честь героя-нарта та поляна и до сего дня зовется "Поляной Куна". И по праву зовется!
Уахсит-сын сита

Сит считался среди нартов особенно храбрым. Был у него единственный сын, и звали его Уахсит.

Однажды в яркий солнечный день погнал Уахсит табун своих лошадей в далекую землю. Это было у него в обычае. И отлучался он в такое время из дому на год, а то и на два. А далёкая земля - это тот берег реки Кубины. Там была степь, а в степи - клевер по пояс.

Лучшей земли и не придумаешь. Здесь и решил обосноваться Уахсит: расстелил бурку, поел, отдохнул. И вот он подумал: "Где же люди?"

Посмотрел Уахсит вниз по реке - нет людей. Посмотрел вверх по реке - тоже никого. На всю степь один дом - и больше ничего. Дом - на краю степи!

"Эх, повидать бы хозяина этого дома", - подумал и Уахсит.

И вдруг услышал чей-то голос:

- Абхазский дух! Абхазский дух! Откуда он взялся? Это орал хозяин того самого одинокого дома. И голос его гремел, точно гром.

Уахсит был не из робкого десятка. И тоже крикнул на всю степь:

- Каму это абхазский дух не нравится? А ну-ка, выходи, дай, взгляну на тебя!

Хозяин дома взревел, как раненый медведь, и устремился к Уахситу. Это было рано утром. А дотащился он до нарта только к полудню - так велика была степь!

И богатырь без лишних слов схватился с нартом. Началась борьба. Загудела степь под ногами. Встревоженные кони, фыркая, понеслись вкруговую.

Вот солнце своим краешком уже касается края земли. А богатырь и нарт все на ногах и все борются.

Вот солнце село за степь, был виден только раскаленный его край. И тут не выдержал богатырь. Упал на колени, коснулся спиной земли, А нарт уже над ним. Замахивается шашкой.

- Сохрани мне душу! - молит богатырь. - И ежели не брезгуешь мной - будь мне братом.

Уахсит задумался. Ведь не было у него брата. Брат никогда не бывает лишним, а тем более - такой богатырь. И вложил нарт шашку в ножны.

Так помирились только что враждовавшие.

- Пойдем ко мне, - сказал богатырь. - Хочу побрататься с тобой на людях.

И он собрал своих и при всех объявил о своем намерении. Народ благословил названых братьев. Пять дней и пять ночей продолжался пир, Уахсит остался жить у своего побратима. Только изредка наезжал домой.

Живя у названого брата, Уахсит заметил, что по утрам на востоке загорается таинственный огонь. Он сверкает, точно молния.

Что там сверкает?

Уахсит все чаще задумывался над этим. Ему хотелось узнать, что это за огонь. Но брат его отговаривал.

- У меня было семеро кровных братьев, - говорил названный брат. - Все они стремились к таинственному огню, сверкающему на востоке. И все они погибли.

Уахсит слушался его до поры до времени. Но однажды утром сказал:

- Сегодня пробил час: еду на восток!

Видит названый брат, что бесполезно отговаривать Уахсита. И обращается к нему с такими словами:

- Раз ты твёрдо решил - езжай! Но смотри не осрамись. Будь храбр. Очень храбр. По дороге ты увидишь великана, подвешенного на цепи к небу. Он хотел женится на сестре бога охоты Ажвейпшаа. Ей не понравился жених, и когда тот начал докучать своими просьбами - бог охоты взял да и подвесил его за руки к самому небу. Так вот, этот великан начнет хвалить тебя в надежде, что ты освободишь его. Но ты не делай этого. В то самое мгновение, когда он коснется земли, ты умрешь. Затем он начнет поносить тебя. Но ты прикуси язык. Молчи! Ибо стоит тебе заговорить, как рассудок твой помутится.

Внимательно выслушал брата Уахсит, сел на коня и направился на восток. Едет днем и едет ночью. Тяжело сидеть в седле дни и ночи. Но нарт сидит. Сидит, как прикованный. На то он и герой!

И вдруг в стороне от дороги - великан, подвешенный к небу. Завидя нарта, он начал хвалить его, превознося выше небес. Однако молчал Уахсит, едет себе - и все!

Но тут он услыхал такие слова, что и невозможно повторить при старших. С трудом удержался нарт, чтобы не ответить великану тем же.

Едет нарт, едет и все - на восток. И видит он семиярусный дом стоит - словно семь домов поставлены друг на друга. Окна и двери - из слюды. Огорожен дом слюдяной изгородью. И ворота из слюды. И свет внутри дома, свет яркий сам по себе, но во сто крат усиленны блеском слюды.

Уахсит подъехал к дому. И на седьмом ярусе увидел девушку. Она-то и излучала свет.

Стеганул Уахсит коня и вдребезги разнес ограду Стеганул еще раз и очутился перед девушкой прямо как есть, на коне. Это и была единственная сестра бога охоты Ажвейпшаа и его шести братьев.

Красота ее, как говорится, была неземной. Много пришлось бы потратить слов, чтобы описать ее. Да и тогда, пожалуй, всего не опишешь. Достаточно сказать, что свет, который излучало ее белое лицо, соперничал с самим солнцем. Это ли не есть красота неописуемая?!

Увидела девушка Уахсита и вскрикнула;

- Кто ты такой? Откуда явился?

В следующее мгновение вскочила она со своего мест, и вступила с ним в единоборство. Была она очень ловка но Уахсит оказался ловчее. Вот вырвалась девушка схватила золотую плеть и давай стегать той плетью, Уахсита. Она била его со злостью, а Уахсит улыбался Что для него эта плеть?

И девушка наконец, опустив руки, сказала так:

- Я дала себе обет выйти замуж за того, кого не смогу побороть. За того, кто не скажет ни слова, пока я бью его золотой плетью. До сих пор испытаний этих никто не выдерживал. Ты - первый. И я - твоя. Я могу быть верной женой, если ты посчитаешь меня достойной себя. Но ты должен знать, что у меня семеро братьев. Они сейчас на охоте. Вот-вот они вернутся домой. Но если ты, как только въедут они во двор, одного из них не убьешь, другого не ранишь, а третьего не поколотишь как следует - они не признают тебя своим шурином, и меня не выдадут замуж за тебя.

Только умолкла девушка, как братья с шумом въехали во двор. Въехали с большой добычей и с песней честь богатырского племени аиргь.

Уахсит живо спустился во двор. Одного из братьев сразил стрелою насмерть, другого тяжело, ранил, а третьего повалил на землю и поколотил до потери сознания.

И только тогда убедились братья в том, что шурин у нестоящий. Тут бы и порадоваться этому, да не могут: брат-то убитый лежит! Что делать? Плакать или радоваться? Вдруг откуда ни возьмись прилетел голубь, сел на грудь убитому и дохнул ему в рот.

-Как я крепко спал! - удивился тот, кто лежал бездыханным. И встал.

Подлетел голубь к раненому, провел крылом по его ране, и рана зажила. Прикоснулся голубь и к избитом брату, тот вскочил, точно его и не колотили.

Вот теперь, когда исчезло горе, можно было и порадоваться и пир задать на славу. А как закончился пир, усадили братья свою сестру на золотую арбу, накинули на голову златотканый платок, нагрузили арбу золотом простились с шурином. Но перед тем как расстаться, братья сказали Уахситу:

-По пути повстречаешь ты великана, подвешенного за руки к небу. Приметив тебя, он начнет хвалить тебя, а затем попросит освободить его. Но ты езжай себе мимо. Вслед за льстивыми словами ты услышишь такое, не в силах вынести человек. И покажется тебе, что никакая вода не отмоет тебя после этого. Но ты спокойно иди себе мимо. Помни: только терпеливого ждет удача.

И расстались братья с сестрой и шурином.

Вот едет Уахсит с женой, а лошадь его привязана позади арбы.

Едут они, едут и поравнялись с тем самым великаном который к небу подвешен. И все случилось так, как говорили братья Ажвейпшаа.

Сначала великан осыпал Уахсита льстивыми словами и просил освободить его. Но сын нартов был глух к словам великана. Он погонял себя прирученных зубров, не поворачивая головы.

Но тут услышал он такое, что и камень треснул бы от злости. Нарт подумал, что жена обвинит его в трусости, если покорно снесет он оскорбления, которыми словно градом, осыпал его великан. Уахсит спрыгнул с арбы, размахнулся шашкой, чтобы рассечь надвое великана, но шашка ударилась о цепь, высекла молнию, и рассыпались звенья.

От страха жена славного нарта лишилась чувств. Уахсит побежал к роднику за водой, но когда вернулся не нашел ни жены, ни арбы, ни лошади. Они исчезли вместе с великаном.

Стоит Уахсит посреди дороги, словно лишенный разума. Что делать? Куда идти? Где искать жену?

От невыносимого горя упал храбрый Уахсит на землю, ибо не мог устоять на ногах. А затем пополз на четвереньках.

Ползет он, ползет и видит: два барана бьются смертным боем. Вдруг бараны успокоились и медленно, точно стесняясь Уахсита, пошли к скале, что возвышалась поодаль. "Они приведут меня к пастуху", - подумал Уахсит и, собрав силы, двинулся вслед за ними.

А бараны все быстрее идут.

Уахсит - за ними.

Бараны бегут.

Побежал и Уахсит.

Но возле оврага, поросшего вербой, след их пропал: точно испарились бараны.

Недоуменно огляделся сын нартов вокруг. Смотрит-сидит свинопас, а вокруг него - свиньи.

Поздоровавшись с пастухом, Уахсит поведал ему о своем горе.

- Я пошел вслед за баранами, - сказал он. - Ни где же бараны и чьи эти свиньи? Свинопас улыбнулся и сказал:

- Эти бараны не простые. Они помогают тем, кто попал в беду. Если бы не они, ты не разговаривал бы со мной и я не смог бы помочь тебе.

- Как?! - воскликнул Уахсит. - Разве ты можешь мне помочь?

- Могу, - отвечал свинопас. - Если ты хочешь увидеть великана, то должен изменить свой облик.

- Изменить облик?! Как же это сделать? - спросил Уахсит.

- Если подбросишь меня высоко-высоко, - сказал свинопас, - из меня посыплются все мои кости, а к ногам твоим упадет моя кожа, точно живая. А что с ней делать догадаешься сам.

- А как же ты? - спросил Уахсит.

- Обо мне не беспокойся, - ответил пастух, - я всегда делаю добро, попавшим в беду.

Уахсит подбросил пастуха высоко-высоко, и вскоре на землю, как из мешка, посыпались кости и к ногам нарта упала кожа свинопаса.

Уахсит принял обличье пастуха. А вечером погнал свиней к дому великана.

Нарта приняли за свинопаса, и никто не обратил на внимания. Даже хозяйка не узнала его. Зато узнал её нарт. Узнал, и ноги у него чуть было не подкосились! Это была его жена, сестра семерых братьев Ажвейпшаа!

В доме великана готовились к свадебному пиру. Медлить было нельзя, надо что-то предпринимать, но что? Думал- думал нарт и наконец придумал.

На рассвете подошел он к роднику, где хозяйкина служанка набирала воду в кувшин.

- Хозяйка умываться будет, - сказала служанка.

Нарт - свинопас незаметно бросил свое кольцо в кувшин и сделал вид, что пьет воду из родника.

Служанка отнесла воду молодой невесте.

Сестра семерых братьев Ажвейпшаа тщательно умывалась. И с последними каплями воды упало в руки ей кольцо. Знакомое кольцо!

- Откуда оно? - спросила она служанку.

- Не знаю, - ответила служанка.

- Кто был у родника?

- Наш свинопас.

- А еще?

- Больше никого.

- Зови сюда свинопаса!

Предстал свинопас перед хозяйкой. Глядит на него сестра семерых братьев Ажвейпшаа. Внимательно глядит. И узнает своего мужа по глазам. И тихо говорят ему:

- Свадьбу постараюсь отложить, хотя великан и торопит. Я выпытаю, где у него душа. А там уж ты поймешь, что делать. Теперь же незаметно уходи.

Пасет свиней нарт. А жена его все откладывает свадьбу. И все спрашивает у великана, где его душа. Удивляется великан этой ее прихоти.

- Моя душа в небе.

- Не верю.

Моя душа в море.

- Не верю.

- Когда же мы сыграем свадьбу?

- Когда скажешь, где твоя душа.

Дни идут, а сестра семерых братьев Ажвейпшаа по-прежнему упрямится. Что оставалось делать великану? Он поддался.

- Моя душа, - сказал он, - недалеко. Вон на той горе, где живет зубр. Злой-презлой зубр. В брюхе у него серна. У серны в желудке заяц притаился. Быстроногий, шустрый заяц. В желудке у зайца - глиняный горшочек. В горшочке - три пичужки быстрокрылые. Одна из них - моя душа, а две другие - глаза мои... Ну, теперь ты довольна?

- Довольна, - отвечает жена Уахсита, - готовь пир.

А сама все передала своему мужу. Уахсит недолго думая пошел к той горе, где обитал злой-презлой зубр. Не трудно добыть душу великана. Мало убить зубра! Нельзя выпустить серну. Мало не выпустить серну, надо ещё и зайца схватить. И пичужек быстрокрылых, разумеется.

Поднялся Уахсит. на высокую скалу, улучил мгновенье и кинулся зубру на спину. Поломал ему хребет и достал из желудка серну. Разорвал серну на части и достал из нее зайца. А уж заяц не уйдет от нарта! И пичужки быстрокрылые не улетят от него!..

Вот и душа великана в руках славного Уахсита.

Вроде бы невинные пичужки, но давить их надо, как можно скорее давить!

И великан, сотрясая окрестности ревом, испустил дух.

Уахсит заторопился к жене, сел на коня, посадил ее к себе на колени и быстрее молнии полетел к своему побратиму.

Побратим тем временем ждал Уахсита, ждал и, не дождавшись, устроил поминки по нему. Да, видно, поторопился. Заклубилась в степи пыль. Это нарт Уахсит спешил к своему побратиму. И полетела весть в далекую Апсны к нарту Ситу, весть о том, что жив и невредим его славный сын.

И нет для отца вести приятней этой Гунда прекрасная

У ста братьев нартов была одна - единственная сестра. Звали ее Гунда, а за красоту необыкновенную прозвали Прекрасной. Говорили, что она похожа на богиню. Во всяком случае в крови Гунды, несомненно, таилась божественная сила.

Нарты горячо любили сестру свою, воспитывали с большим тщанием, берегли и холили. Жила она в хрустальной башне. Ноги ее никогда не касались земли. Все, чего бы ни пожелала Гунда, подавалось прямо в руки, и без промедления.

Братья кормили сестру только костным мозгом дичи. Тело девушки было подобно свежему сыру - белым и нежным. Кожа отсвечивала точно зеркало. Не мог описать Гунду язык человеческий. Молодые люди севера и юга, прослышав о красоте сестры нартов, домогались руки Гунды, бились друг с другом и погибали.

- Излишняя красота очень вредна, - решила Гунда Прекрасная и перестала следить за собой, чтобы менее отличатся от остальных женщин. Переоделась она в простое, залатанное платье, разлохматила свои золотые волосы.

- Что с тобою? - удивились братья. - Ты хочешь опозорить нас? Приведи же себя в порядок.

Гунда отвечала так:

- Пожалуй, лучше будет, если покажусь я людям неряхой. Боюсь, что красота моя доставит вам много неприятностей. Не хочу навлекать беду.

- Кто посмеет тронуть тебя?! - вскричали братья, и стали просить ее снова стать прежней, Прекрасной Гундой

Братья отправились на охоту, а пока они охотились и оленей, Гунда нарядилась в лучшие одежды, причесалась и умылась молоком. И встретила братьев сверкающая.

- Я исполнила вашу просьбу, - сказала Гунда - но смотрите, как бы вам не пришлось пожалеть об этом.

Не обратили нарты внимания на эти слова. А Гунда намекала на золовок, ненавидевших ее за красоту и всеобщее почитание. И когда однажды братья уехали на охоту, жены их наготовили разных кушаний. Зажарили молоденьких курочек и индюшек, цесарок и уток, мясо серны и медвежье мясо, отварили телячьи лопатки, а из свежего сыра и муки сварили айладж - тягучую мамалыгу, неописуемо вкусную. И тогда средняя из жен поднялась в хрустальную башню и обратилась к Гунде с такими словами:

- Гунда Прекрасная, мы знаем - братья запрещают тебе ступать на землю. Но мы очень хотели бы пообедать с тобой. Если бы явилась ты к нам, то нам показалось бы, что мы владеем целым светом.

Гунда колебалась. Она боялась оставить хрустальную башню и тем самым нарушить запрет братьев. Но ей хотелось походить по земле. И она согласилась и сошла Гунда с башни. Заняла место среди золовок.

Разбежались у Гунды глаза: что есть? С чего начинать? Она ведь ничего, кроме костного мозга дичи не ела.

А самая старшая из золовок подносит Гунде кусочек айладжа и говорит медовым голоском:

-Золотая ты наша Гунда! Съешь этот кусочек из моих рук. Ну, доставь мне удовольствие и радость.

А сама подмигивает заговорщикам. И те подмигивают ей. И ждут, что будет, ибо в кусок айладжа старая ведьма положила свое кольцо.

Не подозревая худого, Гунда Прекрасная проглотила кусок айладжа, а вместе с ним и кольцо. И вдруг поперхнулась. Закашлялась. Посинела... Не успела даже крикнуть.

Бездыханную Гунду унесли золовки в лес и бросили в глубокую волчью яму. Казалось, погибла Гунда Прекрасная.

Но нет!

Покажите мне, остаётся ли в мире какое-либо преступление безнаказанным? Рано или поздно любая подлость раскрывается и правда торжествует. Так случилось и сейчас.

Некий охотник по имени Алхуз бродил по лесу вместе со своими друзьями. Они-то и нашли Гунду и доставили в своё село.

Гунда не приходила в себя, и никакими стараниями Алхуз и его друзья не могли вернуть ей жизнь. Алхуз приподнял девушку за плечи и посмотрел в ее тусклые глаза. Он горестно вздохнул и уронил Гунду на подушку. И о чудо! - Гунда Прекрасная закашлялась, изо рта её выпало золотое кольцо и покатилось по полу...

Что рассказывать дальше?

Гунда снова встретилась с братьями.

Ты спросишь, что сделали нарты со своими жестокими женами? Как ни пыталась Гунда скрыть от братьев происшедшее, они все-таки узнали всю правду.

Нельзя подымать на женщину руку, но выгнать негодную следует.

Так нарты и поступили.

А Гунда Прекрасная не пожелала больше оставаться в хрустальной башне, и от этого не стала она менее прекрасной.

Сын собаки и племянник нартов

У одного из нартов родился сын. И в ту же ночь во дворе ощенилась сука. Но щенок не походил на обыкновенного, каких много вокруг нас. Он бил очень красив и к утру превратился в мальчика. Стало быть, увеличилась нартская семья сразу на два человека.

Мальчиков нарты воспитывали вместе. Не делали различия меж ними. Дети любили друг друга, росли и вскоре превратились в юношей.

Юноша нарт мужал, и настало время - по нартским обычаям так показалось - совершить подвиг, добыть себе славу в трудном походе.

Куда бы ни двинулся юноша нарт, его верным спутником был тот, другой, Сын собаки.

Вместе ходили они в походы, вместе ели и пили, одной жизнью жили.

Вот ехали они однажды, ехали и очутились возле большого дома. И двор большой вокруг большого дома. Во дворе - никого. И в доме тихо.

"Не может быть, чтобы в таком большом хозяйстве никого не было", - подумал юноша нарт и громко крикнул:

-Хозяин!

Никто не отозвался. Еще раз крикнул нарт. В ответ - тишина.

Друзья спешились и вошли в дом. Мало сказано дом! Богатый, роскошно убранный дом - стены в коврах, и на полу ковры. А посредине гостиной - стол, который ломился от кушаний и напитков. Но и здесь тоже ни души.

Сели юноши и, как положено мужчинам, плотно поели, выпили, насытились всем, что было. Юноша нарт уснул на крыльце, а Сын собаки сел возле него.

И в это самое время прилетели некие существа уселись они на краю кровли, чтобы определить судьбу юноши нарта. И так сказал один из небесных духов:

-Да будет уготована этому юноше такая судьба пусть полюбит он девушку, живущую в далеких землях, пусть женится он па ней и пусть сгорит, возвращаясь домой со своей невестой. Если он избегнет огня - пусть настигнет его в пути невиданный зной и пусть юноша утонет в воде, как только захочет утолить жажду. Если и это минует его - пусть сожрет его чудовище в первую же брачную ночь. Но если тот, кто слышит нас, слушает и передаст сказанное мною юноше нарту - пусть окаменеет он и превратится в каменный столб навечно.

Небесные духи сошлись на этом без спора и улетели прочь.

А Сын собаки все слышал. Он запомнил эти слова.

И сердце его наполнилось тревогой. И стало сбываться предопределение небесных духов.

В далекой земле юноша нарт действительно увидел красивую девушку. Увидел и полюбил ее. Она стала его невестой, и юноша нарт повез ее к себе домой.

Как и предсказали небесные духи, однажды ночью загорелся лес, окружавший хижину, в которой ночевали друзья. Пламя подступало к жилищу, грозило уничтожить его. Но тут проснулся Сын собаки. Он разбудил друзей. Отыскал проход в огненной стене и спас их от неминуемой беды. А обгоревшие волосы, обгоревшие брови и одежда - разве это идет в счет?

И с великими трудностями вышли они в степь - жаркую и сухую степь. А когда поднялось солнце - стало жарко, как в огне, как в пламени очага, как на сковородке, на которой пекут чурек.

И друзей начала томить смертельная жажда. Такая жажда, от которой сгорают сердце и печень, от которой собачьи языки высыхают, словно плети.

Едут, едут, едут...

Едут они по необозримой степи, и уже захотелось им воды так сильно, что и рассказать невозможно. Короче говоря умирают они от жажды, а реки нигде не видно.

Так проехали они еще двое суток. И тут им почудилось что впереди река течет. И в самом деле, вскоре показались два крутых берега и на дне глубокого оврага - полноводная река. Она шумит и голубеет.

При виде нее невеста лишилась чувств. Юноша нарт поскакал к крутому берегу, чтобы поскорее зачерпнуть, но тут его опередил Сын собаки. Вот он уже скачет с полным шлемом. Он поит друзей и пьет сам...

И снова сбылось предопределение небесных духов, и снова отвратил беду славный Сын собаки.

После долгого пути друзья достигли Нарткыта*. Въехали в село. Как обрадовались нарты их возвращению! Радость разлилась широкой рекой, когда узнали они, что красивая девушка - их невестка.

Что бывает в таких случаях? Конечно, пир большой славный пир! Так было и на этот раз. Нарты вскрыли огромный кувшин вина Вадзамакят - и целому селу не выпить его за неделю.

Ровно семь дней гремел свадебный пир.

И только после этого юношу нарта и его невесту ввели в дом для новобрачных. Ловкий Сын собаки проник в тот дом и спрятался под нарами.

Наступила полночь. Прошла полночь. И в это сам время, когда прошла полночь, из-под земли выползло чудовище. Извиваясь, оно подползло к новобранцы спавшим крепким сном. Миг - и не станет юноши нарта.

Муж и жена спали, но не спал Сын собаки. Выхватил он шашку, отрубил он голову чудовищу. И оно с рёвом испустило дух. От шума проснулся юноша нарт. Даже спросонок догадался он о том, что здесь произошло.

-Как ты узнал о грозящей беде? - спросил юноша нарт своего друга.

А Сын собаки молчал. Упорно молчал. И чем больше молчал он, тем больше приставал к нему его друг.

-Нельзя мне говорить, - сказал Сын собаки.

А друг просит рассказать. Очень просит.

-Не могу, - говорит Сын собаки.

А друг умоляет.

Что же делать? Ведь друг же просит, а не кто ни будь!

И не выдержал - рассказал. И тут же окаменел Сын собаки. Сбылось предсказание небесных духов.

Что оставалось делать юноше нарту? Лишить себя жизни? И он сделал бы это. Но жена сказала ему:

-Не торопись. Собери своих. Посоветуйся.

Хороший ведь совет, и вовремя подан! Послушался юноша нарт, собрал своих, стал посредине и рассказал все, как было. И он просил помощи, чтобы вернуть душу каменной глыбе. А иначе-де лишит себя жизни.

Один сказал одно, другой - другое. Поговорить поговорили, но так и не решили, как быть дальше.

Время шло, юноша нарт каких только советов не наслышался, но камень по прежнему оставался камнем. И сын уже родился у нарта.

И тогда к нартам прибыл мудрец из далекой земли. Он сказал.

-Сын мой, теперь - то можно помочь твоему горю. Но от горя тебе не убежать - будет оно ещё горше.

-За друга я готов в огонь и в воду, - сказал молодой нарт. - Скажи, что делать мне, иначе лишу себя жизни.

И тогда мудрец сказал:

В этот камень, который некогда был тебе другом и трижды спас тебя от смерти, можно вдохнуть жизнь. Но для этого ты сваришь своего ребенка в молоке и затем опрокинешь котел на каменную глыбу. Если я лгу - можешь сварить меня самого в крутом кипятке.

Не колеблясь, молодой нарт поступил так, как научил его мудрец. И опрокинул котел на каменную глыбу.

И ожил камень. И упал на руки Сыну собаки смеющийся ребёнок, только что сваренный в молоке.

- Как крепко я спал, - сказал Сын собаки своему другу. - Поздравляю, тебя с рождением сына.

Что сделали нарты, когда приваливало такое счастье? Они пировали. Так поступили они и на сей раз. Мудреца одарили чем могли и с благодарностью простились с ним.

А племянник нартов и Сын собаки еще больше сдружились. Так не дружить даже тем, кто рожден от одной матери.

Примечания

* Нарткыт - дословно: деревня Нартов.

Необычное превращение

Жил у нартов старик. Оружие чистил им. Когда он брал в руки шашку или лук, то вспоминал свою молодость. И вздыхал. Так он любил оружие!

Этот старик, убеленный сединой, вздыхал всякий раз, когда нарты отправлялись добывать себе новую славу. Вздохи эти слышала его старшая дочь - старшая из трех.

И вот, проводив однажды нартов за ворота, старик присел на крыльцо и по привычке глубоко вздохнул.

-Отец, - сказала старшая дочь, - я слышала уже не раз, как ты вздыхаешь. Поведай мне: что печалит тебя? О чем ты грустишь?

Старик ответил ей:

-Ты - девушка и горю моему не сумеешь помочь.

И снова вздохнул старик и задумался, поглаживая седую длинную бороду.

-И все-таки, скажи, - просила старшая дочь. Каких чудес не бывает на свете! Может, я сумею извлечь эту занозу из твоего сердца.

Настойчиво упрашивала отца старшая дочь, и он, вздохнув, сказал:

-Было время, когда и я бился вместе с нартами. А теперь? Теперь я уж стар. И тоска берет меня. Вижу нартов верхом на огнеподобных конях. От того и вздыхаю. Но если бы мужчиной ты родилась - большего счастья я бы не желал!

И снова печально вздохнул старик.

Подумала старшая дочь, подумала и сказала:

-Тебе нужен сын, ибо ты любишь сильных. Прошу тебя дай мне твое оружие, дай твою одежду и посади на твоего коня. Хочу испытать свою силу. Может, и заменю тебе сына. Если любишь меня - не отказывай.

Старик ответил не сразу.

-Хорошо, будь по-твоему, - подумав, сказал он. - Бывают же мужественными и женщины. Пусть суждено ей быть мужественной!

Всё это слышали младшие сестры.

И вот снарядил старик свою дочь, как она просила, и не мешкая, отправил ее в путь-дорогу.

Не успела она за ворота выехать, а он по короткой дороге опередил её и спрятался за скалой. И только поравнялась с ним, старик выскочил на дорогу с шашкой наголо.

Перепугалась девушка, повернула коня назад и - бежать, точно заяц.

"Да, не очень-то храбрая", - сказал про себя старик.

И по той же самой короткой тропе возвратился домой и встретил дочь у ворот.

Она была очень бледна, ударь ножом - кровь не покажется.

-Что случилось, дочь моя? - спросил старик.

Дочь молча сняла с себя мужскую одежду, молча положила и оружие.

-Ничего у меня не вышло, - проговорила она.

-Ну что ж, - сказала средняя дочь, - теперь я испробую свою силу.

Она быстро переоделась; взяла оружие, вскочила ил коня. Однако и с нею все произошло так, как со старшей. Средняя вернулась домой, как и старшая, - грустная, бледная, ни кровинки в лице.

Решила попытать счастья младшая дочь. Ведь при мер старших всегда заразителен. И отправилась, стало быть, в путь - дорогу младшая из сестер, а отец ее - опять тут как тут - в засаде сидит.

Выхватил старик шашку и ну с криком наступать нее. Но не тут-то было! Размахнулась дочь шашкой, что бы разрубить врага на части. Едва успел отец отпрянуть в сторону. Снова размахнулась дочь шашкой, и тут уже старик не выдержал, взмолился:

-Не убивай, дочка, я - твой отец!

Взглянула девушка: и верно - отец.

-Я хотел напугать тебя, - объяснил старик. - Я доволен тобой.

Он вернулся к себе, а дочь поехала дальше и вскоре нагнала нартов.

-Желаю удачи вам, нарты! - крикнула она. - Не нужен ли вам спутник, который поддержит ваши стремена и напоит вас водою, когда потребуется?

-Будь нашим спутником, - сказали нарты.

И дальше поехали все вместе.

Девушка, переодетая мужчиной, поддерживала стремена нартам, когда это было нужно, и как младшая поила их водою, когда это было нужно.

Много трудностей преодолели нарты в походе. Нартам все это было под силу. А дочь старика оказалась верным товарищем.

И вот, возвращаясь из похода, уже по пути домой проезжали они мимо большого двора. И видят на частоколе, которым огорожен двор, торчат человечьи головы. Во дворе растет одинокая яблоня. Младшая дочь стрика подивилась увиденному. И нарты сказали так:

-Этот двор принадлежит злой старухе. Она ни кому не дает яблок. А если кто решится перепрыгнуть через частокол и сорвать яблоко, тому старуха кричит: "Стань тем, кем ты не был". И эти слова убивают, Человек падает замертво, не успев выбежать со двора. И эти черепа принадлежали тем, кого убила старуха своим словом.

-Ну что ж, попробуем, - проговорила младшая дочь старика и бросила палку в яблоню. Дождем осыпались яблоки на землю. В одно мгновение перескочи младшая дочь старика через ограду и, набрав яблок в полу черкески, молнией выскочила со двора. Злая старуха была ошеломлена такой прытью. Но все же крикнула:

-Стань тем, кем ты не был!

Но поздно! Слова старухи уже потеряли свою подлую силу - младшая дочь старика была уже по ту сторону частокола. Она осталась в живых, но сделалась тем, кем она не была - мужчиной. Ибо такой храбростью, которой подивились даже нарты, наделен только мужчина.

Итак, дочь старика превратилась в мужчину, в сына старика. Новоявленный мужчина роздал яблоки нартам и те увидели и поняли, что мужчина этот - храбрец.

Когда нарты, следуя дальше своим путем, устроили привал, сын старика рассказал некоторым из них о том кем раньше был и каким образом превратился в настоящего мужчину.

Его рассказ вскоре стал достоянием всех нартов. Они дивились, не верили, но, поверив, устроили пир и поздравили, от души поздравили старика.

С той поры нарты не ходили в поход без своего нового товарища, как не ходили они прежде без старика.

Побежденные женщинами

Вот удивительный случай, который надолго запомнила вся Апсны.

Богатырское племя аиргь считалось равным нартам по славе и геройству. В племени аиргь были два брата: старшего звали Рад, младшего - Раш. А отца их звали Римца, мать - Рарира. Ханиа была сестрою Рада и Раша.

Рад был сильным, храбрым мужчиной, ни в чем не упавшим нартам. Дикому буйволу уподоблялся он, увидев перед собою врага. Стрелы его не знали промаха.

Аиргь и нарты, уходя добывать славу, иногда брали с собой своих сестер. Но в бою женщины участвовали лишь в крайних случаях. Когда не угрожала опасность, костёр оставляли там, где готовилась пища для братьев, костёр оставляли, а братья шли вперед - сражаться.

Однажды нарты и аиргь двинулись в горы. А Гунда и Хания находились у походных очагов.

Ханию хотел взять в жены некто Хуаша Бырзык.

Однако Хания отказывалась выйти за него замуж, она не любила его. Братья Хании сказали Бырзыку, что не отдадут за него сестру, потому что этого не желает сама Хания. Хуаша смертельно обиделся и начал враждовать с племенем аиргь.

Что оставалось делать Хуаше? Разумеется, похитить Ханию. У него был конь по кличке Зар. Казалось бы конь, но он все понимал, как человек! Он был верным другом и помощником в бою. Нетрудно похитить кого угодно, имея такого коня, как Зар.

Пронюхал Хуаша, что сестры остались одни у походных очагов. Удобнее случая и не придумаешь! Собрал Бырзык своих друзей и вместе с ними заявился незваным гостем. Спрыгнул он с коня и сказал Хании так.

-Собирайся! Я погоню тебя перед своим конем

-Ты не знаешь нас, - ответила Хания. - Род наш неукротим! Видишь эту палку? Она очень опасна.

Хания носила с собой кизиловую палку. Ни у кого кроме неё не было в Апсны такой палки. Их стали носить потом, после Хании.

-Я не желаю слушать твою болтовню! - вскричал Хуаша. - Нас много, и вы покоритесь! Впрочем, мой конь и один справится с тобой, он донесет тебя в зубах.

Гунда сказала:

-Наш род не знает поражения, и мы никогда не станем пленницами! Давайте сражаться!

Друзья Хуаша приготовились к бою.

Хания сказала:

-Покончим с нашим спором. Один на один хочу сразиться с Хуашем. Если победит он - что ж, я ваша. Если победа будет моя - убирайтесь восвояси.

-Хорошо! - воскликнул Бырзык. - Мы пришли сюда, чтобы сражаться, и мы будем сражаться!

Гунда сказала Хании:

-Я буду колотить их своими пятками. Едва ли они устоят против моих пяток.

-А за этого примется палка, - сказала Хания.

И тут же набросилась Хания на Хуашу. Палка ее засверкала на солнце, точно молния. Удары сыпались на Хуашу, будто град. А Гунда билась с врагами, точно кобылица против стаи волков. Силу ее ног испытали они в полной мере.

Видит конь Зар - дело плохо, и ну бить копытами, брызгать слюной и грозно мотать хвостом! Но его быстро укротила Гунда и Хания - стреножили и огрели хлыстом.

Победив своих врагов, женщины свободно вздохнули и на досуге сложили песню о стреноженном Заре. А на свирели играл нарт Кятаван, посланный сюда нартами и аиргь. Эту песню поют в Апсны и по сей день. Называется она "Азар". Поют ее только на скачках.

К "Азару" обычно добавляется заздравный тост нартам и аергь. Вот он:

Уаа,
Вы юноши, что на земле появитесь после нас,
Благословляем и приветствуем рождения вашего час.
Пусть земля вас встретит изобилием на столе,
И моложе ста лет не предали бы вас земле
Пусть зло для народа будет и ваше зло,
Пусть добро для народа будет и ваше добро.
Ваше слово пусть будет "нет" - "нет", "да" - "да".
Не солжет, не слукавит, не нарушится никогда.
Ваше слово пусть будет такую же крепость иметь,
Как понятие "жизнь" и понятие "смерть".
А поколенья, что на земле появятся после вас,
Благословите и вы в свой последний час.
Чтобы жил нескончаемо наш народ
От века до века, из рода в род.

Таков сказ о Гунде и Хании и побеждённых ими мужчинах.

Подвиг Куна

Захотелось однажды нарту Куну поохотится. Он оставил на попечении своих друзей отару овец, а сам ушел в горы.

Проведали об этом враги, давно зарившиеся на куновских овец. Верно говорит: враг не дремлет! Так случилось и здесь. Напали враги на пастухов, отбили у них скот и вместо скотом погнали их за перевал. Казалось бы, злодеяние совершено, и - концы в воду!

Один из пастухов, накануне разыскивавший часть куновских овец, отставших от стада, избежал плена, и ушел в горы и наконец нашел отару в пятьсот овец. Было поздно, и он заночевал здесь же. Покой его охраняли волки, ибо нарты вместо собак держали прирученных волков. Поэтому не боялись нарты зверей. Этот пастух поздно явился на стойбище и нашел его пустым: одна, правда, еще теплая.

Пока он горько оплакивал судьбу своих друзей, к нему явился знакомый охотник, увешанный дичью. Он сказал, что Кун находится на вершине горы Ерцаху и что просит Кун прислать человека с десятью мулами, дабы привезти охотничью добычу.

Пастух поблагодарил охотника за сообщение и направился к соседнему стойбищу. Там он оставил своих овец и с десятью мулами поторопился к вершине горы Ерцаху, где охотился герой Кун.

Много дичи истребил Кун, чей глаз был остер, как шило. Но радость его была омрачена дурной вестью.

-Вот что, - сказал он пастуху, пригнавшему десять мулов, - отвези домой всю добычу, а я потороплюсь, перерезать путь моим врагам.

Кун пустился в дорогу. Он шел напрямик. Не жалея сил, поднимался на скалы, не щадя себя, опускался в глубокие овраги. Кун шагал по горам смело и уверенно словно там пролегала дорога, прямая, как вытянутая рука.

Он приблизился к вершине Пхяу и у Пхяу устроил засаду, ибо знал, что враг не минует этой вершины.

Уже вечерело, когда Кун заметил на юге вражий стан. Там горели костры, от котлов подымался пар. Кун достал из дорожного мешка пищу, поел, попил и улегся спать.

Всего ожидали враги и ко всему были готовы. Но чтобы Куна встретить на своем пути? Чтобы зашел он им в тыл с севера? Никогда!

И вот с рассветом просыпается вражий стан. Счастливый Бык - предводитель отряда - становится впереди, берёт в руки горный посох - алабаща. За плечами у него лук и колчан со стрелами. Он идет прямо к вершине Пхяу, а за ним весь отряд со скотом и пленными. Идёт Счастливый Бык с победой, подымается в гору, как на стеру, а за спиной у него - пропасть. Такая пропасть, если свалишься в нее, то будь у тебя вместо одной души сто - погибнут все, погибнут все сто!

-Не уйдете! - крикнул нарт Кун.

Счастливый Бык поразился.

-Эй, что там за храбрец не пропускает нас? - спросил он.

-Это ты еще узнаешь! А сейчас - бросай оружие. Да поживее!

-Почему ты решил избрать себе могилой эту вершину Пхяу? - крикнул Счастливый Бык.

Кун ответил:

-А это ты поймешь, когда посмотришь на макушку своей шапки.

С этими словами он пустил стрелу, и она пробила шапку Счастливого Быка. И полетела шапка в пропасть.

Кун продолжал:

-Быть может, ты не веришь своим глазам? Тогда погляди на свой лук!

И второй стрелой перебил лук надвое.

И снова он крикнул:

-Эй, проклятые! Разве по плечу вам такое дело, разве сможете вы угнать скот, доверенный нарту Куну. Это я, нарт Кун! Эй, вы, которые пленены, смело кидайтесь на врагов!

Кун бросился вперед. Воспрянули духом его товарищи. И вместе с Куном вступили в борьбу со своими врагами. Ошеломленные враги сдались, сложили оружие, ибо, что оставалось им делать?

По обычаю тех времен, победивший спрашивал побеждённого:

-Отпустить ли тебя?

И побежденный, если он считал себя побеждённым отвечал:

-Делай со мной что угодно. Я сдаюсь!

Если же побежденный надеялся смыть позор, то говорил:

-Как видишь, победил ты, но, может, тебе еще и не встречался тот, кто заставит тебя признать себя побеждённым.

И Кун поступил по этому обычаю, он сказал:

-Отпустить ли вас?

Счастливый Бык, который теперь уже выглядел несчастным сказал:

-Разрешите мне посовещаться с друзьями.

И нарт Кун отошёл от него, что бы не слышать о чем пойдёт у них разговор.

-Как быть? - спросил предводитель своих соратников.

Ему сказали так:

-Считай что мы опозорены на всю жизнь. С какими глазами вернёмся мы домой? Нет мы не согласны сдаваться.

Предводитель воскликнул:

-Вы лишились разума! Он истребит нас! Даже если мы всякого ожидания, одолеем его - подумайте о нарте Сасрыкве. Он все равно уничтожит весь наш род. Как видно, пришла наша смерть. Разве не знаете что говорит народ в таких случаях? Вот что он говорит! "Когда крестьянину приходит конец - он берет палку и исчезает!" То же самое происходит с нами: мы подняли оружие и явились сюда. Нет, надо сдаваться! Мы должны сказать: поступай с нами так, как велит тебе твоя совесть.

В конце концов с предводителем согласилось большинство. После этого к Куну подошел Счастливый Бык и сказал ему:

-Великий брат великих нартов! Не сегодня мы умерли нет. Умерли мы в тот день, когда решили похитить той скот. Наша жизнь в твоих руках и поступай с нами как тебе угодно. Если помилуешь нас и в живых оставишь, то клянемся, что род наш беспокоить тебя не будет. Верно сказано, что не в меру ретивое сердце готово косить траву даже на море. Сердце обмануло нас, мы раскаиваемся в содеянном.

Кун ответил так:

-Я не виню вас. Вы - мужчины и пришли себе добывать славу. Люди вы решительные. И только решительный человек может совершить мужественный поступок. Попытайте ещё раз счастья в этих горах. Но предупреждаю: часто того, кто славу добывать едет, привозят навьюченным на осле. Я отпущу вас на свободу, но с одним условием: пригоните овец на то место, откуда вы угнали их. У меня своя дорога, однако я буду на стоянке к вашему приходу.

Потом он отозвал в сторону своих друзей вернул им их оружие и сказал.

-Скот погонят похитители. Не думаю, что они нарушат своё слово. На всякий случай будьте наготове.

И нарт Кун пошёл к вершине Пхяу быстро точно серна.

Похитители овец с удивлением смотрели вслед быстроногой серне. А когда Кун скрылся в расщелинах скоро погнали овец обратно, на стойбище.

И вот через три дня встретились вечером нарт Кун и похитители овец в условленном месте. Кун притащил дичь и угостил своих гостей. А что бы они почувствовали себя по настоящему гостями - на следующий день разослал людей и пригласил к себе своих братьев, пасших скот в горах. Он познакомил братьев с гостями. Некоторые похитители сгорали от стыда, видя как обращаются с ними. В свою очередь, они пригласили к себе в гости нарта Куна и обещали принять его, как брата. И назначили срок, в который он приедет в гости к своим врагам.

На этом и расстались Кун и его недавние враги.

Кун сдержал своё слово: с несколькими братьями с шутником Гутсакьей он поехал в гости к похитителям овец.

Те тоже сдержали своё слово: приняли Куна и его братьев по братски. Целую неделю ели и пили. Пир задали на славу.

Нарт Гутсакья, состязаясь с острословами, взял первенство.

Прошла неделя, и собрались нарты в обратный путь. Старейший из хозяев обратился к ним с такой речью:

-Великий Кун, великие нарты! С этого дня считайте нас своими братьями. Спасибо, что пришли к нам в гости не побрезгали. Мы хотим преподнести вам такой дар, который могут оценить только те, кто любит животных.

С этими словами он преподнес нартам семь пар прирученных зубров: семь самок и семь самцов. Нарты вернулись в родную Апсны, довольные приёмом на чужбине.

А зубры расплодились. От них-то и происходят наши буйволы. Разве сравнится какое-либо животное с прекраснейшим из животных - буйволом?
Сватовство несчастного Алхуза

Герой из рода алхуз, спасший Гунду Прекрасную, был славен мужеством и знатен именем. Сердце его было подобно кремнистой скале оно не знало усталости и страха в бою.

Как-то раз молодой Алхуз, охотясь в горах забрел далеко. Убитых оленей и серн Алхуз оставлял в глубоких прохладных пещерах чтобы не портились. А на обратном пути забирал свою добычу.

Вот шел он, шел и очутился в большой деревне, перед большим домом. Семь ярусов в этом доме - запрокинешь голову и с трудом увидишь кровлю, упирающуюся в самые небеса. Не знал Алхуз - герой, что это жилище нартов, что нарты на охоте, что дома осталась Гунда

сестра нартов, что, увидев его из окна, она тотчас узнала своего спасителя. Однако Гунда была одна, без братьев, и ей не подобало принимать гостя.

Она велела передать Алхузу следующее:

-Я одна, и нет дома моих братьев. Не надо заходить в дом. Лучше возвращайся назад, чтобы избежать неприятностей.

Услышал эти слова Алхуз и воскликнул:

-Никуда я не двинусь! Я знаю нартов. Поговорю с ними - может все обойдется, а если нет, то пускай я умру, вместе со мной умрут и нарты.

Таков был герой Алхуз.

Он прошел в дом, поднялся к Гунде и сел рядом с ней.

-Не следовало тебе поступать так опрометчиво. Сказала обеспокоенная Гунда. - Приедут братья, увидят нас вместе - что они скажут?

Но всё напрасно. Алхуз решил дождаться нартов, ибо образ Гунды Прекрасной давно жил в его сердце. Он твёрдо решил посвататься, если даже при этом ему придется рисковать своей жизнью. Вот как!

Вскоре показались нарты. Они столпились во дворе и удивленно смотрели на Алхуза, показавшегося в окне их дома.

-Кто ты? - спросили нарты. - Кто ты, осмелившийся явиться к нам в наше отсутствие?

-Это я, - отозвался Алхуз.

-Что тебе надо?

-Я хочу породниться с вами.

-Ну что ж, - сказали нарты, недовольные его дерзким ответом. - Стреляй, а там видно будет.

-Алхуз ответил:

-Так не полагается! Вы - хозяева, стреляйте первыми.

Ответ озадачил нартов. "Он благороден", - подумали они.

Чтобы уберечь свою сестру, братья предложили незнакомцу перейти на другое место. И вот Алхуз появился в соседнем окне - теперь стрелы угрожали только ему.

Вышел вперед старший нарт и пустил стрелу. Нарты были виноваты перед Алхузом - гостем, и стрелы, словно понимая это, пролетали мимо цели. Алхуз остался цел и невредим.

-А теперь, - сказал Алхуз, - посмотрите на пояс своего старшего брата.

Полетела стрела, мгновенье и пояс нарта Сита разрезало, точно ножом.

-Дошла ли стрела? - спросил Алхуз.

-Дошла, - ответили нарты, - но мы не из пугливых.

И полетела ответная стрела от нартов. Навстречу ей понеслась стрела Алхуза. Замелькали стрелы, будто стрижи весною. Алхуз стоит в окне цел - невредим, а у нартов разрезаны острыми наконечниками стрел пояса из бычьей кожи.

Наконец нарты рассудили так:

-Давайте поговорим с этим героем. Если понравится нам - отдадим за него сестру.

И кого же они увидели в комнате своей сестры? Того самого молодца Алхуза, спасшего Гунду!

- Да, - сказали нарты, - как видно, человек ты стоящий. Давай породнимся, но прежде поглядим на твое житье-бытье.

-Добро пожаловать! - сказал Алхуз.

Он распрощался с нартами, ушел к себе домой и стал готовиться к встрече дорогих гостей. Прежде ват следовало подумать о подарках для будущих родственников. Чем же их одарить? Долго думал Алхуз и реши каждому из братьев подарить живую дичь - серну или козла, зубра или оленя, кабана или куниц на мех. Ушёл Алхуз в горы, долго ходил по тайным логовищам и добыл подарки для девяноста девяти братьев. И только для сотого не успел. Времени недостало.

Что делать?

Между тем нарты въехали во двор Алхуза, где их ожидало обильное угощение, подобающее знаменитым родственникам.

Пиршество было в разгаре, когда Алхуз решил незаметно исчезнуть, уйти в горы и добыть подарок для сотого нарта.

Что ему стоило немного поохотиться и вовремя вернуться назад? Ведь это был Алхуз - отменный охотник и скороход!

Однако, на беду, дичь не попадалась. Шёл Алхуз, шёл и незаметно дошел до нартской деревни. Вот уж и дом, достигающий небес. Но что это? Горят, горят дома нартской деревни!

Это недруги воспользовались отсутствием братьев и совершили нападение. Подожгли они дома нартов и разграбили их основательно. Вот уж к тому, большому дому нартов торопятся...

Но тут ворвался в ряды грабителей Алхуз. Засвистели стрелы его, а когда надвое переломился лук, пустил Алхуз в ход кинжал. Грабители не выдержали такого натиска: кто полег, а кто наутек пустился!

И вот предстал Алхуз перед Гундой Прекрасной. Она перевязала ему раненую руку промасленным полотенцем, чтобы кровь остановить, а поверх полотенца наложила на рану повязку. Повязкой этой был ее платок из чистого золотистого шелка.

Алхуз торопился на пир. Он снова вступил в пределы гор, и на этот раз удача сопутствовала ему: поймал он молодую серну! И вовремя явился на пиршество.

Братья заметили, что у Алхуза перевязана рука и что перевязана она шелковым платком, который принадлежит их сестре. Спутать платок этот с другим было невозможно! Пришлось Алхузу во всем признаться. Рассказ его был краток и правдив.

-Не осуждайте меня, великие герои, за то, что оставил я пир и тайно удалился. Я ходил в горы, что бы раздобыть недостающую живую дичь в подарок одному из вас. Не знаю и сам, как занесло меня в ваши края. И видел я, что недруги творят в деревне вашей черные дела: убивают людей, грабят и жгут дома. Они и вашей сестре угрожали. Пришлось мне драться с ними, все погибли от моих ударов, оставил в живых только двух. Эти двое - вестники горя: они сообщат своим о гибели сообщников. Ваша сестра цела и невредима, она ждет вас. На обратном пути великий Аиргь и великий Ажвейпшаа царствующие в горах и лесах, послали мне свою лучшую серну, и она красуется в моем загоне вместе с остальными.

Нарты сказали:

-Ты лишил нас ратных трудов, но ты защитил свою жену.

Вот собрались нарты в обратный путь. Провожали их с великим почетом. Дал Алхуз братьям своей будущей жены лошадей, коров и быков, по сотне голов мелкого рогатого скота. Нарту Ситу как старшему преподнёс горного тура с завитыми рогами и остальным братья преподнес туров и серн, зубров и кабанов. Сатаней-Гуаше, матери нартов, Алхуз послал дикого кабана, Гунде Прекрасной - горную куропатку и куниц. Нартов сопровождали люди, которые гнали скот и везли живую дичь на конях.

Поблагодарили нарты своего будущего родственника и отправились в свою деревню. Там они увидели содеянное врагами и от сестры узнали о великом геройстве Алхуз.

Казалось, горе уже позади, но это только казалось.

Не прошло и месяца, как на деревню нартов напал жестокий великан со своим громадным войском. Пока подоспели нарты, великан увез Гунду Прекрасную.

Об этом несчастье нарты сообщили Алхузу. Тот примчался к ним быстрее ветра.

-Я сам отомщу похитителю, - сказал Алхуз. А иначе - я не зять вам, великим нартам. А иначе я не посмею взглянуть в глаза моей невесте!

И понесся он на коне, перерезая дорогу великану. И настиг он великана и крикнул ему:

-Стой! Оставь мою невесту и, если дорога тебе жизнь, убирайся прочь!

В ответ на эти слова послал великан стрелу - высекла стрела молнию из скалы, в которую попала. Алхуз принялся за дело: его стрелы отнимали душу у всех, в кого вонзались. Два дня и две ночи продолжалась битва. Великан оставался невредимым - без единой царапины. Алхуз не смог попасть в уязвимое "место смерти" и выпустить душу из могучего тела

великана. А подлый похититель тем временем решил погубить Гунду Прекрасную, чтобы не досталась она Алхузу.

-Хорошая собака и та не лает на женщину! - крикнул Алхуз, угадав намерение великана. Вот каково твоё мужество!

И от бешеной злобы запустил стрелу с такой силой, что она пронзила великана насквозь, поразила его в самое "место смерти". Взревел великан, собрал последние силы, и направил стрелу в сердце Алхуза. И не стало великого героя, не стало Алхуза!

И впервые заплакала Гунда Прекрасная. Слезы ее текли на землю и сжигали ее. Голос Гунды достигал высоты небес. Щеки свои изодрала она в великой скорби.

И над телом жениха произнесла Гунда такую клятву:

-Клянусь, что выйду замуж только за того, кто победит меня в единоборстве, ибо Алхуз был сильнее меня, и только сильный заменит его!

Гунда Прекрасная плакала, и плачь ее был слышен далеко-далеко Услыхав голос сестры, нарты помчались ней изо всей мочи.
Мужество мстителя

Был в прежние времена род такой - елдыз, Нарты елдызам приходились племянниками по материнской линии.

Елдызы были людьми храбрыми. Испокон веку враждовали они с великанами, которые появлялись из глубокого ущелья и проходили по большому медному мосту. Эти великаны не брезгали даже человечьим мясом. При каждом удобном случае нападали они на елдызов.

В конце концов, одолели великаны своих упрямых врагов. Они уничтожили все потомство елдызов, не оставив никого, кто бы мог собаку со двора выгнать. Осталась в живых только беременная женщина - жена одного из елдызов.

Вот эту-то женщину и взял себе в жены славный человек из соседнего села. Он не посмотрел на то, что они беременна. Не посчитал это позором. Человек этот уважал елдызов и очень хотел, чтобы не иссяк их род, чтобы жена его родила сына-достойного продолжателя рода елдызов.

И сын вскоре родился.

То-то было радости у близких и дальних родственников елдызов, у их друзей, у всех, кто добрым словом поминал жертву кровожадных великанов.

Мальчик рос. Свято хранила мать память об его отце, берегла мужнего коня, чистила мозгом бычьих костей мужнюю шашку, которая висела на стене у изголовья.

С годами мальчик превратился в сильного мужчину. Научился метко стрелять и хорошо ездить на горячих скакунах. И как это часто бывает, услышал он, как говорится, краем уха, что нет у него отца, а есть только отчим.

-Где же мой отец? - спросил он однажды мать. Мать, зная его вспыльчивый нрав, не дала прямого ответа. Сын, разумеется, захочет отомстить за отца и может погибнуть в битве с великанами. Мать очень и очень опасалась этого.

Спустя год вытащил сын из ножен отцовскую шашку и приставил ее к своей груди.

-О мать! - воскликнул он. - Я лишу себя жизни на этом самом месте, если не ответишь, где мой отец.

Как ни тяжело было матери, но делать нечего - пришлось открыть всю правду о том, как были убиты его отец и все мужчины из рода елдызов. Затем подала она сыну доспехи отца, опоясала отцовской шашкой и повела его в конюшню, где стоял конь отца - сказочно сильный, неутомимый конь!

Разве мог после всего слышанного и виденного усидеть на месте юноша? Ведь недаром назвала его мать Шаруаном, что значит Мститель.

Сел на коня Шаруан, вооружился оружием отца и просил свою мать:

-Где найти этих людоедов?

Мать отвечала ему:

- Ты видишь вон те горы? Меж ними лежит черное ущелье. У входа в ущелье - медный мост. Когда великаны проходят по этому медному мосту, он гудит, как колокол. Неподалеку от этого моста, в черном ущелье живут три брата-великана. Зовут их Трехволосые, ибо на голове у них только по три волоска. Это страшные людоеды. Они-то и одолели род елдызов. Остерегайся их! Слушай меня, и я поведаю тебе нечто важное.

- Слушаю тебя, - сказал сын почтительно.

- Есть у нас родственники - племянники наши, которых зовут нартами. Они столь почтенны, что величают их по собственному имени и имени отцовскому. Их сто братьев, и все - молодцы как на подбор. Если ты во что бы то ни стало решил отомстить за отца - поезжай к нартам, в бою они станут с тобой рядом.

Сын сказал:

- О мать, ты - умная женщина, но здесь ошиблась

- В чем же моя ошибка? - спросила мать.

- Вот в чем, - сказал потомок елдызов Шаруан.--Скажем, приду я к нартам. Они, конечно, мне будут рады. Скажут, приехал к ним единственный дядя по матери, устроят пир, позовут людей, чтобы представить меня. А в это самое время вдруг да спросит какой-нибудь шутник: "Скажите-ка, пожалуйста, чем знаменит наш уважаемый дядя? Разве отомстил он врагам своим за смерть отца?" И что же я отвечу? Я буду стоять ни жив ни мертв. Ведь у нартов жилы на лбу полопаются от стыда за такого дядю! О мать, не смею я показаться на глаза моим племянникам, пока не отомщу за отца!

И остались дома мать и отчим одни, остались, подобно старым, отжившим свой век жерновам на мельнице.

Ехал Шаруан, ехал он и приехал, наконец, к тому самому медному мосту, за которым в черном ущелье жили великаны-людоеды. Едва приблизился Шаруан к медному мосту, как разнесся по ущелью гул. И понял Шаруан-елдыз, почему мост из меди выкован.

Спешился Шаруан, повесил доспехи на суку развесистого дерева, разжег костер и прилег отдохнуть.

Вскоре из ущелья донесся страшный грохот. Он был похож на раскаты грома, на гул землетрясения, на вой бури. И любой на месте Шаруана, - но только не он, - воскликнул бы: "Почему я не умер, прежде чем прибыть сюда!"

Грохот, потрясавший ущелье, все приближался. И Шаруан увидел великана, восседавшего на огнедышащем коне. Это был старший брат Трехволосых великанов-людоедов. Конь его, учуяв Шаруана, стал как вкопанный.

Великан крикнул на коня:

- Эх ты, трусливый! Чего и кого ты убоялся? Этих елдызов мы стерли с лица земли. Разве кто-нибудь из них во чреве материнском остался? Но когда же он мог родиться? Если даже и родился, то когда успел он созреть? Если даже и созрел он, как же посмел сунуться к нам!

И великан сердито натянул узду, да так сильно, что нижняя челюсть у коня отвалилась и грохнулась на медный МОСТ.

Шаруан, обнажив шашку, смело двинулся на великана

Великан взревел, увидев Шаруана.

Мы уничтожили род елдызов, за исключением того, кто находился в утробе матери. И когда только он мог родиться? Когда он успел созреть? Если даже и созрел, то как ему вздумалось мстить за отца? А раз уж вздумалось - так будет ему конец!

Шаруан взмахнул шашкой первым и рассек великана пополам - с головы до паха. Но великан тут же сросся. Шаруан дважды взмахнул шашкой и рассек великана на три части. Но и тут сросся великан и грозно двинулся на Шаруана. Снова сверкнула шашка, и, не дав спастись великану, Шаруан сбросил его в реку.

Точно так же расправился елдыз и со вторым людоедом. А у третьего, хоть и был он помоложе своих старых братьев, конь был пострашнее.

Третий великан наступал на Шаруана грудью своего коня, шашка его сверкала, точно молния. Мост гудел под копытами коня так, что сердце у любого смертного рвалось бы от страха.

Шаруан стоял посреди моста, привязав себя ремнем сыромятным к медным поручням. Полдня бился он, и казалось, вот-вот падет на колени от усталости. В минуту смертельной опасности конь его, привязанный на берегу, так заржал, что звезды чуть не посыпались с неба. Но вот Шаруан сделал последнее усилие и бросил великана вместе с его конем в пучину, по течению, на помощь тому, кто достоин ее.

И вот у костра, который разложил Шаруан - победитель встретились два родственника - племянник и дядя.

-Не стыдно спрашивать, - сказал нарт Сасрыква. -Скажи мне, кто ты, проливший так много крови?

Елдыз ответил:

-Мужа не спрашивают, кто он, но узнают по геройским подвигам.

Сасрыква сказал:

-Вижу, ты герой. Разве нужен новый подвиг?

-Я мститель, - отвечал Шаруан. А зовут меня Шаруан, отец мой елдыз, и я прихожусь дядей великим нартам.

-Ну так знай, - сказал нарт Сасрыква, - я один из твоих племянников. - Сасрыква. Так познакомились племянник нарт Сасрыква и его дядя елдыз Шаруан.
Женитьба нарта Куна

Как-то раз долго бродил нарт Кун в поиске дичи. За целый день не выпустил он ни единой стрелы. И вдруг - удача: стоит на скале тур огромный, гордый. Натянул Кун тетиву и успел прицелиться как следует, а тур уж катился к подножью скалы.

"Кто же убил его?" - подумал Кун и направился к добыче. Подходит и удивляется: какой человек - ростом поменьше локтя - ловко сдирает шкуру. Такой маленький, а тушу освежевал быстро и куски мяса развесил на ветках деревьев.

Этот человек был родом ацан. Ацаны, как известно были людьми маленького роста в высокой траве даже и не заметишь.

-Возьми свою долю мяса, - предложил ацан Куну.

-Сначала ты, - сказал Кун. - Бери, сколько в силах взять. - А сам подумал: "Ну что он сможет унести этот несчастный человечек? Самое большее один кусочек, а остальное достанется мне.

Ацан сказал:

-Не беспокойся обо мне, бери мясо.

-Нет, сначала ты. Сколько можешь.

Ацан молча растянул на земле турью шкуру, положил на нее все куски мяса, живо стянул шкуру ремнями и взвалил себе на плечи.

И он двинулся. Он шагал так легко, словно не огромно тура тащил, а жалкого зайчишку.

Кун поразился увиденному, и захотелось ему узнать, где живет этот человечек - не больше локтя ростом.

Ацан смело идет по-над обрывами, по узким тропам, уверенно раздвигает жесткие кусты. Кун убыстряет шаг, бы не отстать от ацана, но не так-то просто догнать человечка. Если бы не туша убитого тура, наверно, вовсе потерял бы ацана из виду.

После утомительной ходьбы по скалам Кун увидел каменный дом, в котором жили ацаны. Жилище это служило им также и крепостью. Оно содрогалось от того, что сестра ацанов Зылха ткала па станке.

Ацаны радушно приняли гостя из рода нартов. Напоили и накормили. Прислуживала за трапезой Зылха.

Хоть и мала была ростом сестра ацанов, но уж очень

приглянулась нарту.

На следующий день Кун открылся ацанам. Он сказал, что полюбил их сестру и желает жениться на ней.

Ацаы не очень-то обрадовались.

-Нам не хотелось бы этого, - сказали они Куну.

-Ты - брат великих нартов. Ваш род прославлен и знаменит. И гордость рядом с вами. Мы же маленькие.

Мы простые люди. Может ли наша сестра стать женой одного из нартов и невесткой всех нартов?

-Нет, не отдадим мы сестру за тебя. Вдруг станешь бранить ее и, чего доброго, обзовешь дочерью маленьких, неказистых людей. Хорошо ли это будет?

Но Кун настаивал на своем. Он обещал никогда не вспоминать о том, что Зылха - дочь маленьких людей.

Вот ацаны вызвали Зылху и спросили ее, желает ли она быть женою Куна.

-Не скрою от вас, - сказала Зылха, - я хотела бы выйти за него замуж. Но если когда-нибудь он упрекнёт меня в том, что я дочь маленьких, неказистых людей - не останусь у него ни одного дня!

Кун уверил Зылху и ацанов, что ни он, ни братья его нарты никогда не обидят Зылху, что будет ей у Куна так же хорошо, как здесь, у ацанов.

На том и порешили: выдали Зылху за нарта.

Когда же пришло условное время, ацаны устроили пир, и Кун увез Зылху к себе.

Нарты встретили невестку свою с большой радостью. Зарезали сто быков. Позвали гостей. Сыграли свадьбу пребогатую.

А наутро попросили нарты свою невестку свалять для них мяч из шерсти ста бычьих шкур.

Зылха, как положено молодой жене, не выходила из брачных покоев. Она сваляла мяч и кинула его нартам из окошка.

Нарты принесли с собою палки для игры в мяч - аймцакиача. И долго они играли. Не раз залетал мяч под самые облака. Но никто не стал победителем до поры до времени.

Вот снова запустили они мяч под облака. Быстро падал он вниз на землю, но так травы и не коснулся: его схватил Сасрыква и побежал к тому, другому краю поля. Братья погнались за ним, но так и не смогли догнать. Победил Сасрыква. "Он похож на серну", -подумала Зылха, наблюдавшая за игрой из окошка...

Словом, жили молодожены в мире и согласии. Нарты уважали свою невестку, не давали ее в обиду.

Однажды Кун в путь собирался. Очень он торопился. Его ждали братья. И вдруг обнаружил Кун, что ноговица его распорота. Нельзя одевать такую ноговицу, не зашив её!

-Я так и знал! - в сердцах воскликнул Кун. - Так и следует мне - зятю несчастных, маленьких ацанов!

Эти слова услыхала Зылха. Недолго думая выхватила она нож и вспорола себе живот; достала оттуда ребёнка и бросила его Куну.

-Вот все, что было между нами! - крикнула она и скрылась.

Нарты были поражены ее поступком.

Что же делать?

Надо спасать ребенка. Попросили они женщин накормить ребенка грудью. Но куда там! Ни одна кормилица не смогла приблизиться к нему - от него пылало нестерпимым жаром, словно от костра. Нарты ломали себе головы, не зная, как быть с ребёнком. Ничего лучшего не придумав, решили обратиться за советом к Зылхе. Послали к ней человека.

-Горделивые нарты, - передала она через посланника, - не молоком кормите ребенка, а расплавленным железом!

Послушались нарты ее, и мальчик выпил железо, точно молоко. И стал он быстро расти. И решили все, и решили все получится из него герой.

Однако время шло, и мальчик не оправдывал этих надежд. Он целыми днями сидел у очага и строгал какую-нибудь палочку. Прогонят его с одного места - усядется в другом. И снова строгает палочку. Стружки валяются повсюду: у очага, во дворе, в покоях. И прозвали мальчика Цвиц, что значит Стружка.

-Из него ничего не получится, - решили нарты. Однако можно ли так говорить о человеке, который только-только начинает свою жизнь?
Сасрыква сбивает звезду

Однажды девяносто девять братьев собрались в поход. Все было готово: оружие проверенна, обувь цела, лепешки медовые - в перемётных сумках. Коней своих нарты выкупали в Кубине, оседлали их. Братья попили, поели. И Сатаней - Гуаша сказала им:

- Счастливого пути, дети мои!

Разом поднялись братья со своих мест. Каждый из них держал в руке кнут. Садились на кон по старшинству.

Ударил кнутом нарт Сит, и показалось всем, будто гром ударил. Стрелою вылетел из ворот нарт Сит. А я ним понеслись его братья.

Опустел двор. Только нарт Сасрыква остался со своей матерью.

Он печален.
Легонько держит повод своего огнеподобного коня Бзоу.
Печален нарт Сасрыква, ибо никто не пригласил его в поход.
Братья перед походом сели за общий стол,
А Сасрыква в стороне остался стоять как столб.
Никто его к столу не позвал, не приветил,
Как будто и нету его на свете.
Как все остальные он вымыл коня, почистил и оседлал,
Как все он кнут в правую руку взял,
Но сесть на коня не предложили ему,
Из всех ста братьев ему одному.
Распевая песни, выехали братья в широкие ворота,
Сасрыква остался один как если бы сирота.
Как ветер носятся братья, подвиги совершают,
Громкая слава повсюду их сопровождает.
А Сасрыква стоит неподвижно, руки скрестив на груди,
Почему же его не взяли? Что ждет его впереди?
Неужели его оставили навсегда стоять у ворот,
Телят и коров пасти, да пугать ворон?

Заплакал нарт Сасрыква. Поплелся к матери.

-О мать, - проговорил он.

-Здесь я, сын мой. Что тебе?

-О мать, братья мои отправились в поход, и никто не пригласил меня. В чем причина?

-О свет моих очей! Разве старшие должны приглашать младшего? Следуй за ними.

Сасрыква недолго раздумывал - вскочил на верного Бзоу и в мгновение ока исчез за воротами.

Быстро нагнал он своих братьев и, не смея опережать старших, поехал сзади.

-Кто ты? Куда путь держишь? - спросили его.

-Как кто? Я брат ваш! - воскликнул Сасрыква.

-Не знали, - с усмешкой произнес Гутсакья.

-Ты не от нашего отца рожден, - сказал Сит.

-И еще лезешь к нам в братья? - сказал нарт Гутсакья.

Что делать? Сасрыква вернулся домой точно по битый.

-Что случилось? - с тревогой обратилась к нему Сатаней - Гуаша.

-Ничего, - ответил Сасрыква, - я позабыл лепешки. Накорми-ка меня. И если это возможно - приготовь мой любимый айладж.

Сатаней - Гуаша живо просеяла муку, взяла свежего сыру и приготовила айладж. Она подала сыну кушанье, исходившее паром.

-Садись и поешь вместе со мной, - попросил Сасрыква.

Сатаней - Гуаша положила перед собой горячий айладж. Она коснулась горячего айладжа пальцем. Но тут Сасрыква схватил ее руку и воткнул палец глубоко в горячий-прегорячий айладж. Мать вскрикнула.

-Пока ты не объяснишь кто я, - сказал Сасрыква, - не выпущу твоей руки.

-Ты - мой сын, - сказала Сатаней - Гуаша, с трудом преодолевая боль. - И ты лучше всех.

-Я не спрашиваю, лучше я или хуже, - сказал пылающий гневом Сасрыква. - Кто мой отец? И почему братья мои смеются надо мной?

Сатаней - Гуаша не растерялась. Она сказала твердым голосом:

-Пусть твои братья, которые пренебрегают тобой, вечно нуждаются в твоей помощи!.. А ты, сын мой, - часть скалы. В тебе чудодейственная сила. Пусть лучше расскажет об этом кузнец Айнар.

Сасрыква выбежал во двор, сел на коня и помчался вслед за своими братьями.

Сатаней - Гуаша подняла к небу глаза и молитвенно проговорила:

-Пусть вас, братья Сасрыквы, обидевшие сына моего, настигнет невиданный дождь - страшнее любого града, и ветер пусть дует вам в глаза - страшнее любого ветра, и пусть жизнь ваша зависит от сына моего Сасрыквы.

Между тем огнеподобный Бзоу летит вперед, и все ему нипочем - ни дождь, ни град, ни ветер, ни встречные реки. Он несется по долинам и горам, точно быстроногая серна.

Двое суток ехал Сасрыква, ехал в горы, все в горы. И вот усилился дождь. И повалил снег. И ветер подул, да такой, что казалось, горы обратятся в прах. А когда прояснилось - Сасрыква увидел своих братьев. Они жались друг к другу так тесно, что можно было набросить на них одну шапку. Бороды их обросли сосульками, и сосульки касались земли. Они погибали от холода.

-Что с вами? - спросил Сасрыква братьев.

Они очнулись словно ото сна и заговорили все разом.

-Сасрыква, брат наш! Мы умираем! Мы замерзаем! Спаси нас!

-Я с вами! - сказал Сасрыква. - Не бойтесь: я здесь! И подумал: "Что же делать? Где раздобыть огонь на этой голой земле?"

Над ним раскинулось широкое небо, и было оно усыпано звездами. Они горели так ярко! "Их спасет только звезда!" - сказал про себя Сасрыква. Он натянул тетиву лука, прицелился в самую яркую из звезд и выпустил стрелу. И сбил, Сасрыква сбил яркую, самую яркую звезду! Она упала на землю, излучая тепло и свет. Насквозь промерзшие нарты собрались в кружок и стали греться. Но как ни была ярка и тепла эта звезда, согреть нартов она не могла. Их мог обогреть только земной огонь!

Сасрыква сел на коня и въехал на гребень горы. Видит - вьется дым. И он поехал на этот дым, решив, что там, где есть дым, есть и огонь. Но не так-то просто оказалось до огня добраться. Пришлось Сасрыкве переплывать бурные реки и проходить глубокие овраги, прежде чем ощутил он тепло огромного костра, в котором сгорали даже камни.

Однако путь к костру преграждал великан, свернувшийся так, что колени его касались подбородка. Великан спал, и Сасрыква не смог разбудить его.

Тогда обратился парт к своему коню с такими словами:

-Будь, шустрым, как белка, а я стану легким как пух!

И нарт разогнал коня своего Бзоу и влетел в правое ухо великана, а через левое вылетел. Набрал Сасрыква угольев и уже хотел было прежним путем возвратиться назад.

Но, по несчастью, обронил пылающий уголек, и лохматое великанье ухо загорелось. Чудовище проснулось, и Сасрыква вместе со своим конем очутился у него на ладони.

-Эй, ничтожный апсуа! - вскричал великан. - Как попал ты ко мне? И как тебя звать?

Сасрыква ответил:

-Я всего-навсего слуга нарта Сасрыквы.

-Ах, вот оно что! Скажи, ничтожный апсуа, а правда ли, что живет на свете Сасрыква, совершающий удивительные подвиги?

-Да, живет, - ответил Сасрыква, а сам с беспокойством думал о своих братьях. "Как бы отделаться от этого великана?" - размышлял он.

-Расскажи-ка о его подвигах, - сказал великан, тараща огромные глаза на нарта.

-Долго рассказывать, - сказал Сасрыква.

-Ничего, что долго, рассказывай...

-Ну что ж, - начал Сасрыква, - расскажу, только не вздумай следовать его примеру.

-Это почему же?

-Потому что не всякий это сможет... Вот, скажем, поднял однажды Сасрыква валун величиной с дом, поставил его на скалу, а сам стал под скалой. Он приказал мне сдвинуть с

места валун, который едва держался на самом краю утеса. И что бы ты думал? Валун разбился о голову Сасрыквы! Только не вздумай повторять его подвиг!

Однако великан только рукой махнул и через мгновение уже тащил на гору преогромный валун. Рядом с валуном поставил ничтожного апсуа - слугу Сасрыквы, и попросил помочь совершить подвиг. Сасрыква столкнул валун, и полетел валун с превеликим грохотом. Ударился о голову великана и тут же рассыпался, точно был слеплен из сухого песка.

Огорчился Сасрыква, но что поделаешь - силен великан!

-На что же еще способен твой Сасрыква? - взревел великан.

Нарт сказал:

-Этот Сасрыква собрал однажды куски железа, сварил их в котле и выпил, точно молоко. Ему понравилось расплавленное железо.

Великан приступил к делу: живо расплавил в котле куски железа и выпил,

-Да, - проговорил он, - знает твой Сасрыква толк в еде - очень приятно пить железо.

Огорчился Сасрыква, но что делать - силен великан!

-Ну, расскажи еще что-нибудь о Сасрыкве, - просит великан.

-Сасрыква, - говорит нарт, - очень любит в морозный день окунуться в реку и стоять в ней неделю, а порой и больше. Войдет в воду и ждет, пока она не замерзнет, а потом ломает лед и выходит на берег цел - невредим.

-Так вот оно что! - говорит великан. - Сумел Сасрыква - сумею и я!

В это самое время Сатаней - Гуаша чудом узнает о тяжёлом положении, в которое попал ее любимый сын. И произносит такое заклинание:

-Ударьте морозы посильнее, чтобы накрепко замерз великан в воде!

И в самом деле ударили морозы. Замерзли горные реки. Вот тут и пришлось великану испытать свою силу.

Залез он в воду, и она замерзла вокруг него. Но великан легко взломал лед. Тогда Сасрыква раздобыл стог сена, разбросал сено по льду, и сделался лед во много раз прочнее.

Стоит великан во льду - одна голова торчит над гладкой ледяной поверхностью. А когда захотел он выбраться то уже не смог. Пытался было взломать лед, но напрасно. Пытался было уговорить Сасрыкву, чтобы тот помог ему, но все напрасно. Видит великан - грозит ему погибель.

-Эх, проклятый, - говорит великан нарту, - наверно, ты и есть Сасрыква, ибо обхитрил меня, вокруг пальца обвёл.

-Ты угадал, - ответил Сасрыква и обнажил шашку чтобы отрубить голову ловко пойманному чудовищу.

-Эй, Сасрыква! - кричит великан. - Нет, ты не сумеешь отрубить мне голову. Но раз ты такой молодец, одарю я тебя перед смертью. Слушай меня: шашка твоя погнётся, точно соломинка. Возьми лучше мою, если только сумеешь вытащить ее из ножей. Вытащи ее и толкни по гладкой поверхности льда так, чтобы она ударилась о мою шею и перерезала толстую жилу. Жила эта чудодейственная. Сделай из нее пояс для прекраснейшей и умнейшей из женщин - Сатаней - Гуаши и для - непревзойденного героя. И вы станете бессмертными.

Что долго раздумывать! "Попытка не пытка", - сказал себе Сасрыква и послушался великана. В самом деле отрубив голову, нарт обнаружил на шее толстую жилу. Вырезал он эту жилу. Но не был бы Сасрыква нартом, если бы полностью доверился чудовищу.

Сасрыква набросил жилу на высокую липу, стоявшую неподалеку, и она свалилась, точно подрубленная. Коварный замысел великана раскрылся!

Расправившись с великаном, нарт поднял горящую головешку и на верном коне Бзоу прискакал к братьям.

Звезда, согревавшая нартов, понемногу гасла, теряя свое тепло.

-Не падайте духом, братья мои! - крикнул Сасрыква. - Вот я привез вам огонь земной взамен огня небесного.

Огонь-то есть, - уныло сказали братья, - а где ж хворосту взять, вокруг все голо.

Сасрыква сказал:

-Выньте газыри свои, расщепите их - и разгорится костер!

Братья послушались Сасрыкву. И запылал костер, и вскоре в котлах уже варилось мясо серны и оленей, убитых Сасрыквой.

Напились нарты мясного отвара и досыта наелись мяса. Ну можно ли было после всего этого не уважать Сасрыкву, если даже у него и другой отец?
Одна лиса и сто человечков

Да, ушла невестка нартов Зылха, ушла от своего мужа. И нарты сказали:

-Ну что же, обиделась молодая. Успокоится - вернется.

Но не тут-то было: не возвращалась Зылха. Упрямство ее задело самолюбие нартов: дескать, как это так - пренебрегает родством с великими нартами?!

-Надо кому-нибудь сходить за нею, - сказал Сит, - неудобно женщину без внимания оставлять.

А Гутсакья, как это с ним частенько случалось, не удержался, чтобы не сострить.

-Торопитесь к ее именитому роду, - сказал он. - Что делать без этих человечков, ползающих по папоротнику? Пропадем мы без них!

Молодому болтуну вольно болтать, но в серьезном деле важны слова старших, тех, кто умудрен жизнью. И вот решили отправить к ацанам самого младшего, Сасрыкву: с одной стороны, это означало бы, что нарты оказали внимание своей невестке, не бросили ее, а с другой - и честь для ацанов не велика, - ведь прибыл не самый старший, а тот, кто моложе всех!

Одним словом, поехал Сасрыква к ацанам. Спешился, прошел через крепостные ворота и слышит какой-то шум. И от шума того содрогается дом ацанов.

Догадался Сасрыква, что это работает Зылха, ловко владеющая ткацким челноком. Так оно и оказалось, когда нарт перешагнул через порог дама.

Но Зылха даже головы не подняла, а встать, как положено по обычаю, и не подумала.

Сасрыква простил ей эту невежливость, рассказал ей о том, что думают о ней нарты и что они предлагают ей. А предлагают они одно: вернуться к Куну.

Зылха достала свой маленький нож и поднесла его к своему горлу.

- Если ты еще раз повторишь то, что сказал, - я погублю себя.

Доподлинно так и сказала Зылха. Нарт убедился, что говорить с невесткой больше не о чем. Он только спросил, где братья ее.

- В горах. Пасут стада, - ответила маленькая женщина.

К полудню Сасрыква достиг вершины той горы, на которой отдыхали ацаны. У них было заведено с испокон веку - вместе работать, вместе отдыхать.

Сасрыква повторил им то же самое, что сказал Зылхе: она должна вернуться к мужу, нарты желают продолжать родство с ацанами.

Однако ацаны твердили то же самое, что нарт уже слышал из уст Зылхи:

-Пусть будет все так, как есть. Не удостоился нас родством - не надо!

Что делать? Полная неудача! Приходится Сасрыкве возвращаться домой ни с чем.

"Дай, - думает нарт, - хоть этого орла подстрелю, что-то он несет в своем клюве".

Как известно, нарты стреляли в орла только в крайнем случае, когда их брала досада. Несомненно, так было и в этом случае.

Сел орел на высокую пихту. И ветвь обломилась под ним, перелетел орел козлу ацанов на рога, пристроился на рогах и начал клевать свою добычу.

"Что он там клюет?" - подумал нарт и решил всмотреться получше.

Тут-то и попало ему что-то в глаз. Нарту показалось, что это орел чем-то запустил в него.

-Скорее ко мне! - крикнул Сасрыква ацанам. - Поглядите, что попало в глаз!

Подбежали к нему два человечка и видят: торчит в глазу кость. Потянули ее, а вытащить так и не смогли. Что делать? Позвали остальных. И стали ацаны из всей мочи тянуть кость. Тянули, тянули и вытащили только к вечеру.

Кость оказалась телячьей лопаткой. Забросил ее Сасрыква подальше и поблагодарил человечков. Распрощался с ними и уехал к себе.

Трудно сказать, сколько прошло времени после этого случая. Наверное, много, очень много. Кость - ту самую телячью лопатку - занесло землей, и выросла на ней трава. Образовалась прекрасная лужайка. На эту лужайку переселились ацаны из ста дворов. Они построили дома, двери которых были обращены на восток, только на восток.

И вот проснулись однажды ацаны и видят - совершилось чудо: все двери обращены на запад! Вот так действительно чудо. Чудо повторилось через несколько дней, когда все двери вернулись на свое место.

И решили ацаны не спать по ночам, только бы узнать, Что это происходит с их поселком, какая это сила поворачивает их дома то на запад, то на восток.

Первая ночь прошла спокойно - только глаза покраснели от бессонницы. Вторая тоже - только глаза припухли от бдения. А на третью ночь все и открылось: прибежала пушистая лиса, вцепилась в лопаточку и стала ее грызть, а чтобы скорее разгрызть - давай ворочать ее то в одну, то в другую сторону!

Ацаны по уговору выстрелили в лису. Трудно сказать, сколько стрел вонзилось в зверя. Дело в конце концов закончилось тем, что лиса свалилась бездыханная.

Ацаны принялись сдирать с нее шкуру. Проработали они весь день, а содрали только с одного бока. Вечером они разошлись с тем, чтобы с утра приняться за другой бок.

Но вот незадача: являются утром ацаны и никак не могут лису перевернуть. Напрягаются изо всех сил, а тушу с места не сдвинуть.

Шла в ту пору мимо ацанов невестка нартов Зылха.

-Несчастные! - крикнула она и, поддев лису веретеном, перевернула на другой бок. -Только отдайте мою долю. Я пойду обратно и прихвачу с собой!

Лишь к вечеру кончили свою работу ацаны. Поделили шкуру меж собой, а половину отдали Зылхе - невестке нартов.

Зылха, вернувшись домой, принялась кроить шапку для сына. Но шкуры не хватило. Тогда ацаны отдали ей часть своей доли, и шапка была готова.

- Иди-ка сюда! - позвала сына Зылха, невестка нартов. - Иди-ка, сын, да падут недуги твои на меня!

И она, любуясь мальчиком, надела ему на голому шапку из лисьей шкуры.

И сын был доволен, очень доволен, ибо была над ним вечная материнская благодать.
Сасрыква спасает своих братьев

Приближался день нового похода. Куда же отправятся нарты на этот раз? Разумеется, туда, где не ступала нога человечья. Вот где добыть себе славу, вот где настоящее мужское дело. Собрались нарты вечерам поговорить обо всем перед походом, и старший из них - Сит - сказал так:

- Послушайте, а где этот Сасрыква, который, не будучи нам братом, все-таки сделался братом?

Стали искать Сасрыкву. А его нет нигде: ни дома, ни на широком дворе. Не удивительно, что не оказалось Сасрыквы, а удивительно, что братья только сейчас

хватились его, ибо Сасрыква уже целую неделю охотился в горах.

Только Башныху - человек добросердечный - упрекнул нартов:

- К чему выяснять сейчас, брат он нам или не брат? Он нас из беды выручал, как брат. Разве этого мало? Или вас занимает только кровь - чужая она или своя?

Этот парень ушел со двора неделю тому назад, и никто из вас не подумал, что с ним. Не стряслось ли с ним несчастье?

-Зачем гадать? - сказал нарт Гутсакья. - Может кто и знает, где он?

-Если известно тебе что-либо - говори, - обратились к нему те, что сидели поближе.

-Хотите знать, где он? Так вот: он у своего великолепного отца Айнара. Кузнец кислым молоком объелся - вот Сасрыква и лечит его.

Нарты дружно захохотали. А Кун лукаво спроси.

-И когда, ты думаешь, вернется Сасрыква?

-Когда? Вот переспеет алыча - тогда и вернется! Каму охота повидаться с ним - пусть ждет его под алычой. Знаете, как плюхается на голову переспелая алыча?

Нарты снова захохотали, но вдруг приумолкли: побоялись, как бы Сатаней - Гуаша не услышала насмешек над ее любимым Сасрыквой.

Башныху сказал:

-Шутки в сторону, путь перед нами и дальний и опасный. Подождем этого парня и заберем его с собой.

Гутсакья сказал:

-Видно, крепко полюбилась тебе переспелая алыча. В таком случае подожди Сасрыкву и досыта наешься вместе с ним переспелой алычи.

-Гнилой алычи, - добавил кто-то.

Снова засмеялись нарты, чуть животы себе не надорвали.

Посмеялся и нарт Башныху, следуя мудрой пословице: "Смейся даже с теми, кто над тобой смеется".

Возможно ли, чтобы великие нарты так зло потешались над братом-героем? Возможно, ибо зависть - опасный недуг, и он порой находит себе дорогу даже к сердцам великих. А девяноста девяти братьям было чему позавидовать: слава Сасрыквы росла с каждым днем!..

Рано утром, - до того, как проснулись в лесу птицы, - нарты оседлали коней своих и вооружились как положено. Сели они на коней как положено: по старшинству.

-О мать, - обратился нарт Сит к Сатаней - Гуаше, - мы уходим в далекий путь. Не беспокойся, если мы и задержимся, ибо хлебнем горя досыта. А наш младший брат пусть ждет нас дома, пусть за скотом последит.

Не понравились Сатаней - Гуаше эти слова, но что поделать? Нарты уже, как говорится, в дороге, и не время спорить.

-О великие герои, божества охоты! - помолилась Сатаней - Гуаша. - Да будет поход их добрым, а путь счастливым! Пусть возвратятся они, любуясь собой!

Точно звезды вылетели за ворота девяносто девять нартов.

Ехали они и днем и ночью. Неведомая сила влекла их все вперед и вперед.

Спустя месяц они прибыли в долину, заросшую густой и высокой травой. Она переливалась под ветром, словно морские волны. Нарты ехали по лугу, оставляя за собою след, точно корабль на море.

И увидели они одинокое дерево, верхушка которого касалась самого неба. Его прохладная тень привлекла утомленных нартов, и они расположились вокруг этого дерева. Не остыли еще разгоряченные тела нартов, не высох еще пот на их лицах, как из травы показался тщедушный загорелый старик с белыми как снег волосами.

-Давно не бывали здесь люди, - сказал старик. Откуда вы? Куда путь держите?

Нелегко было выведать у нартов, куда они держат путь. Они неохотно делились своими мыслями и не любили болтать в походах. Из уважения к сединам старика нарты сказали, что едут туда, где еще не ступала нога человека.

-Да будет счастлива ваша мать! - воскликнул старик. - Знайте же; еще ни один человек не возвращался оттуда, куда вы осмелились идти. Люди вы, как погляжу, неплохие. Послушайтесь меня - возвращайтесь назад.

Обиженные нарты сказали:

-Не такие уж мы трусы, как это тебе показалось, старик!

Самый младший из нартов - Гутсакья - добавил:

-Либо тебе, старик, жаль для нас тени этого дерева, либо тебе противен запах наших трупов.

Нарты посмеялись этой шутке.

А старику было не до смеха. Видит добрый человек, что слова его не идут впрок, и говорит:

-Если не верите мне, возьмите луки и выстрелите в это дерево. Если сорвется с него хотя бы один листочек - значит, лживы мои речи.

Полетели в дерево девяносто девять стрел, но не сбили ни единого листочка. Дерево было точно из железа.

-Видите, - сказал старик, - вам надо возвращаться.

Нарт Гутсакья сказал:

-Эй, старик несчастный, если бы нарт повернул с избранного им пути из-за какого-то чудом уцелевшего листочка, то о чем бы еще зубоскалили у очагов старухи?

Что делать? Сказал старик свое и - удалился. А бесстрашные нарты, отдохнув, отправились дальше. Едут шумной ватагой - вокруг трава, а впереди стеной лес стоит. Нарты и не подозревали, что это за лес! Он был дремучий, солнечный свет не проникал сквозь густую листву деревьев. Даже ночью, когда звезды высыпали на небе и всходил месяц, в лесу было так же темно, как и днем. Ветер, как бы не бушевал, не мог шелохнуть ни единым листочком. Лес стоял словно железный. На северной стороне высилась огромная гора. Деревья на той горе будто огнем опалены.

Гадают нарты: где переночевать - на лугу или в лесу?

Решили - в лесу лучше.

Поохотились. Настреляли дичи. Развели костер. Сели ужинать. И собак своих, без которых не ходили в опасные походы, накормили.

И вдруг со стороны Северной горы раздался страшный крик. Пока братья думали да гадали, что бы это могло быть, крик все приближался. Братья пошли навстречу кричавшему и вскоре увидели безобразную старуху. Брови ее свисали до земли, рот был до ушей, а ступни вывернуты назад. Оберегая от злых собак, братья проводили ее к огню.

-Что с тобой, старуха? - спросили нарты. - Почему ты плачешь?

Старуха запричитала:

-С голоду я умираю... От холода я умираю... Спасите, люди добрые...

-Садись, странная старуха. Вот огонь, грейся. А вот тебе и еда...

Но старуха не притрагивалась к пище. Съежившись в комок, сидела перепуганная...

-Собаки... Эти собаки... - причитала она плача.

-Не бойся их, - успокаивали нарты.

-Боюсь. Боюсь я их. Они разорвут меня. Привяжите их, не то кусок застрянет в горле от страха!

Из уважения к странной старухе принялись нарты собак привязывать, да нечем.

-Привяжите их моими волосами, - сказала старуха и вырвала из своих бровей длинные-предлинные волосы.

Привязали нарты собак, и старуха успокоилась. Она жадно повела глазами и шумно вдохнула:

-Шшый!

И мясо, приготовленное на ужин, исчезло в один миг.

Собаки забеспокоились, зарычали. А старуха вдохнула еще раз:

-Шшый!

И собаки исчезли в ее чреве.

Нарты словно остолбенели. От удивления не могли даже пальцем пошевельнуть. А старуха еще раз вдохнула:

-Шшый!

И братьев словно и не бывало на этом свете: проглотила их старуха!

А в это самое время нарт Сасрыква вернулся дом из далекого похода. Вернулся бодрый, со славой. И к своему удивлению, не застал братьев.

-Они там, куда не ступала нога человека, - объяснила Сатаней -.Гуаша.

-Могли бы и подождать меня, - проговорил обиженный Сасрыква, - если не в бою, то за ужином мог бы я быть полезен братьям: мяса наварил бы, костёр разложил, воды принес. Приготовь, мать, еды на дорогу пойду за ними! Может, они в беде. Может, я пригожусь им.

Сатаней - Гуаша, зная характер сына, не стала ему перечить, и Сасрыква яркой звездой вылетел за ворота.

-Эй, мой горячий араш Бзоу! - крикнул Сасрыква. - Неси меня туда, где не ступала нога человека!

И понесся Бзоу по долинам, как заяц, понесся по горным тропам, как серна. А за ним - охотничья собака Сасрыквы по кличке Худыш, что значит Белошеяя.

И прибыл Сасрыква на тот самый луг, где братья его повстречали старика с темным лицом. И так же, как и братьям, довелось ему встретить того самого старика. Так же, как братьям, он не советовал Сасрыкве ехать дальше. И в подтверждение своих слов указал на дерево словно из железа выкованное. Но братья не сбили и листочка, зато Сасрыква не только листочек сбил, но и целую ветку отломил стрелою. Со звоном упала ветка на землю.

-Ну что ж, - сказал старик, - будет тебе удача.

Вот едет к лесу, что маячит вдали, герой Сасрыква. Копыта Бзоу гулко цокают на весь мир:

-Акара - акара! Акара - акара!

А за конем Бзоу следует по пятам собака Худыш - сильная как лев. Едет к лесу Сасрыква, а копыта его коня выводят на весь мир, точно песню:

-Акара - акара! Акара - акара!

Вот достиг нарт Сасрыква леса. Что же он видит? Ещё не остыла зола на том месте, где устроили привал его братья, еще тлеют угли и головешки. А поодаль - шашка валяется на земле. Шашка одного из братьев. Понял Сасрыква, что стряслась беда.

А конь Бзоу неожиданно заржал. А Худыш вдруг ощетинился. И раздался в лесу, со стороны горы Северной, страшный крик. И спустя некоторое время показалась безобразная старуха со ртом до ушей, с вывернутыми ступнями и бровями до земли. Она кричала на всю вселенную. Она кричала так, словно вся родня ее перемёрла.

-Что с тобой, старуха? - спросил нарт. - Отчего плачешь?

Старуха запричитала:

-С голода умираю... От холода умираю... Спаси меня, добрый человек...

-Садись, удивительная старуха. Будет тебе тепло. Будет и еда.

Но старуха, как и тогда, не притрагивалась к пище. Вся она как и тогда, съежилась. Как и тогда, сидела словно перепуганная.

-Эта собака... Эта собака... - сказал она плача, как и тогда.

-Не бойся, - успокаивал ее нарт.

-Боюсь. Боюсь ее. Она разорвет меня. Кусок застрянет в моем горле от страха, если не привяжешь эту собаку.

И она кинула нарту огромный волос, который выдернула из левой брови.

Смекнул великий герой Сасрыква, что дело тут не ладно, неспроста хочет старуха привязать Худыша. И верно: кто стал бы величать Сасрыкву великим героем, если бы ум его не был острым как шашка! Нарт умным был, все хитрости знал как свои пять пальцев

Притворился Сасрыква, будто привязывает Худыша к дереву, а сам незаметно отбросил волос в сторону. Затем как ни в чем не бывало разложил костер, сварил мясо из дорожного запаса.

-Шшый! - вдохнула старуха, и все мясо исчезло

Старуха еще раз собралась было вдохнуть, но на неё набросился Худыш и начал нещадно рвать. А Сасрыква приложил к ее горлу острие шашки.

-Ах! - испуганно вскрикнула старуха, и тут изо рта ее, как положено, по старшинству, повыскакивали нарты - все девяносто девять братьев! Последним появился на белый свет насмешник Гутсакья.

-Вот оно что! - вскричал Гутсакья, увидев Сасрыкву. - И ты с нами? А мы очень о тебе тревожились.

Убедившись, что все братья живы - здоровы, Сасрыква размахнулся шашкой и отрубил старухе голову. Но голова тут же пристала к шее. Рубанул Сасрыква ещё раз. А голова отлетела и снова прилипла к своему месту. Ещё раз рубанул Сасрыква...

-Ты, кажется, шутишь, - сказал Гутсакья и мигом присыпал разрубленную шею теплой золой.

И не стало злобной старухи. Нарт Сит сказал так:

-Ты, Сасрыква, самый младший, но мужеством превзошел всех нас.

Это была великая похвала!

Сасрыква убивает дракона

Вот едут нарты походным строем.

Едут они девять дней и девять ночей.

Едут нарты, веселые с виду, а на сердце у них - черная туча. Едут и думают:

"Неужели суждено, чтобы этот незаконнорожденный Сасрыква вечно нас опекал? Узнает народ о том, как спасал он нас, и стыда не оберешься! Называли нас великими героями, а теперь слава наша может улетучиться, словно водичка из котла. Но, пожалуй, и этого будет ему мало, и он постарается уничтожить нас. Уж лучше сами изведем его!"

Вот остановились они отдохнуть. Спешились, разулись, поразмялись. Сасрыква повалился на траву и тут же уснул.

А братья принялись судить да рядить, как бы им от Сасрыквы избавиться.

Нельзя убивать его мечом - кровь будет свидетельствовать против братьев.

Нельзя убить и стрелой - та же кровь восстанет против убийц.

Ежели умертвить - что делать с его конем, его собакой? Нарты боялись коня и собаки так же, как боялись они Сасрыкву.

-Что делать?

И вот на чем они порешили.

Недалеко пропасть. Через нее проложен узкий мост. Что, если подрубить его и пропустить по нему Сасрыкву?

Просыпается Сасрыква, и братья обращаются к нему с такими словами:

-Ты молод, Сасрыква. И славен мужеством. Но есть геройство которое по плечу только величайшим из героев.

-Скажите какое, - сказал Сасрыква.

-Видишь мост через пропасть?

-Вижу, - сказал Сасрыква.

-Очень трудно прыгнуть на этот мост вон с той скалы. Но если ты удержишься на ногах, а потом пройдешь по мосту, то свершишь нечто великое.

-Попробую, - сказал Сасрыква. - Разве для этого надо быть героем?

Сказал и поднялся на скалу. Разбежался и прыгнул. Вот коснулся моста, и вдруг подрубленный мост рухнул! Бревна полетели в пропасть, а вслед за ними - Сасрыква.

Братья постояли немного, прислушались к далекому шуму повернули к себе и запели походную песню.

Встречали люди говорили:

-Молодцы нарты - опять со славой возвращаются!

А в этот самый день Сатаней-Гуаша с самого утра была не в духе. Ей нездоровилось, тревожное чувство не оставляло её.

-Что -то я услышу, - говорила Сатаней-Гуаша.

И вдруг раздался стук. Это сама по себе закачалась колыбель, в которой был вскормлен Сасрыква.

-Горе мне! - воскликнула Сатаней-Гуаша. - Какая страшная примета: что-то случилось с моим Сасрыквой!

Она выглянула во двор. И увидела, как помутнел белый день, как туча наползла на голубое небо. И водилась такая тишина, что казалось, вот-вот случится что то ужасное.

-Это знак, это знак!.. - сказала Сатаней-Гуаша. - Мой Сасрыква в беде!

И стала молиться она всемогущему, чтобы вернул он Сасрыкву живым и невредимым.

Молилась Сатаней - Гуаша горячо, и колыбель перестала стучать, уплыла туча, и снова прояснилось небо, и снова стало шумно.

А в это время Сасрыква летел в пропасть, летел, точно в темный, бездонный колодец. И чем дальше он летел тем светлее становилось вокруг. Вот уж засиял другой огромный мир, и над ним засверкали звезды.

Наверху, у края пропасти, беспокойно стучал копытом конь Бзоу, заливалась лаем охотничья собака Сасрыквы. А Сасрыква летел все дальше, все дальше и, наконец, мягко упал на лужайку. Он встал, отряхнулся и сказал:

-К счастливой козе и веточка зеленая тянется. Так я не погиб, а очутился в этом прекрасном мире.

Действительно, все здесь было прекрасно: лужайки, леса, дома и пашни. Одно поражало: дома пусты, людей в них нет и голосов человечьих не слышно вокруг. Только над одной хижиной вился дымок. На дымок и пошёл Сасрыква.

Жила в этой хижине старая женщина, старая, как жернова на мельнице, отработавшие свой век.

-Где же люди этих мест? - спросил ее Сасрыква. - Почему они оставили свою чудесную землю?

-Ты прав, - сказала старуха, - земля наша чудна. Но жить здесь невмоготу.

-Почему? - поразился Сасрыква.

-Недалеко отсюда, - объяснила старуха, протекает родник. Вода его, как молоко, как живая кровь человека. Но тем родником завладел дракон. Никого не подпускает дракон к роднику. Много душ он загубил. И все покинули эти края. Я же поклялась остаться здесь до конца.

-Но неужели среди людей этой земли не нашлось ни одного мужчины? - удивился Сасрыква. - Ну что ж пойду погляжу на вашего дракона!

-Не ходи, не ходи, - умоляла старуха. Сасрыква не послушался ее: взял кувшин и зашагал к роднику. Набрал воды и только повернул назад, дорогу ему преградил дракон. Готовое разорвать храброго Сасрыкву, чудовище шипело разверстой пастью.

Герой выхватил шашку, и началось единоборство. Дракон извивался вокруг нарта, щелкая зубами то слева, то справа, то спереди, то сзади. Сасрыква наносил удары, рекой лилась кровь - черная драконова кровь горячая, как кипяток.

Вот уж полдень, а Сасрыква все бьется с драконом.

Вот и солнце садится, а битва продолжается.

Истекающий кровью дракон огрызается. И, наконец издыхает...

Сасрыква тут же валится с ног от усталости и засыпает...

Спал он три дня и три ночи. А разбудил его прохладный ветерок.

Открыв глаза, герой увидел огромную орлицу. Одно крыло подложила орлица под голову Сасрыкве, а другим, как опахалом, обдувала спящего.

-Зачем беспокоишься? - сказал Сасрыква.

-Хочется мне отблагодарить тебя, - ответила орлица. - Ведь это чудовище поедало моих птенцов. А я только грустно летала в поднебесье. И плакала. Скажи только слово, и я для тебя сделаю все, что ты пожелаешь.

-Ничего мне не надо, - сказал Сасрыква. - Я нарт и хочу только мою Апсны.

-А больше ничего? Ни золота, ни серебра?

-Ни золота, ни серебра - только Апсны!

-Ну что ж, - сказала орлица, немного поразмыслив, - запасись мясом ста быков и положи его в корзину. Наполни водой сосуд, в который вмещается сто кувшинов, и поставь в другую корзину. И тогда считай, что ты у себя, в Апсны.

-Где же я добуду столько мяса? - грустно произнёс Сасрыква.

-Если не ты, то кто же его достанет? Смотри сколько народу вокруг. Люди хотят тебя видеть. Они хотят отблагодарить тебя. Но слушай: что бы они тебе не предлагали не бери! Проси только мяса ста быков и сто кувшинов воды. И ничего больше!

Окружили люди Сасрыкву. Благодарят его. Целуют в левое плечо в знак особого уважения. Плачут от радости.

-Мы считали себя погибшими, - говорят они Сасрыкве. - Кто спасет нас, думали? Кто избавит нас чудовища, думали? Пропали совсем! - так мы думали. Проси все, что хочешь, герой из героев. Проси золота. Проси серебра. Все, что угодно, проси.

Сасрыква отвечает:

-Не надо мне золота. Не надо серебра. Дайте мне мясо ста быков и сто кувшинов воды. И две корзин дайте, если в состоянии, чтобы мог я в те корзины уложить мясо ста быков и поставить сосуд с водой. Я из Апсны и хочу снова увидеть мою Апсны. А больше мне ничего не надо!

Посоветовались люди неведомого, но прекрасного края, поговорили меж собой и обратились к герою из героев:

-Храбрейший, ты получишь все, что надо. Дай нам сроку три дня и три ночи.

И вот прошёл срок, назначенный людьми неведомого, и прекрасного края, и на широком поле появились две корзины: одна - с мясом ста быков, а другая с сосудом вмещающим воду ста кувшинов.

Возле корзин опустилась огромная орлица. Перекинули корзины, связанные между собою, через шею орлицы усадили на спину героя Сасрыкву - и она взлетела. А перед тем как взлететь, говорит орлица Сасрыкве.

-Как только крикну я "кыр" - бросай мне кусок мяса, крикну еще раз "кыр" - подавай воду.

И полетела орлица прямо к небу. Прямо в тучи и сквозь тучи - все выше и выше.

Летит орлица, а Сасрыква вовремя кормит и поит ее. Орлица режет воздух, как молния тьму, и летит Сасрыква к своей Апсны. Вот уже и знакомая пропасть близка, и солнце наверху, и горы, и огненный Бзоу на краю пропасти, и собака - друг Сасрыквы.

-Кыр! - кричит орлица.

А кормить ее нечем - все мясо вышло.

-Кыр! - повторяет она.

А что ей дать?

Слабеют крылья орлицы. Не в силах она уже лететь.

-Кыр! - слышит Сасрыква.

И тогда вонзает он кинжал себе в бедро и бросает орлице кусок своего собственного мяса. Крылья вновь обретают силу, они снова рассекают воздух - и вскоре нарт у себя, в своей Апсны!

Вот слышит Сасрыква ржание Бзоу и лай своей собаки, освещенных полной луной.

Увидел нарт свои горы, реки и долины, освещенные полной луной. Это был необыкновенный вечер! Луна с удивлением глядела на Сасрыкву и на коня его Бзоу, что стоял по правую руку, и на собаку его, что стояла слева. И запечатлелся на луне образ героя, и образ коня его справа от него, и образ собаки слева от него. Запечатлелся навечно! Ибо это было желание тех, кого спас от пасти дракона герой Сасрыква. А желание народа всегда исполняется!..

Прощается Сасрыква с орлицей, но она почему то медлит, не улетает.

-Хорошим мясом ты меня кормил, - говорит птица. - Особенно хорошим - в конце пути.

-Я сделал что мог, - отвечает Сасрыква, - ибо я стремился к своей Апсны.

-Хорошее мясо было в конце пути...

-Это было мое собственное, - признается Сасрыква и показывает орлице окровавленную ногу.

Птица лизнула ему рану, и рана зажила. А как только зажила - орлица улетела. Она летела так быстро, что вскоре превратилась в маленькую звездочку...

А в это самое время въезжали нарты к себе во двор. Сатаней - Гуаша встретила их и с тревогой спросила:

-Где же мой Сасрыква?

-Здесь я! - услышала она голос самого младшего сына.

Герой соскочил с коня, пошел навстречу матери. Он стоял среди своих братьев как ни в чем не бывало. Он и виду не подавал, что обижен.

Разве может герой из героев поступать иначе?
Новые удивительные приключения Сасрыквы

Пока нарты приходили в себя от всего пережитого, их брат Сасрыква собрался на охоту. Он был молод, непоседлив, точно сердце и голова его имели крылья.

Обычно Сасрыква ходил по горам и днем и ночью, не давал возможности диким козлятам пастись с козами, а птицам сидеть на ветвях.

Но на этот раз с ним приключилось нечто странное; в буковом лесу он совсем не убил дичи. "Этот от дурного глаза", - подумал Сасрыква.

И вдруг, подняв голову, он приметил орла, сидевшего верхушке высокого бука, под самым небом. В другое время не стал бы Сасрыква стрелять в орла. Но сейчас, проплутав весь день с пустыми руками, решил прицелится. Вот он натянул тетиву. Он уже готов запустить стрелу!.. Но тут заговорил орел человечьим голосом:

-Герой Сасрыква, не убивай меня! Как говорится, горный лист может запросто повстречаться с прибрежным. Так и мы с тобой: может, я и пригожусь тебе когда ни будь. Вот моё перо. Подержи его возле огня, и я тотчас появлюсь перед тобой.

И орел сбросил нарту перо.

Поднял Сасрыква перо, спрятал его в газыри и пошёл себе дальше. Идет по лесу и на опушке видит дикую козу, шерсть ее была красива и лоснилась на солнце.

-Бог охоты, великий Ажвейпшаа, принеси мне удачу! - сказал Сасрыква и прицелился в козу.

Еще мгновение - и засвистит стрела, но коза вдруг заговорила человечьим голосом:

-О Сасрыква, великий герой, не убивай меня! Может быть, встретимся мы с тобой и я пригожусь тебе. Погрей мою шерсть у огня, и я мигам явлюсь пред тобой.

Вырвала коза клок своей шерсти и отдала его охотнику прямо в руки.

Очень удивился Сасрыква. Все случилось будто в сказке. Но он не проронил ни слова, спрятал в газырь клок козьей шерсти и пошел себе дальше, досадуя на неудачу. Так бродил он до ночи, а ночью разыскал бук с могучими ветвями, влез на него и улегся спать между ветвей.

А утром спустился на землю, обшарил скалы, луга, долины, но все напрасно - дичи как не бывало.

Что делать? Уж и голодно нарту, и усталость даёт о себе знать. И вот направился нарт в сторону моря "Наловлю рыбы, - думает Сасрыква, - вот и обед будет".

Пришел он к морю - такому тихому, синему, словно лесное озеро. Достал крючок, который всегда носил при себе, достал леску из конского волоса и принялся ловить рыбу. И он поймал рыбу, да еще какую! С золотой чешуей!

-О Сасрыква - герой! - взмолилась рыба. - Отпусти меня в море. Как говорится, лист прибрежный может встретиться с листочком горным. Быть может, и я пригожусь тебе. Вот моя чешуйка, погрей ее у огня, и я мигом явлюсь пред тобой.

Делать нечего, отпустил нарт и рыбку с золотой чешуей. И она уплыла в море. А золотую чешуйку спрятал Сасрыква в один из своих газырей.

Отправился нарт снова в лес.

Невеселые мысли одолевали его. Как он вернется домой с пустыми руками? Как только войдет он во двор, братья скажут: "С возвращением, Сасрыква, с удачей!". И они будут ждать его ответных слов. А что он им скажет? Если увидят они грустного Сасрыкву - непременно засмеют. Не иначе! Сасрыкве чудится, что слышит их грубый смех, он словно звучит в ушах. И не будет тогда конца их насмешкам! "А что же еще можно ждать от человека у которого нет отца?" - скажут они. А что станет говорить Сатаней - Гуаша? Она будет удручена, убита его неудачей.

И тут словно подслушав мысли нарта, посылает ему Ажвейпшаа чудесную куницу. Прицелился Сасрыква, но стрелять не стал - уж очень хороша была куница!

-Будь что будет! - сказал нарт и положил стрелу колчан.

-Спасибо, - сказала куница человечьим голосом, - быть может, я когда-нибудь пригожусь тебе. Вот он, мой волосок. Спрячь его, и, если понадоблюсь я тебе, - погрей его у огня, и я тут же явлюсь как из-под земли.

Все это было удивительно. Словно в сказке.

Делать нечего - спрятал нарт куний волосок и пошёл дальше.

Идёт по лесу и видит: стоит в стороне сакля. Обрадовался нарт, открыл ворота, окликнул хозяина.

А жила в этой сакле одинокая старуха. Сидела она у очага и грелась. От голода у нее с трудом язык ворочался.

Встретила старуха гостя приветливо. Пожаловалась, что голодна, что нечем ей покормить нарта.

-Вот уж три дня, как я ничего не ела, - сказала она. - Да разве я одна! Все деревни вокруг голодают по три дня в неделю.

-Это почему же так? - спросил нарт.

Старуха объяснила:

-Мы не едим три дня в неделю. Три дня запрещено лаять собакам. Три дня запрещено пастись скоту. А все потому, что наша молодая княжна в эти три дня забавляется со своим зеркалом.

-Зеркалам? - удивился нарт.

-Да, зеркалом. Оно у нее волшебное. Все она видит в нем. И княжна не желает, чтобы три дня в недели кто-нибудь двигался и мешал ее забавам... Княжна очень красива, - говорила старуха. - Это - невиданная красавица. Девяносто девять женихов домогались ее руки, Их головы выставлены перед княжеским дворцом.

- Они погибли, как трусы? - спросил нарт.

-Нет, добрый гость, это были храбрые люди... Дело в том, что любой, кто желает взять себе в жены красавицу княжну, должен в течение трех дней трижды где ни будь спрятаться.

Княжна выйдет замуж за того, кого не сумеет отыскать. А если отыщет - конец жениху голова его попадет на княжеский частокол!

-Я иду сватать вашу княжну, - сказал нарт.

-Смотри, ты будешь сотый и голова твоя на часто коле тоже будет сотой, - предупредила старуха.

-Чему быть - того не миновать, - сказал нарт.- Но я не могу оставить людей в беде!

И нарт направился к княжескому дворцу. Еще издали на дворцовом крыльце сверкнуло что-то ослепительно яркое: это княжна сияла своей несравненной красой. Две косы ее спускались до самых пят, стройная шея напоминала красиво изогнутый кувшин, а талия - ствол молодой яблони.

-У этого нашего гостя красивая голова, - громко сказала княжна, - Она очень подойдет нашему частоколу.

Услышал Сасрыква ее слова и сказал:

-Это мы еще посмотрим, где торчать моей голове. Ей и на плечах неплохо. Я готов, княжна, выполним все твои условия.

-Ну что же, - сказала княжна, - спрячься сегодня да получше. А утром я разыщу тебя и приготовлю мест на частоколе.

Вечерам развел Сасрыква костер в лесу, достал из газырей орлиное перышко, погрел его возле пламени - орел тут как тут.

-Что с тобой, Сасрыква? - спросил он. - Чем помочь тебе?

-Спрячь меня так, - попросил нарт, - чтобы три дня не могла отыскать меня коварная княжна.

Орел без лишних слов подхватил нарта и поднялся в небеса. Там, в небесах, где облака особенно густы, у орла имелось гнездо. Там он и спрятал карта.

Утром проснулась княжна, сладко зевнула и принялась за поиски. Взяла в руки зеркало из чудесной гладкой меди и направила его в горы. Обшарила княжна леса и реки, но нет нарта. Тогда обратила она свое зеркало к небу. Обыскала солнце, и луну, и звезды, добралась до густых облаков и увидела орла, прикрывающего собою гнездо свое. И увидела княжна кончик башлыка под орлиным крылом.

-Так вот где ты! - воскликнула она. - Выбирайся-ка из гнезда и предстань предо мной.

Что делать? Предстал Сасрыква пред княжною грустный - прегрустный.

-Ну-ка попробуй спрятаться еще раз, - сказала княжна. - Но помни, только три раза ты можешь это сделать. Мой частокол ждет!

Куда деваться нарту? Разумеется, идти в лес. Там он развел костер, достал из газыря клок козьей шерсти погрел его возле пламени: дикая коза тут как тут.

-Я готова помочь тебе, герой Сасрыква, - сказала она.

-Спрячь меня на трое суток, - попросил ее Сасрыква, - спрячь, да так, чтобы не нашла меня коварная княжна.

-Держись, Сасрыква, за мои рога, да покрепче!

И в одно мгновение помчала коза Сасрыкву через леса и горы, моря и реки на самый край света, на высокую скалу. И укрыла его в пещере, а сама уселась перед входом.

Встает утром княжна, сладко зевает и принимается за поиски. Берет в руки зеркало из чудесной гладкой меди и направляет в небо на солнце, и луну, и звезды, на густые тучи, и нежные облака. Вот шарит она по лесам и рекам, направляет зеркало к горам. И на краю света, на высокой скале, видит княжна дикую козу, прикрывающую собой вход в пещеру. А еще она видит полу серой черкески, которую не сумела прикрыть коза. Как это она оплошала!

-Эй ты, парень! - крикнула княжна. - Выбирайся-ка из пещеры и торопись ко мне. Мой частокол ждет не дождется тебя!

Что делать? Предстал Сасрыква пред княжной грустный - прегрустный.

-Попробуй в третий и последний раз, - сказала княжна. - Может, и повезет тебе, как кошачьему хвосту, который оказался в зубах у злой собаки.

Куда идти нарту? Разумеется, в лес. И опять разложил он костер, достал из газыря золотую рыбью чешую, погрел ее над пламенем. И появилась пред ним рыба золотой чешуей.

-Я здесь, - сказала она. Сасрыква поведал ей о своем горе.

-Следуй за мной, -сказала рыбка в золотой чешуе, выслушав просьбу Сасрыквы.

Привела она его к морю, а сама - бултых в воду и вскоре вынырнула с огромной рыбиной. Та раскрыла свою пасть, и Сасрыква вошёл в её утробу, словно к себе в дом. Опустилась рыба на самое дно и затаилась в песке.

Встаёт утром княжна, зевает, берёт в руки зеркало из чудесной гладкой меди. Направляет его на горы, на небо, на солнце и на луну, на звёзды, леса и реки. Но всё напрасно. Вот шарит она в пучинах вод и в самом глубоком месте находит огромную рыбину. Странной показалась эта рыбина княжне. Задержала на ней княжна своё волшебное зеркало из чудесной гладкой меди:

Вот зевнула рыбина, и во чреве её обнаружила княжна Сасрыкву.

-Вот ты где парень, - обрадовалась она. - Выходи-ка из своего убежища и предстань передо мной!

Что делать? Делать нечего, и пошёл Сасрыква к княжескому двору.

-Какой же тебе нравится кол? - спросила насмешливо княжна. - Может, этот? Или вон тот?

Сасрыква сказал:

-Кол для мёртвой головы годится любой, но если ты очень уверенна в себе - разреши мне спрятаться ещё один раз.

Непонятно почему, но княжна уважила его просьбу. Может быть, потому, что нарт Сасрыква отличался красотой. Ведь не даром же нравился он многим девушкам которые были на выданье.

-Хорошо, -сказала княжна, - прячься.

Куда идти нарту? Разумеется в лес. Опять развёл Сасрыква костёр, достал из газыря куний волосок погрел его у пламени. И появилась куница тут как тут.

-Я здесь, - пропищала она.

Поведал нарт своё горе, и куница сказала ему.

-Спрятать тебя от глаз княжны дело очень трудное. Но я попробую: Возьми меня за уши и с силой потяни к себе.

Сасрыква исполнил всё в точности. И что же? Сползла шкура с куницы, а под ней оказалась золотистая шерсть.

-А теперь, - сказала куница, - залезай в мою шкуру и притворись мёртвым. Не двигайся. Я оставлю тебя у княжеского дворца. Самое главное - не двигайся. И жди, что будет.

Послушался её Сасрыква, забрался в кунью шкуру, зашила её куница так, что шов не видать, поволокла нарта к княжескому двору и бросила у частокола.

Просыпается утром княжна, сладко зевает, берёт в руки волшебное зеркало из гладкой меди.

В это время ей говорят:

-Княжна у ворот мы нашли убитую куницу. Большую куницу, а шерсть то у неё какая!

Понравилась княжне кунья шерсть. И она сказала.

-Оставьте куницу у моих ног, я оторочу её мехом своё платье.

И принялась за поиски Сасрыквы. Направила она зеркало на небо, на солнце и луну и звёзды. Обшарила горы и реки, леса и моря. Искала в земле и под землёй, в воде и над водой. И не нашла!

К вечеру, выбившись из сил, сказала княжна:

-Выходи парень где бы ты не был!

Нарт Сасрыква вспорол шкуру и предстал перед княжной. Невозможно и рассказать как разозлилась княжна. Она погнула и своё зеркало и выбросила. Она кусала локти и рвала на себе волосы. Княжна не могла простить себе того, что парень лежал у самых её ног, а она прозевала его.

Сасрыква собрал народ и сказал так:

- Зеркало не будет больше служить этой княжне, да и потеряло оно свою силу. Жениться на такой - позор. Я отдаю её вам на справедливый суд. И не будет отныне горя и слез на вашей земле.

С тем и простился и отправился к себе домой.

Как приятно возвратиться под родной кров после столь удивительных приключений, о которых впору только в сказке рассказывать.

Победивший Гунду

Гунда Прекрасная, как известно, славилась не только своей красотой, но и несравненной силой. И мужа желала себе тоже сильного. Ведь Гунда дала обет не выходить за того, кто слабей её.

Мужчины тех мест, откуда восходит солнце, и мужчины тех мест, куда заходит солнце, домогались ее руки. Они являлись к Гунде Прекрасной, но ни один из них не смог победить ее. Гунда валила их наземь, словно маленьких. Побежденные убирались восвояси с позором: она клеймила их спины или отрезала им уши. И уши те выставляла на плетне. Девяносто девять Безумцев поплатились своими ушами и спинами.

Слава о Гунде Прекрасной докатилась до самого дальнего запада. Прослышал о ней могучий герой Хважарпыс. И тоже примчался сватать Гунду. Она приветливо встретила его, однако предупредила:

- Оставил бы ты это дело. Разве не известен тебе мой обет? Погляди, это уши безумцев! Пусть лучше красуются они на положенном месте, а не на этом плетне!

Стал перед Гундой Прекрасной герой из героев Хважарпыс и сказал так:

- Сдается мне - я мужчина и не вернусь домой с пустыми руками. Не признаю себя побежденным женщиной:Что долго говорить, давай бороться.

Гунда Прекрасная ответила ему:

- Ну что ж, выходи, если уж решил бороться. Однако, знай, до сотни недостает одного лишь уха, если коснешься земли, пощады тебе не будет.

И борьба началась.

Гунда Прекрасная схватилась с Хважарпысом. Обвили они друг друга так, что кости затрещали. Они дышали так тяжело, что от дыхания их деревья гнулись в ближнем лесу. Они вспахали все поля своими ногами. Земля под ними дрожала. Даже солнце остановилось, заглядевшись на героев.

Долго боролись они, и вот наконец обнял ее Хважарпыс богатырским объятием, поднял над землей и закружил, закружил. И кинул наземь ту, которую никто не мог победить.

Да, Гунда Прекрасная оказалась побежденной. И слух об этом прошел далеко-далеко. Нарты сказали:

- Наша сестра побеждена. Зато мы приобрели достойного шурина.

Радовалась и Сатаней-Гуаша. Она говорила:

- Моя дочь теперь будет женой героя из героев.

У матери нартов был припасен жирный бык. Его-то она и зарезала и гостей позвала на пир. И сосватал Хважарпыс единственную сестру великих нартов - Гунду Прекрасную.
Почему нарты пошли походом на великанов

Как будто бы все было у нартов. Все да не все. А где же виноград? Где вино?

Не было вина, ибо не было и винограда.

А яблоки? А персики? А инжир и черешня? Не было всего этого и нарты огорчались.

А вот у великанов все это было. Росли у них и виноград, и яблоки, и персиковые деревья, инжир и черешня. Но ни с кем не делиться великаны. Разве могли составлять исключение нарты? А нартам до смерти хотелось вырастить у себя виноградную лозу и яблоню, персиковые деревья, инжир и черешню. Иметь их столько, чтобы всем хватило плодов, чтобы могли наслаждаться все апсуа, все апсуа и другие племена - близкие и дальние.

Великаны враждовали с нартами.

Это была смертельная вражда. И не могли нарты надеяться на то, что великаны предложат им великодушно семена плодов. И не могли даже подумать, что великаны захотят выслушать просьбу нартов, просьбу апсуа или иных племен - близких и дальних. Только сила могла подействовать на великанов! Только война!

Три года подряд ходили нарты походами на великанов. И все напрасно!

А когда нарты собрались в четвертый раз, Цвиц попросил их:

- Возьмите и меня с собой.

Нарты сказали:

- Нельзя, чтобы дом оставался без присмотра. Нельзя, чтобы мать была одна в доме без мужчины.

О чем говорить? Рами не ясно, что нарты хотели обойтись без Цвица?..

- Когда же вы вернетесь?- спрашивает Цвиц.

- Будем живы - через три месяца.

И нарты двинулись в путь. Месяц шел за месяцем. На исходе четвертого вскочил Цвиц на коня и отправился к великанам, а навстречу ему нарты.

-Что случилось? - спрашивает Цвиц.

-Возвращаемся ни с чем, - отвечают нарты.

- Вот так герои! - восклицает Цвиц, горяча огнеподобного коня. - Назад, сейчас же назад! Нельзя возвращаться ни с чем!

И Цвиц устремился вперед, как стрела, как ястреб.

Что делать нартам? Они последовали за ним.

И вот герои снова у стен той самой крепости, за которой укрылись великаны. Перед нартами - стена. А в стене - железные ворота.

Цвиц говорит:

- Поставьте впереди себя Сасрыкву. Стойте здесь у ворот. Будет буря. Будет гром. Засверкают молнии. Но пусть не дрогнут наши сердца! Пусть минует вас страх и малый и великий, ибо откроются ворота и вы должны будете разить великанов, но не чем-нибудь, а шашками. Только шашками!

И он куда-то скрылся.

Как и предсказывал Цвиц -поднялась буря. Как говорил он - загрохотал гром, и засверкали молнии.

Вот железные ворота как бы сами собой распахнулись. И тут-то появился Цвиц. Шашка у него наголо:

- Герои-нарты, вперед, вперед! - кричит Цвиц.

И мчится, как стрела, как ястреб на цыпленка. А за ним - нарты.

-Что делать, когда неожиданно сваливается на голову камень? Куда бежать, если вокруг огонь? Великаны с трудом понимают, что случилось. Полетели головы с непокорных. Оставшиеся в живых складывают оружие, преклоняют колени.

Смотрят нарты: вокруг благоухающие деревья, на них плоды. Плоды эти так и тают во рту. Виноград, яблоки, персики, инжир и черешня... Чего только нет.

Взяли нарты плодов от каждого дерева и с победной песней повернулись восвояси.

Они условились, где какому расти дереву. И во всем царило согласие, пока не дошло дело до виноградной лозы.

Одни сказали:

-Пусть повсюду растет.

Другие добавили:

-Пусть растет и поит нас своим соком.

А третьи:

- Опасайтесь лозы!

Цвиц сказал:

-Тот, кто будет не в меру пить ее сок, пусть бесится, словно Сасрыква, выведенный из терпения. Кто будет пить его в меру и с достоинством - пусть походит на меня, когда я веселюсь и веселю других.

Его слова стали заклятием. И заключение это и по сей день тяготеет над соком, что родит виноградная лоза. А плоды, которые зреют осенью па деревьях в Апсны, ведут начало от тех плодов, что выросли у нартов.

А до того Апсны не знала подобных плодов.

Разве не доброе было сделано дело?
Великий кувшин

Виноградники нартов были обширны, славились обильными урожаями. Виноделием занимался нарт Сит. Он знал свое дело как никто другой.

Хранилось вино в глиняных кувшинах. По ту и эту стороны Кавказского хребта пожалуй, нет места, где люди не находили бы в земле остатки нартских кувшинов. В них очень удобно было держать вино: со временем оно делалось ароматным, точно земляника, долго сохраняло свежесть и вкус винограда.

Кувшины были разной величины. Те, которые побольше, имели собственные имена: Вадзамакят, Хямхуа, Авадзакят, Агдзакят. Самым бо́льшим, великим кувшином считался Вадзамакят. Он вмещал шестьсот обычных нартских кувшинов, употребляемых для воды.

Надо сказать, что Вадзамакят не был простым глиняным кувшином. Он отличался свойствами, тайна которых не раскрыта до сей поры. Следует знать, что Вадзамакят изготовили особым способом. Как и кем - это тоже неизвестно. Вино Вадзамакят обладало особой силой, выпив его, нарты становились еще более могучими. Говорят, что клали в этот кувшин разрубленную красную змею. Но где водится эта змея - никому не ведомо. Вот еще одно изумительное свойство Вадзамакята: сколько ни черпай вина из него -оно не убывало.

Все это, разумеется, создало великую славу этому нартскому кувшину. Если нарты поклялись возле него, значит так тому и быть: никакого отступления! Да, священный был кувшин этот Вадзамакят.

Великий кувшин был зарыт в самом сердце Кавказских гор - на Клухорском перевале. Правда иные утверждаю, что не на Клухорском, а на Нахарском. Но об этом можно поспорить.

Как ни дружили между собой нарты, как ни были они спаяны родственной кровью, но пошло меж ними это самое "мое - твое". Пришлось им поделить отцовское добро и разграничить это "мое - твое". Что делать? - такова жизнь.

Сасрыква сказал так:

-Я ничего не хочу из отцовского добра - дайте мне только Вадзамакят. И ничего другого я и не возьму!

Скажу прямо: каждый из нартов хотел того же самого. Сасрыква лишь опередил их. После его слов никто не обмолвился о кувшине, но отдать его младшему брату тоже никому не хотелось.

Одним слово, Вадзамакят стал причиной горячих споров. Спорили день, спорили два. Долго спорили братья.

И вот Сасрыква сказал:

-Давайте решим дело так: пусть каждый из нас расскажет о своих подвигах. Самый удивительный подвиг заставит заклокотать вино в Вадзамакяте. Тому и достанется кувшин.

Говоря это, Сасрыква был убежден, что кувшин достанется именно ему, ибо кто из братьев мог сравниться с ним геройскими подвигами?

Первым стал возле кувшина старший из братьев- Сит. Он долго рассказывал о своих подвигах, но вино не думало клокотать. Вслед за ним его место по старшинству занимали остальные нарты, но вино оставалось спокойным, как молоко в глиняной посудине.

Пришел черед Сасрыквы. Он занял место своих братьев и с пылом рассказал о своих подвигах. Воистину это были геройские подвиги! Рот разинешь, слушая о них обо всем на свете позабудешь.

Но вот не задача: не заклокотало вино. Ничего, кроме обычного шипения, вызываемого крепостью самого вина.

Сасрыква огорчился, очень огорчился!

Здесь же, недалеко от кувшина стоял работник по прозвищу Бжеиква-Бжашла, что означает Получерный - Полуседой. Мужественным был этот человек, больше того - он был героем. Но никто но знал об этом, кроме матери нартов великой Сатаней-Гуаши.

Сатаней-Гуаша сердцем чуяла беду, угрожавшую ее сыновьям в дни многотрудных походов. И тогда она вызывала Бжеикву- Бжашлу, окрашивала всю его одежду, лицо, ноги, руки наполовину в белую, наполовину в черную краску и посылала на подмогу сыновьям. Исполнив свой долг, не открывая своего имени, Бжеиква-Бжашла, возвращался домой. Так и не знали нарты, кто их таинственный друг:

Видит Бжеиква-Бжашла, что никому из нартов не достается Вадзамакят. И обратился тогда он к братьям:

-Дайте и мне слово сказать.

Нарты удивились:

- Тебе слово? Да что ты можешь сказать? Ну, если не лень - говори.

И Бжеиква - Бжашла начал так:

- О великие нарты, вспомните, как однажды собрались великаны со всех концов света, чтобы погубить вас. Они устроили засаду в горах, с нетерпением ждали вашего появления. Вы оседлали своих огнеподобных коней и смело вышли в поход. Вас не остановили укрепления,

построенные великанами. Вы храбро бросились на врага. А иначе вы не были бы нартами! Бились вы долго. Кровь великана лилась рекой, но их было множество, и они окружили вас, зашли к вам с тыла. Смертельная опасность угрожала вам, и в эти мгновения дрогнуло сердце вашей матери.

Сатаней-Гуаша позвала меня и сказала так: " Жизнь моих сыновей на волоске. Нельзя мешкать, надо спешить на помощь. Прояви мужество, Бжеиква-Бжашла!" Не раз мне приходилось оказывать вам поддержку в битвах. Разве мог не внять я просьбе Сатаней-Гуаши и на этот раз? Я перекрасил свою одежду, чувяки, лицо и руки в черно-белый цвет и стал получерным - полуседым. Двинулся я в путь и повстречал великана на коне. Он стал наседать на меня, но огнеподобный конь его вздрогнул, остановился, застыл на месте. А великан прикрикнул на него: " Кого ты испугался? Если Бжеиква-Бжашлу, то не родился он еще, а если и родился, то не созрел еще для битв, а если даже и созрел, то не посмеет явиться сюда!" И великан пришпорил своего огнеподобного коня. А я ему в ответ: "Я и родился, и созрел для битв, и явился сюда! Давай сражаться, коли в тебе сила мужа!" Мы бросились друг на друга с шашками наголо. Без особого труда одолел я его и пошел дальше:

Слышу: словно гром грохочет. Вижу: едет младший брат убитого великана, но посильнее и пострашнее старшего. Я выскочил на дорогу, и огнеподобный конь великана застыл от испуга, он стал точно каменный. А великан прикрикнул на него: " Кого ты испугался? Если работника нартов Бжеиква-Бжашлу, то не родился он еще, а если и родился, то не созрел еще для битв, а если даже и созрел, то не посмеет явиться сюда!" И он пришпорил своего огнеподобного коня. А я ответил: "Я родился и уже окреп, явился сюда и своих нартов ищу. Наверное, их задержал этот валяющийся без головы твой брат!"

И мы бросились друг на друга с шашками наголо. И молнии заблистали вокруг. Я одолел его, отсек ему голову и двинулся дальше. И вот тут-то я увидел такое, что никогда не видел: мне навстречу ехал на огнеподобном коне младший брат двух мертвых великанов. Земля под ним дрожала и трескалась. Конь его, огнеподобный, при виде меня застыл на месте. Великан прикрикнул на него: "Ах, чтоб тебя волки изодрали! Если ты боишься Бжеикву-Бжашлу. то не родился он еще, а если и родился еще, а если и родился, то не созрел для битв, а если даже и созрел, что он против меня?!" И вонзил он в коня шпоры. Я ответил: " Родился я и окреп и даже успел явиться сюда, чтобы отомстить за нартов. Покажи мне свое мужество!" И мы бросились друг на друга с шашками наголо. Гром и молния были меж нами, земля качалась, подобно колыбели.

Я напрягал все силы. С великана струился пот, и вокруг нас образовалось целое озеро. Он выстрелил в меня - и стрела оторвала ногу. Выстрелил в него я - и сорвал с него голову. Я победил!.. Осмотрелся вокруг, привязал свою ногу поплотнее, выбрался из озера, вспорол брюхо огнеподобному коню великана, и улегся в брюхе и, засыпая, подумал, здесь меня никто не найдет, да и нога скорее приживется к месту... Пролежал я в брюхе коня три дня и три ночи. Выспался, отдохнул, и рана тем временем зажила. На четвертый день направился к вам. Великаны, узнав, что главари их убиты, пали духом. Мы разбили их и отправились домой... И вот пред вами я - Бжеиква-Бжашла, перед вами и Сатаней-Гуаша, которая не даст мне соврать!

Едва выговорил работник нартов последние слова, как заклокотало вино в кувшине Вадзамакят, словно разложили под ним огонь.

Нарты очень удивились. А разгневанный Сасрыква, напрягая силы, вытащил из земли кувшин Вадзамакят. И он сказал так, обращаясь к кувшину:

- Ты повинен в наших раздорах! Не будет тебя - не будет и споров меж нартами!

И он столкнул кувшин с перевала в сторону Апсны. И покатился Вадзамакят, и разбился он вдребезги в середине Апсны.

Так завершился этот спор о великом кувшине нартов.

На дне Вадзамакята оставались виноградные косточки. Эти косточки рассыпались по земле Апсны и выросли из них виноградные лозы. И назывались они нартскими лозами. Не было в мире вина, лучше чем вино, добываемое из нартских лоз, но - увы! - выродился этот виноград, нет его больше в Апсны.

Поединок с Алтаром Толумбаком

Слава великого Сасрыквы росла и росла. И нельзя сказать, что это обстоятельства очень радовало его братьев. Однако, что поделаешь? Трудно добывать славу, но уж если добудешь ее, то не удержишь: пойдет она гулять по белу свету, словно вольный ветер!

Мы знаем, Сасрыква выбрался из бездонной пропасти живым и невредимым. Ни царапинки на нем! Это встревожило братьев. И они были вынуждены время от времени выбирать его своим вожаком в походах. Затаили они гнев против своего младшего брата. Если бы увидели нарты, что брат их тонет в реке, то, не задумываясь подлили бы своей собственной крови, чтобы потопить Сасрыкву.

А Сасрыква совершал поход за походом. Даже седло с коня почти никогда не снимал. А сам хозяин редко снимал с себя одежды, чтобы отдохнуть, как следует.

Молодой нарт добывал себе славу - одну краше другой. Имя его славил народ:

И вот Сасрыква начал хвастать. Сначала будто бы невзначай, а затем - все чаще. В свою забаву сбивал стрелою яйца, которые держала над головой Сатаней-Гуаша. Так он забавлялся каждое утро. И все хвастал. Тогда Сатаней-Гуаша сказала:

- Не хвастай, сын мой! Есть на свете герои, которые во сто крат сильнее тебя!

Он, сказать по правде, не ждал этих слов. Призадумался Сасрыква. Умыл лицо и руки. И произнес такую клятву:

- Не вернусь домой, пока не встречу героя сильнее себя!

Тут же вскочил на коня и вылетел за ворота. Сначала мчался он вдоль берега моря, подобно серне. Но не встретил никого. Затем направился в горы. Рыскал по хребтам и лощинам, подобно барсу. Но и здесь никого не встретил:

И снова спустился на ровное место.

Вот летит он, и бурка на нем развивается. Летит подобно ворону! И вдруг в Табарде приметил всадника.

Всадник тот приближался к Сасрыкве, но как!- камни летели из-под копыт его коня, словно звезды, топот конский, гремел - точно гром, а плеть рассекала воздух подобно молнии. И конь велик и всадник велик!

"Куда он направляется?" - подумал Сасрыква. Как так - куда?! Как положено настоящему герою - навстречу Сасрыкве! Едет и не сворачивает в сторону!..

Сасрыква уступил дорогу и сказал:

-Добрый день!

К его удивлению, всадник вроде бы и не заметил нарта.

Сасрыква повернул коня, опередил всадника и снова поздоровался с ним. Ответа не последовало. Но когда нарт проделал тоже самое еще раз - незнакомый всадник остановился и с удивлением стал рассматривать Сасрыкву, точно диковинку.

А потом без особой почтительности посадил Сасрыкву к себе в нагрудный карман, коня его связал и повесил за своим седлом, словно курицу. И все это всадник проделал, не слезая с коня, который мчал его вихрем:

На равнине Табарды росла дикая груша. В тени ее любил отдыхать незнакомец, встречу с которым Сасрыква не мог забыть до конца своих дней.

Вот уж и жаркий полдень... Вот уж и к дикой груше подъехали:Всадник-великан спешился возле нее, снял с седла Бзоу положил на траву, а коня своего отпустил пастись. Сам же, подложив седло под голову, собирался поспать.

И в это время Сасрыква подал голос:

- Все-таки, как бы я не выглядел в твоих глазах, считаю себя человеком достойным. Прошу тебя, не засыпай, пока я нахожусь в твоем кармане.

- Черт возьми,- вскричал великан,- чуть было не позабыл о тебе! Кто ты? Откуда?

- Сказать по правде,- отвечал нарт,- зовут меня Сасрыква. Не знаю, приходилось ли слышать тебе такое имя? Я дал себе не возвращаться домой, пока не встречу человека сильнее себя.

Великан без труда вытащил Сасрыкву из нагрудного кармана и сказал:

- Эх, ошибся ты, несчастный! Не только тебя, но и меня могут превзойти и в силе и в ловкости.

Затем развязал путы на ногах Бзоу, оседлал его и посадил ему на спину Сасрыкву.

- Езжай на все четыре стороны, герой Сасрыква:

Что еще оставалось делать молодому нарту? Поехал на все четыре стороны, убедившись в том, что перед незнакомым всадником он оказался бессильным младенцем.

Никогда еще столь печальным не возвращался к себе домой нарт Сасрыква. Мать тотчас догадалась, что с сыном произошло, что-то недоброе.

Сасрыква направился в свою комнату и грохнулся на нары.

Мать принесла ему еды - он отказался есть. Сатаней - Гуаша принялась упрашивать его, но все тщетно: сын был слишком расстроен, чтобы есть даже из материнских рук.

Не притронулся Сасрыква и на другой день. Даже на третий!.. Видит мать, сын решил уморить себя голодом.

-Что с тобой приключилось?- спросила его Сатаней-Гуаша

-То, что ты и предсказывала, - мрачно ответил он - Я встретил человека во много раз сильнее меня. Пока не решу, как одолеть его,- к еде не притронусь. Так проходят пять дней: Сатаней - Гуаша опять приходит к сыну:

-Пока придумаешь - ноги протянешь. Ну поешь хотя бы чуть-чуть.

-Наверное, протяну ноги, - отвечает сын.

-Скорее всего, придется мне придумать, что-нибудь,- говорит Сатаней-Гуаша.

-Поклянись, что ты так и поступишь,- тогда я поем - говорит Сасрыква.

Сатаней-Гуаша клянется:

- С нынешнего дня я берусь придумать способ, с помощью которого сможешь победить врага своего. На душе у Сасрыквы полегчало, он поел досыта и набрался сил.

Сатаней-Гуаша тем временем наладила свой ткацкий станок и принялась ткать. И соткала она попону для коня Бзоу. Попона была не обычная, а разноцветная. И были на ней вытканы узоры красные и желтые, и синие и черные.

Сатаней-Гуаша постирала попону, расстелила ее на крыльце, сровняла концы и вывесила на солнце, вот когда заиграла попона всеми цветами!

Затем мать ста нартов достала из чердака старый нартский котел и пошла к Айнару - кузнецу.

- Эй, золоторукий, Айнар - кузнец,- позвала она.

- Я здесь, Сатаней - Гуаша,- ответил он.

И принялся за дело. Работал усердно. Работал быстро. И вскоре готовы были колокольчики - большие и малые. Айнар - кузнец принес их Сатаней - Гуаше. Она отблагодарила его и позвала своего сына.

- Сын мой, - сказала она Сасрыкве,- седлай своего огнеподобного коня.

Сасрыква вывел во двор коня Бзоу. Сатаней - Гуаша покрыла коня попоной, а колокольчики повесила по краям. Нарт оседлал коня и оборотился к своей матери, которая сказала так:

-Садись на коня и езжай. Пусть звенят эти колокольчики! Твой конь привыкнет к их звукам. Но когда ты достигнешь равнины Табарды - того места, где растет дикая груша, собери траву зеленую и вложи во все колокольчики, чтобы они не звенели. Тот всадник - великан обязательно примчится к дикой груше. Найди дорогу, по которой он проедет. И вырой ему

яму на дороге, но не глубокую и стань в нее так, чтобы ты и конь твой были видны. Когда тот всадник приблизится к тебе, вынь траву из колокольчиков - больших и малых, и с гиканьем бросайся на всадника. Колокольчики - большие и малые - своим звоном наведут ужас на коня, не привыкшего к таким звукам. А разноцветная попона заставит его шарахаться из стороны в сторону, конь тот взовьется кверху и понесется назад - туда откуда прибыл... Однако всадник-великан не из робкого десятка. Он не пожелает показать тебе спину, всеми силами будет пытаться остановить коня своего. Изо всех сил будет натягивать узду. И когда рванет ее - у коня отвалиться нижняя челюсть. И невозможно будет остановить коня!.. И тогда, улучив минутку, пришпорь своего Бзоу и бросайся на противника. Я прошу только об одном: можешь оскорбить великана, можешь поиздеваться над ним, но ни в коем случае не убивай его!

Так говорила Сатаней - Гуаша.

И Сасрыква, внимательно выслушав ее, тут же вскочил на коня, и, словно ветер, помчался к равнине Табарды.

По всей земле разнесся звон колокольчиков - больших и малых. От звона их человек мог оглохнуть в одно мгновение. Слышавшие его, не могли понять откуда он. Многие полагали, что звенит само небо:

Так мчался Сасрыква, пугая все живое, оставляя позади себя горы, лощины и леса. Вот скоро покажется равнина Табарды! Зорко глядит во все стороны молодой нарт: не появится ли кто?..

И он поступил так, как советовала ему мудрая Сатаней - Гуаша: и травы нарвал, и той травою обвязал язычки колокольчиков - больших и малых, и яму вырыл и вырыл в ту яму:

Вскоре там, где небо сливается с землею, показался всадник. Всадник все ближе и ближе! Из ноздрей коня его пар идет, и от того пара сохнет трава на равнине. Бока у коня поджарые, словно у куницы. Мчится конь, легко - легко, как степной ветерок.

Всадник все ближе!.. Все ближе всадник!.. И вот с гиканьем бросается на него Сасрыква. Колокольчики - большие и малые - нестерпимо звенят, на солнце неистово сверкает разноцветная попона, от которой рябит в глазах:

Два врага, обнажив шашки, бросаются друг на друга, точно зубры.

Заржал огнеподобный Бзоу:

И случилось так, как предсказала Сатаней - Гуаша. Конь под тем всадником не выдержал, шарахнулся в сторону. А когда всадник - великан попытался было из всех сил натянуть узду - нижняя челюсть у коня отвалилась. И конь вышел из повиновения!

Тогда Сасрыква пришпорил своего Бзоу. И нагнал противника посредине равнины Табарды. Размахнулся Сасрыква шашкой и отсек голову вражьему коню. И о ужас! - конь поскакал без головы, унося на себе всадника - великана.

Так был посрамлен незнакомец, звали которого Алтаром Толумбаком.
Сильнее сильного

Шло время, Сасрыква оставил свои прежние забавы, и матери казалось, что сын возмужал. Однако отыскалась новая забава.

Рано утром, выкупав Бзоу, Сасрыква поднимал скамью, на которой умещались все сто братьев, и перекидывал ее через дом. Пока летела скамья, Сасрыква успевал перебежать за задворок и там ловил ее. Это повторялось трижды.

А потом, бывало, поставит скамью на место, усадит на нее мать и, подбоченясь, опять спрашивает:

-Правда, я сильный? Есть ли кто сильнее меня?

Снова мать вышла из себя и сказала:

- Забыл ты, Сасрыква, что живут на свете люди и посильнее тебя!

И тут она грохнулась на скамью и разломала ее. Поднялась рассерженная донельзя, и ударившись головой о железный брус, погнула его.

- Если ты не хвастаешь попусту, - воскликнула Сатаней - Гуаша., иди вот этой дорогой и снова увидишь того, кто сильнее тебя!

Не говоря ни слова, нарт вскочил на коня, и отправился в путь.

Скакал он по той дороге ровно пятнадцать дней, а на шестнадцатый увидел пахаря, пашущего поле. Пахарь был неимоверного роста, был он однорукий, могучий.

- Добрый день! - крикнул Сасрыква, почтительно привстав на стременах.

Но пахарь не расслышал его слов. Он продолжал пахать, выворачивая глыбы величиною с добрый дом.

- Благодарного труда тебе и семье твоей!- снова крикнул Сасрыква.

Однако пахарь и на этот раз не расслышал его. Тогда Сасрыква огрел коня плетью и помчался навстречу неучтивому пахарю. Увидев всадника, пахарь накрыл его глыбой земли величиною с добрый дом и продолжил свою работу.

В полдень пришла к нему жена, принесла еду в железной миске. Была эта миска не меньше амбара, в котором хранят кукурузу.

Наевшись, пахарь сказал жене:

-Да, чуть было не позабыл. Здесь у меня припрятана забава для детей. Это какой - то жалкий абхазец. Заклинаю тебя нашей верой, возьми его с собой!

С этими словами он отбросил глыбу, величиною с добрый дом и передал Сасрыкву вместе с его конем жене. Та посадила нарта в миску и без труда понесла домой лесной тропою.

По дороге Сасрыква уцепился за встречные ветки и, накрепко обхватив коня коленями, выскочил из миски. Очутившись на воле, конь Бзоу понесся быстрее ветра.

Вот скачет Сасрыква во весь опор и видит аробщика. Это был не простой аробщик, был он громадный, ростом с того самого пахаря.

- Да приумножится твое добро!- сказал Сасрыква.

- И тебе того же самого! - ответил аробщик, - Однако, что же случилось? Я вижу, ты торопишься, необыкновенно торопишься.

Сасрыква признался:

- К чему скрывать? Я побаиваюсь за себя. Вот-вот настигнет меня враг. Если это возможно - дай мне скрыться где-нибудь понадежнее.

- Полезай сюда,- сказал аробщик, приподняв миску, которая стояла на арбе вверх дном.

Недолго думая, полез Сасрыква под миску. Вместе со своим конем.

Вот догоняет пахарь аробщика и говорит.

- Я ищу одного жалкого абхазца, - говорит он, обращаясь к аробщику. - Не видал ли ты его?

Аробщик отвечает:

- Как же не видел, если он у меня в миске сидит?

-Отдай его мне,- говорит пахарь.- Он мой

Аробщик и в ус не дует.

- Ты слышал поговорку: "не в свою миску не лезь". Убирайся отсюда, пока цел!

И началась тут драка: пахарь сцепился с аробщиком. Покатились они по земле, вздымая клубы пыли.

Пахарь одолел аробщика, подмял его под себя и крикнул Сасрыкве:

- А ну, поди-ка сюда!

- Не могу, - отвечает Сасрыква. - Я же в миске!

Толкнул пахарь ногою миску, перевернул ее, и Сасрыква вместе с конем вывалились на землю.

- А теперь, - говорит пахарь, - вырви у меня волос из бороды, и я свяжу этого старого великана.

Но как ни силился Сасрыква вырвать волос из бороды пахаря, так и не смог. Вот не смог - да и все!

- А еще мужчиной называешься и носишься по белу свету,- с укоризной сказал пахарь, сам вырвал волос и перевязал тем волосом аробщика.

Затем встал, отряхнулся, запросто отправил Сасрыкву вместе с его конем в карман своего архалука и отправился домой:

Что говорить? Служил нарт забавой детей пахаря, они играли им как мячом, предавая один другому.

Спустя день, когда возвратился пахарь с поля, Сасрыква сказал ему:

- Послушай, почему ты так невежливо обращаешься со мной, со своим гостем? Я же нарт Сасрыква и тебе следует быть со мной поучтивее...

- Умереть мне!- воскликнул пахарь,- Как же так случилось, что я не узнал тебя?!

Он позвал своих братьев и они, вместе с нартом пили вино до самого утра.

А утром сказал Сасрыква пахарю:

-Я открылся перед тобой и назвал свое имя. Скажи, кто же ты, который сильнее самого сильного?

- Эх, Сасрыква, Сасрыква, - ответил пахарь,- разве я самый сильный? Ужель ты думаешь, что нет человека сильнее меня? А вот послушай, и реши сам: Как-то я с моими товарищами отправился в горы. Там настигла нас непогода, и мы укрылись в пещере. Пещера оказалась глазом бараньего черепа. А поблизости пастух пас стадо, у него была собака, и она, та самая собака, притащила этот череп своему хозяину. Разумеется вместе с нами. Пастух, раздосадованный глупой выходкой собаки, забросил череп в овраг, словно вошек. При падении мои товарищи погибли. Я же чудом спас свою душу, но остался без руки. Вот где человек, посильнее нас с тобой!

- Да,- задумчиво произнес нарт, - тот человек необычайной силы:

- Вот ты и задумайся теперь,- посоветовал ему пахарь - великан.

Простился с ним Сасрыква и поехал назад, к своей великой матери...

Представь себе, в каком он возвращался настроении? Что скажет он Сатаней - Гуаши? Как ей на глаза покажется?

С тех пор перестал похваляться своей силой нарт Сасрыква, ибо понял он, что всегда найдется тот, кто сильнее сильного.

С той поры и начал по настоящему мужать великий нарт.
Несравненная невестка нартов

Неприступна была вершина, на которой жили братья из племени аиргь. Еще неприступней был их дворец, воздвигнутый из птичьих костей на этой вершине.

Один лишь ветер долетал до стен дворца, ветер да солнечные лучи и тучи небесные. В ненастные дни дворец казался серой тучей, среди серых туч. А в безоблачный день он голубел на голубом небе и трудно было глазу различить его голубизну.

В этом - то дворе и жила красавица, сестра семи братьев аиргь. Невозможно описать лицо ее, сверкавшее точно месяц, ее походку, напоминавшую бег лани, и стан ее - стан молодой серны. Первородная красота ее казалась вечной.

Добрая слава о сестре братьев аиргь разнеслась во все стороны света. И не удивительно, что в один прекрасный день, оседлав своих коней направлялись ко дворцу братьев аиргь нарт Сасрыква и герой Нарджхоу.

Ехали витязи разными путями. Но мысли их были родными. И не мудрено, что сошлись их дороги.

Разве надо было объяснять им, куда и зачем едет каждый из них? Куда же могут стремиться молодые и сильные, как не к сестре братьев аиргь?

Встретившись, они обнажили шашки. Они обнажили их ради предосторожности. Узнав друг друга, они протянули руки в знак дружбы и направились дальше, к цели своего путешествия.

Дополнительно неизвестно, сколько дней и ночей ехали витязи. Известно одно: прибыли они к подножию высокой и желтой скалы. Отсюда приметили они яркий луч на вершине горы, которая высилась совсем рядом. И они догадались, что находятся неподалеку от дворца семи братьев аиргь и что это она, сестра их, излучает свет своего мизинца, приветствуя братьев, возвращающихся с добычей, приветствуя их и освещая им путь.

В то время как витязи стояли у подножия скалы и любовались ярким лучом, исходящим из дворца, братья аиргь въезжали во двор с победной песней и богатой добычей.

- Прекрасное время!- воскликнул нарт Сасрыква.- Братья дома, и мы можем потолковать с ними.

- Что верно, то верно, - согласился Нарджхоу,- Однако добраться до них не так просто...

Оба витязя разглядывали следы копыт на желтой скале. Все следы вели вверх, и ни один из них не показывал дорогу вниз. Стало быть, никто из тех, кто поднимался на скалу, никогда не возвращался обратно. У иных, душа могла бы уйти в пятки от черных мыслей, но не у героя Нарджхоу и не у нарта Сасрыквы!

- Поднимайся первым ты,- сказал Сасрыква,- ты старше меня.

- Прошу тебя, - сказал учтивый Нарджхоу, -ведь ты герой, слава о котором идет по всей земле.

Сасрыква сказал:

- Ты больше совершил славных дел, чем я. Тебе и подниматься первому.

Не говоря более ни слова, Нарджхоу огрел плетью коня и взмыл вверх по скале. Из - под копыт огнеподобного коня вылетали желтые камни, и поднимались они до самых небес, и со свистом, подобно ярким звездам, падали на землю.

Вот достиг Нарджхоу выступа скалы, а впереди еще полдороги. И вдруг оступился огнеподобный конь! Вот он пятиться задом:

-Погиб, Нарджхоу погиб! - восклицает Сасрыква и сердце его тревожно сжимается.

Но не таков был Нарджхоу, чтобы погибнуть! Он сумел удержать коня и повести его вперед. И вот вцепился конь копытами, словно орел когтями, в желтую скалу пошли в ход даже зубы. И вот, кажется, что недалеко уже до вершины. Но нет! Снова срывается конь:

Еще одна попытка не удалась. И Нарджхоу повернул назад.

-Что ж, Сасрыква, - как видно, не суждено мне взобраться на скалу. И не суждено мне жениться на сестре братьев аиргь. Желаю тебе счастья!

Сасрыква подоткнул полы своей черкески, чтобы не развивались и не мешали быстрому взлету, повязал за спиной концы башлыка и взбодрил зычным криком своего чудесного Бзоу...

Вот уже искры сыплются со скалы, подобно звездопаду. Словно куница в ствол дерева впивается несравненный Бзоу в желтую скалу. И, словно куница быстро - быстро, - возносится на вершину смелый Бзоу. И зубы идут в ход: он хватает ими малейший выступ скалы. Даже хвост приходит ему на помощь: он рассекает воздух, помогая взбираться.

И вот на вершине скалы нарт Сасрыква!

Здесь ровная зеленая полянка. На ней растут горные цветы - яркие и пахучие. Но костей человеческих больше чем цветов! Откуда они?

И вдруг к усталому нарту подходит старик.

- Привет тебе, бесстрашный нарт, - говорит старик,- Я знаю, по какому важному делу ты приехал. Не падай духом, глядя на эти кости. Это останки неудачливых молодцов. Но выслушай меня и будет тебе благо.

Сасрыква поблагодарил старика за добрые слова и выслушал его внимательно. И вот, что сказал старик:

- У девушки, к которой ты стремишься, семеро братьев, и все они злые и могучие. Они берегут ее пуще глаз своих. Погляди, сколько отважных пало в ужасных поединках! Здесь слабым спуску не дают! Но ведь и сильный, одолевший братьев, не может сказать, что завладел девушкой. Ибо и сильный должен ей понравиться. Вот почему мой сын, прошедший через все испытания сидит во дворце уже иного лет, ибо не понравился он ей. А он, мой сын, поклялся своими глазами увидеть жениха, полюбившегося сестре братьев аиргь. Сидит мой сын, и играет песни на апхярце. Если играет он тихие, грустные песни - стало быть она спит. Вот тогда - то и надо идти к ней в комнату и пальцем тронуть ее косу. Она проснется и скажет: " Почему ты разбудил меня? Я только что видела во сне того, кто нравиться мне!" Если скажет она именно так, то ты, наверное, догадаешься, что ответить. И она будет твоей, и ты увезешь ее отсюда, а сын мой вернется ко мне, и я буду счастлив. Но имей в виду: если погонится мой сын за тобой - не убивай его.

А убей коня его. Запомни это - и будет тебе благо.

Сасрыква поклонился старику, сказал ему: "Большое спасибо", - и поехал ко дворцу.

Главные ворота были открыты настежь. Во дворе - ни души. Привязал Сасрыква коня коновязи и поднялся по ступенькам на седьмой ярус дома.

На костяном балконе седьмого яруса сидел юноша и играл на апхярце. Он едва касался струн своими смычками и тихо напевал печальную песню:

Она не стареет, не молодеет,
Ахахаира Гуашадза!
Но кто же сердцем ее владеет?
Ахахаира Гуашадза!
Она опускает свои ресницы,
Ахахаира Гуашадза!
Но кто по ночам ей сниться?
Ахахаира Гуашадза!
Когда мы встретимся с этим счастливцем?
Ахахаира Гуашадза!
Когда на конях мы с ним сразимся?
Ахахаира Гуашадза!
Когда мы схлестнемся сталь со сталью?
Ахахаира Гуашадза!
Когда одним черепом больше станет?
Ахахаира Гуаша!
Она не стареет, она расцветает,
Ахахаира Гуашадза!
Но остановки время не знает,
Ахахаира Гуашадза!
Геройский юноша ей понравился,
Ахахаира Гуашадза!
К моим годам еще год прибавился,
Ахахаира Гуашадза!
Мой конь копытами бьет о скалы,
Ахахаира Гуашадза!

Послушал Сасрыква песню и пошел дальше. Отворил дверь в спальню - и застыл, ослепленный красотою спящей девушки. Девушка излучала чудесный свет - свет красоты несравненной, его излучали белая кожа и черные волосы ее. Нарт осторожно, очень осторожно подошел к спящей и тронул ее длинную косу.

Девушка проснулась.

- Зачем помешал ты мне! - сказала она с укором.- Я только что видела во сне героя Сасрыкву.

Нарт ответил:

- А теперь он здесь, перед тобой. И все это наяву!

Девушка не смутилась.

- Ну что ж, - сказала она, - я - твоя. Однако сын старика, играющий на апхярце, скорее умрет, нежели выпустит меня отсюда.

- Это уж моя забота, - сказал нарт.

- Если мы и вырвемся из его плена, нас где-нибудь подстерегут мои братья.

- И тогда найдется выход!

- Если ты решил, - сказала красавица, - садись на своего коня и подскочи к окну моему и - забирай меня!

Сасрыква послушался ее. А сын старика сидел и все напевал свое:

Дорогу к деве не отыскал я,
Ахахаира Гуашадза!
Я много подвигов разных сделал,
Ахахаира Гуашадза!
Но не сумел разбудить я деву,
Ахахаира Гуашадза!
Я много видел, Я много странствовал,
Ахахаира Гуашадза!
Но не сумел я сказать ей "Здравствуй",
Ахахаира Гуашадза!
Она ответила мне лишь смехом,
Ахахаира Гуашадза!
Ни с чем обратно пришлось уехать,
Ахахаира Гуашадза!
Ну что ж, схлестнемся мы сталь со сталью,
Ахахаира Гуашадза!
На череп больше на свете станет,
Ахахаира Гуашадза!

Эти колкие слова были нестерпимы для нарта, но он взял себя в руки и незаметно прошел мимо поющего.

Нарт спустился во двор, сел на коня своего Бзоу, пришпорил его и в мгновение ока подскочил к верху, к самому окну, у которого ждала его красавица.

Девушка вылетела, словно птица, на лету подхватил ее лихой нарт - и был таков!

Сын старика отбросил в сторону смычок и апхярцу и завопил не своим голосом:

- Сестру похитили вашу, братья аиргь. Сестру похитили! Слышите ли вы?

Как из- под земли выросли двое юношей на конях. Под одним - гнедой конь, под другим - вороной. И сломя голову бросились догонять нарта - похитителя.

Как только огнеподобный Бзоу вырвался на простор, то несравненная сестра братьев аиргь посоветовала нарту, чтобы он возвращался назад, не той дорогой, по которой приехал во дворец.

- По другой?- удивился нарт,- Я появился здесь не как вор и удаляюсь отсюда на виду у всех! Земля широка, и для настоящего мужчины везде отыщется дорога.

Бзоу не скачет, а почти летит над землей, летит по равнине, простирающейся за дворцом. А два молодца пуще ветра гонятся за ним.

Сасрыква торопит своего Бзоу, но как ни торопит, а проскочить через равнину не может. Не так уж велика, казалось бы, равнина, однако не кончается, словно без конца она и края. Вдруг Сасрыква замечает, что скачет конь его мимо знакомых мест. Что за чудо! Хочется задержаться немного, обдумать положение, все взвесить. Но куда там! За ним, наступая на задние копыта Бзоу, мчатся с шашками наголо два брата аиргь.

И нарт погоняет коня своего...

Братья заметно отстают, а вскоре от неимоверной усталости издыхают их кони:

Все это видел с высоты дворцового балкона сын старика, безнадежно влюбленный в сестру братьев аиргь. Не мешкая, оседлал он коня своего из породы нартских коней и помчался в след нарту - похитителю. Сасрыква уже знал, кто за ним гонится и какой под ним конь.

-Мой верный Бзоу!- воскликнул он.- Опасность близка!

И только сейчас, только сейчас понял великий нарт, что мчится Бзоу не по прямой, а по кругу на равнине! Поэтому - то и нет конца-края этой равнине! "Не к добру это", - подумал нарт.

Вот уже начал уставать огнеподобный Бзоу. Не так уж низко стелется он над землей. Вот нагоняет нарта беспощадный влюбленный!

И тут Сасрыква поступил так, как советовал ему старик: пустил стрелу в самое сердце коня, настигавшего их. Дрогнул конь, вздыбился и грохнулся наземь, подминая седока.

-Теперь ты можешь ехать по любой дороге, - сказала сестра братьев аиргь, облегченно вздыхая.

Сасрыква без особого труда отыскал следы копыт своего Бзоу и по желтой скале спустился вниз, где ждал его герой Нарджхоу. Он встретил нарта и его невесту с большим радушием, накормил их и напоил ключевой водой.

И отправились они втроем в обратный путь. Доехали до перекрестка, где герои повстречались впервые, и нарт Сасрыква сказал:

- Герой из героев Нарджхоу! Я знаю, как жаждал ты видеть хозяйкой своего дома эту красавицу. Верно, добыл ее я, но никто об этом не узнает. Бери ее!

На что только способна великая честь и уважение к другу! А иначе разве мог бы высказать такие слова великий нарт?! Возможно ли, отдать другому чудо - красавицу, добытую с таким трудом?!

- Нет, - возразил герой Нарджхоу, - не смог я преодолеть желтую скалу. Девушка по праву и по справедливости твоя. Настоящий мужчина должен радоваться вашему счастью!

На что только способна великая честь и уважение мужчины к мужчине! А иначе разве мог бы высказать такие слова герой Нарджхоу? А иначе мог бы он отказаться от такой красавицы?

Сестра братьев, аиргь - несравненная красавица - могла по достоинству оценить благородство одного и другого героя.

Сасрыква упросил своего друга Нарджхоу сопровождать их до нартского села и погулять на свадьбе. С удовольствием принял это приглашение герой Нарджхоу.

Ехали все трое, встречные узнавали Сасрыкву и приветствовали его и его невесту.

Вперед, к нартам был послан гонец, и нарты ждали своего брата с невестой. Они держали совет, как быть, ибо не положено справлять свадьбу незаконнорожденному брату. После долгих споров, ссылаясь на то, что неудобно, дескать, перед людьми, решили братья встретить брата с почетом и сыграть свадьбу.

Семь дней и семь ночей продолжался пир. Семь дней и семь ночей пелись песни и танцевались танцы. На самом почетном месте восседал герой Нарджхоу.

Вместе с другими прислуживала за столом красавица Гунда, сестра нартов. Он то появлялась среди гостей, то уходила к кипящим в стороне котлам. Нарджхоу приметил ее, а, приметив, влюбился, да еще как - без памяти!

Именно здесь, на пиру, увидел впервые красавицу Гунду герой из героев Нарджхоу. Удивительнее удивительного

Уже год, как женат Сасрыква. И, по обычаю, пригласил он к себе братьев жены и устроил пир.

Перед тем как покинуть гостеприимный кров, братья аиргь говорят Сасрыкве:

- Очень соскучилась сестра наша по отчему дому. Разреши ей ненадолго поехать с нами.

Сасрыква не мог отказать в этой просьбе, и жена его уехала с братьями на лучшей лошади.

Вот прошел месяц. Еще один: А братья аиргь не возвращают свою сестру. Стал беспокоиться нарт Сасрыква, и решил он разузнать, в чем дело. Сел на коня и двинулся в путь.

Неизвестно доподлинно, сколько дней провел он в дороге. Но хорошо известно, что в один прекрасный день подъехал он к берегу бурной реки, точнее - небольшой бурной реки. Посредине реки возвышался валун, а на том валуне бились смертным боем два бараньих черепа с огромными рогами.

Сасрыква был поражен. Ему казалось, что видит все это во сне. Чтобы бились мертвые черепа?! Да где же это видано? Где это слыхано?

Сасрыква шёл вброд через реку, размышляя над странным боем двух бараньих черепов. И он сказал себе: дурной это знак. А разве могло быть иначе?

Дорога вела к тесному ущелью. И вдруг стало темным - темно! Что за наваждение?.. Сасрыква глянул в небо, а его и не видно: вороны заслонили небо! Летели они такой плотной стаей, что небо казалось в глубоком трауре.

"Куда летят птицы? - думал нарт. - И откуда их такое множество? Нет, не к добру это".

И едет себе дальше, все дальше по ущелью. Еще день, и два, и три. На четвертый выезжает на широкую равнину. Видит - по средине равнины стоит большое дерево, а под деревом свалены в кучу старые и новые женские и мужские чувяки, ноговицы и мягкие сапоги.

Обувка, что поновее, сама взбегает вверх по стволу дерева, а которая постарее - с верхушки торопиться вниз.

Нет, никогда не бывало ничего похожего! Чтобы бегала обувка, точно живая?! Чтобы чувяки понимали куда им бежать - вверх или вниз?! Нет, это чудо из чудес! Это нечто удивительное. И ничего хорошего это не предвещает.

Так думал нарт, скача по равнине. И вскоре он заметил, что конь его покрывает большущие расстояния, за день проделывает трехдневный путь! И это тоже удивительно!

Нарт терялся в догадках...

Вот приехал он во дворец братьев аиргь: ворота открыты настежь и коновязь пуста.

Спешился нарт, шагает по двору. И что же? Здесь его ждет такое, что удивительнее удивительного.

Подумай сам: лежит собака, не ощенилась она - а щенки уже лают, злобно лают на Сасрыкву, словно пытаются схватить его за ногу. А между тем собака спит глубоким сном и не слышит лая своих щенков, до поры до времени сидящих в ее утробе.

Однако самое что ни на есть удивительное было впереди.

Щенки продолжали яростно лаять, а их уже осаживает чей - то властный голос. "На место, на место, проклятые!",- кричал кто - то на щенков. И как ты думаешь, кто это кричал, кто заступался за Сасрыкву? Младенец, находящийся в утробе матери. Вот кто! А мать его, ничего не подозревая, вертела себе жернова ручной мельницы и пела себе песню:

Саунау, Саунау,
Мели, мельница, мели.
Саунау, Саунау,
Ты, младенец мой, дремли.
Дам тебе я кашки блюдце,
Мели, мельница, мели.
Ты потом отдашь мне блюдом,
Мели, мельница, мели.

Сасрыква, что называется, обомлел от удивления. Но самое, пресамое удивительное оказалось все - таки впереди.

Вот идет навстречу нарту Сасрыкве его жена, его любимая жена. Увидел ее нарт и сказал себе: "Должно быть, настал мой конец". А что он мог еще подумать, если к нему шла жена, любимая жена, но без головы. Нет головы, а разговаривает! Вот поди, разберись во всем этом! И не даром великий нарт едва не лишился чувств.

Она не сразу подошла к мужу - дала ему возможность передохнуть, прийти в себя. Выждав положенное, время, обратилась она к нарту с такими словами:

-Что с тобой? Почему ты так печален?

Нарт ответил:

- Как же не быть мне печальным, если всю дорогу, едучи к тебе, видел удивительные чудеса. Они ничего хорошего не предвещают.

- Расскажи, что же ты видел, что удивило тебя?

Нарт рассказал о том, как бились бараньи черепа посредине реки, о том, как новая обувка поднималась на дерево, а старая спускалась вниз по стволу, о том как лаяли щенки из утробы собаки, и о том, как осаживал их еще не появившийся на свет младенец.

- И это все? - спросила сестра братьев аиргь.

- Пожалуй, все,- ответил муж,- если не считать того, что не вижу я твоей головы, но слышу твою речь. Мне кажется, что все это не к добру.

- Ты прав, - сказала ему жена. - Не жди добра.

- Так открой же мне, что все это значит!

- Слушай, - сказала сестра братьев аиргь, - я ничего от тебя не скрою: Ты видел черепа баранов? Это черепа тех самых баранов, которых зарезали нарты и великаны в знак примирения. Черепа эти торчали на двух шестах по берегам реки, которая служит рубежом земли нартов и земли великанов. А то, что они бьются теперь означает только одно: между нартами и великанами снова разгорелась война. Ты видел стаю ворон? Это значит, что великаны напали на твое село: Ты видел старую и новую обувку? Это старые уходят, а новые приходят тебе на помощь. Ты слышал лай неощенившихся щенят? Это злобствуют те, которые хотят войны. Ты слышал голос младенца из утробы матери? Это голоса тех, кто на твоей стороне! Это означает, что растут те, кто желает войны с тобой, кто замышляет дурное против тебя, это означает также, что растут и те, кто за тебя, кто против войны, кто за благо и мир!.. Что до моей головы - я скажу тебе так, - ты моя голова. И пока твоя жизнь в опасности - не будет у меня головы. Если дрогнешь в бою - не будет у меня головы! Если от страха сожмется твое сердце - не будет у меня головы! Но ты победишь - не падай духом. И снова, появиться у меня голова. Выслушал нарт сестру братьев аиргь - свою любимую жену - и вскочил на коня.

Он крикнул жене:

- Если село мое в опасности - могу ли я находиться далеко от него? Я очень тороплюсь. И прошу тебя об одном: возвращайся, возвращайся поскорее и береги мой очаг, пусть горит он ярко, пусть стоит мой дом как крепость! Все это я поручаю тебе. Не мешкай же!

И он исчез, как ветер в горах.
Герой Получерный - полуседой

Цвиц ни характером своим, ни статностью своей не уступал нартам. Однако геройства свои он не выставлял на показ. Он по - прежнему, грелся у теплой золы и строгал палочку.

Когда Цвиц возмужал и научился по - настоящему управлять конем, завелись у него три чудо - лошади: белой, красной и черной масти. И тайно сшил себе Цвиц три черкески: белую, красную и черную. И никто до поры до времени не видел ни коней его ни черкесок.

Днем просиживал Цвиц у очага, а вечером, когда заходило солнце и становилось совсем темно, он преображался. Каждый вечер под покровом темноты он отправлялся в поход и тайком от нартов добывал себе великую славу. И стали замечать нарты, что стада их умножаются, что в скотных дворах все больше коров и буйволиц. Стали поговаривать, что это Адоуха - высшая сила - благоволит к нартам и посылает им несметное количество живности.

Если нарт Сасрыква, брат девяносто девяти братьев, оказывался в опасном положении, на выручку ему спешил Цвиц. Не выдавая себя, Цвиц бился с врагами бок о бок с нартом Сасрыквой и выручал его из беды.

Однажды великаны, пришедшие из-за моря, построили крепость и принялись тревожить нарта Сасрыкву и его людей. Нарт не мог одолеть великанов, не раз оказывался на волосок от смерти.

Прослышав об этом, Цвиц смастерил себе бороду, покрасил ее наполовину черной краской, а наполовину белой. Свою одежду он тоже покрасил наполовину черной, наполовину белой краской. Точно так же перекрасил и коня своего. И только после этого двинулся Цвиц на помощь нарту Сасрыкве.

И вот, на узкой тропе встречает Цвиц женщину с шашкой в руке. В сумерках не признал в ней Цвиц свою родную мать, решившую испытать мужество сына перед битвой с великанами.

- Ты не двинешься дальше!- вскричала она.

Цвиц выхватил шашку из ножен и смело бросился вперед. Размахнулся он, что было силы и концом шашки отрезал кусочек материнского подола. Размахнулся еще раз, сталь сверкнула, точно молния: И тут мать взмолилась:

- Не убивай меня, сын мой: Я - твоя мать: Теперь - то я вижу, что ты герой:

От изумления Цвиц замер. Замер и конь Цвица, не знавший страха. Все это случилось от неожиданности, но не думал, не гадал Цвиц, что придется ему поднять руку на родную мать.

- Пусть будет счастливым путь твой, сын мой продолжала мать. - Возьми эту шашку. Только ею сможешь ты одолеть великанов. И поступай только так, как скажу я тебе и никак не иначе. Пусть разыщет Сасрыква семь стволов дубовых, и семь стволов шелковицы, и семь стволов ореха. Пусть добудет он жилы ста быков и построит азаандак*, стреляющий бревнами, толщиною с туловище человека. Пусть привяжут тебя к стволу кизила, туго натянут тетиву, свитую из ста бычьих жил, и запустят бревно вместе с тобою во вражескую крепость. И ты упадешь на головы врагов, как снег среди ясного дня. Они схватят тебя, бросят в яму и станут забрасывать всем чем попало. Подыми кверху эту шашку - и все, чем забросают великаны яму, чтобы закопать тебя, будет перерезано навое. Ты останешься невредим, а справа и слева от тебя яма та заполниться, и ты поднимешься вверх как по ступенькам. Поднявшись вверх, кидайся на врагов и рази их этой шашкой. Против нее никто не устоит.

Цвиц принял шашку от матери и поехал дальше. И вовремя подоспел к Сасрыкве, ибо последний уже изнемогал в бою.

Цвиц Получерный - Полуседой, не узнанный нартом Сасрыквой, сказал так:

- Добудь семь стволов дубовых и семь стволов шелковицы, и семь стволов ореха. Зарежь сто быков и сшей из жил тетиву и построй азаандак. И ты увидишь, то, что увидишь.

- Хорошо, Получерный - Полуседой, - сказал Сасрыква, и в точности исполнил желание Цвица.

Вот привязали Цвица к стволу кизила, натянули тетиву и выстрелили, точно из лука. И полетел Цвиц головою вперед во вражеский стан, упал посреди крепости. Не успел он опомниться, как великаны бросили его в глубокую яму и стали ту яму забрасывать камнями, бревнами и всем чем попало.

Цвиц над головой держал шашку - и камни, и бревна и все прочее отлетало от него вправо и влево, а он остался жив и невредим. Справа и слева от него яма заполнялась камнями и бревнами, и Цвиц поднимался наверх, как по ступеням. Вот выбрался он наконец из ямы и вступил с великанами в бой. Шашка материнская разила каждого, кого касалась, обороняла сына в неравном бою, добывала сыну великую славу.

Сасрыква передохнул. К нему вернулись силы. Он долго благодарил Получерного - Полуседого за помощь в беде и за скот, отбитый у великанов.

Цвиц сказал, что им пора расстаться.

- Разделим добычу,- сказал Сасрыква.

- Все уступаю тебе, - сказал Цвиц.

- Кто же ты? - спросил Сасрыква.

- Я Получерный - Полуседой. Но если суждено когда - либо еще раз встретиться с тобой, я бы хотел, чтобы мы узнали друг друга. Дай я выжгу метину на твоей спине горящим огнивом, и все богатство достанется тебе одному.

Сасрыква согласился. И Цвиц выжег огнивом метину на его спине. Они расстались.

Едет домой Цвиц, а встречные говорят:

- Вот Черный всадник.

Те же, кто смотрит на него справа, говорят:

- Вот Белый всадник.

Так и не узнали люди, какой проехал всадник, Белый или Черный. И не догадывались, что это Цвиц едет на коне, тот самый Цвиц, который у золы греется и палочки без конца строгает...

Однажды решили нарты поделить свое имущество.

- Выделите долю и мне? - подал голос Цвиц, сидевший у теплой золы.

-Тебе? - сказал Сасрыква. - Тебе, строгающему палочки?

-Я прошу долю младшего, - сказал Цвиц.

Сасрыква воскликнул:

- Что же сделал ты, несчастный, что доли своей домогаешься?!

- Ваше богатство увеличивается все время...

- Так что же! - сказал Сасрыква - Такое уж счастье нам выпало.

Цвиц сказал:

-Пусть будет по-твоему. Но если ты мужчина, давай поспорим: поставь рядом котлы, которые вмещают по сто мисок воды. Пусть каждый поведает всем о своей славе. И тогда мы увидим, чей закипит котел - чья слава выше!

Сасрыква согласился. Наполнили котлы водой, и Сасрыква поведал о славе своей. Была она выше гор, и вода чуть было не закипела в его котле.

После него поведал рассказ о славе своей Цвиц, и из котла клубами пошел пар. И когда он в своем рассказе дошел до места, где выжег метину на спине нарта Сасрыквы- вода в котле забурлила!

Сасрыква обнял Цвица.

Примечания

**Азаандак - катапульта.*

Взятие крепости Гуинтвинт

На западе Абхазии высилась некогда крепость Гуинтвинт. Она считалась неприступной. Ее изрядно укреплял правитель того края. И неспроста: в крепости хранилась казна этого правителя, стяжавшего себе мрачную славу своей беспощадностью.

Нарты решили взять крепость Гуинтвинт, свергнуть ее правителя и завладеть казной. Но как ни ломали себе головы - но ничего у них со взятием крепости не получалось. После каждого похода на крепость Гуинтвинт нарты возвращались ни с чем.

Как известно был у нартов племянник по имени Цвиц.

Однажды двинулись нарты в поход. И Цвиц спросил Сатаней - Гуашу:

- Куда это едут нарты?

Сатаней-Гуаша сказала:

- Видишь ли, сын мой, есть на западе крепость. Название ее Гуинтвинт. Это - твердыня злого правителя, в которой находится вся его казна. Мои сыновья давно хотят разбить крепость Гуинтвинт, свергнуть ее правителя и завладеть казной. Но пока они ничего не достигли.

- А что будет, если они возьмут меня с собой?

Сатаней-Гуаша усмехнулась.

- Чем же ты поможешь, - сказала она, - даже нарты ничего не могут поделать?

- Попроси их, - взмолился Цвиц,- пусть возьмут меня с собою. Может, я и пригожусь?

- Хорошо, - пообещала Сатаней - Гуаша,- может и согласятся.

В скором времени вернулись нарты из похода на Гуинтвинт. Ни с чем и на этот раз. А когда они вновь стали собираться на запад, Сатаней - Гуаша обратилась к ним с такой просьбой:

- Возьмите, прошу вас, с собою и Цвица. Уж очень он томится без дела. Глядишь, окажется вам полезным. На худой конец, стремена ваши подержит, когда на коней будете садиться.

Старший из братьев ответил:

- Может быть, о мать, он и сказал тебе эти слова. Но зачем ты передаешь их нам? Неужели ты и в самом деле веришь, что он будет нам помощником? Правда, он как-то показал себя героем, но это случайно.

Не обратили нарты никакого внимания на ее просьбу, сели на коней и двинулись на запад.

- Ты все слышал? - спросила Сатаней-Гуаша Цвица.

- Все,- ответил он опечаленный.

Вот прошла неделя с того дня, как нарты ушли на запад. И тогда Цвиц тайком вывел из конюшни коня, облачился в доспехи и поскакал на запад. В полдень повстречал нартов - они уже возвращались назад не солоно хлебавши.

- Добрый день! - приветствовал их Цвиц.

- Добро тебе! - отвечали братья, не узнав его.

- Не стыдно ведь спрашивать, - сказал Цвиц, - где были вы, герои нарты?

- Где мы были? Все там же, под стенами крепости Гуинтвинт, - отвечали нарты. - Но ничего не поделаешь с этой проклятой твердыней!

- Вижу, вы очень огорчены, герои нарты.

- Очень, - сказали братья.

- В таком случае послушайте меня: назначьте срок, назначьте место, где мы с вами увидимся. Может, и я помогу вам чем-нибудь?

- Ну что ж, - сказали нарты.

И условились они о месте и времени встречи. Условились - и разъехались; нарты - к себе, а Цвиц - к себе, но только более коротким путем.

Въезжают братья гурьбою в ворота, а Цвиц уже дремлет у очага...

Наступил назначенный срок: братья встретились с Цвицом. Они и на этот раз не узнали его. Нарт Цвиц обратился к ним с такой речью.

- Растопите пихтовую смолу и покройте меня густым слоем с головы до ног. Потом поднесите меня к крепости, и перебросьте через стену, подобно суме дорожной. Перебросьте и ждите! Посмотрите, что дальше будет... А будет вот что: сквозь крепостную стену начнет просачиваться кровь. Как только заметите ее, ту же бейте стену чем попало, и она разрушится. Затем, не теряя времени, устремляйтесь в пролом, и вы увидите то, что увидите. И уж тогда поступайте как знаете.

- Хорошо, - сказали братья и в точности исполнили то, о чем говорил Цвиц...

В той крепости жила одна старуха, предугадывавшая все, что замышляли враги крепости Гуинтвинт. Она собрала осажденных и в присутствии правителя сказала так:

- К нашим стенам снова прибыли нарты. Они собираются кого-то перебросить через стену. И тот, кого перебросят попытается уничтожить нас. А перебросят его вон в том месте. Поэтому немедленно выройте яму, чтобы непрошеный гость попал в нее. А гостя того забросайте камнями и бревнами, чтобы нашел он в ней свою смерть.

Правитель приказал сделать так, как сказала старуха. Только вырыли яму и собрали вокруг нее бревна, камни, как в нее полетел покрытый смолью Цвиц. Он упал на землю и смола предохранила его кости.

Вслед за ним полетели в яму бревна и камни. Сообразив в чем дело, Цвиц вытащил свою шашку из ножен и поднял ее над головой. И все, что падало сверху, летело в стороны, наткнувшись на острие шашки. А бревна переламывались надвое.

Цвиц оставался цел и не вредим. Он поднимался все выше но камням и бревнам, заполнявшим яму. Наконец - выбрался наверх - и давай рубить врагов направо и налево. Рекою полилась кровь. Она стала просачиваться наружу. Вот тогда - то и разбили нарты крепость, которая от крови стала податливой. Ворвались нарты сквозь пролом в стене, и уж тут их ничего не могло удержать: правитель и все, кто не сдавался распростились с жизнью!

Нарты освободили невольников, оставили им часть казны, а с остальной частью отправились к себе домой.

На том самом месте, где встретились они с Цвицом решили выделить ему соответствующую долю добычи. К их глубокому изумлению, Цвиц от своей доли отказался. Не принял он также приглашения поехать в гости к нартам. Как ни уламывали его братья, Цвиц настоял на своем и распрощался с ними:

Нарты с песней въезжали к себе во двор, а Цвиц уже грелся у теплого очага. И вскоре он стал свидетелем того, как делили братья добычу.

Прошло немного времени, и братья заспорили, ведь следовало определить, кому достанется доля старшего, то есть доля самого смелого.

- Мне,- говорил Сасрыква, ссылаясь на свои заслуги в других походах.

- Мне, - говорил нарт Сит, ибо он был старшим по возрасту.

Дело принимало нешуточный оборот: братья все больше повышали голос.

Тогда попросил слова Цвиц. И ему дали слово.

Он рассказал все? как было: как брали вместе крепость Гуинтвинт и, как прославился при этом Цвиц. Рассказ был столь же правдив, сколь и удивителен!

Что было делать? Цвицу выделили его долю, долю старшего.

Пошла по земле слава о Цвице. Нарты относились к нему с уважением. А когда тот роздал бедным свою долю добычи, они волей - неволей, не желая и в добрых делах отстать от него, последовали его примеру - тоже роздали бедным свою добычу, которая досталась им при взятии крепости Гуинтвинт.
Черный день ацанов

Как известно, ацаны жили в горной местности. Они строили дома свои из камня и прочные ограды вокруг дворов тоже из камня. Остатки этих построек можно видеть и в наши дни.

Жили ацаны дружно. Воевали все вместе: и старики, и молодые, и женщины, и дети. Не было меж ними смерти. И рождения не было. Не знали они, что такое горе. Сообща пасли стада и сообща охотились, сообща рубили они папоротниковые ветви.

Племянник их, Цвиц, жил у нартов. Ацаны давно не видели его. Да и племянник мало, что знал теперь об ацанах.

Однажды упал с неба золотой короб. Ацаны подобрали его. Открыли. И что же? В коробе оказался мальчик.

Обрадовались маленькие человечки. Стали воспитывать мальчика, который рос не по дням, а по часам. Вскоре мальчик вырос и как - то раз спросил у ацанов:

- Вы, как я вижу, никого не боитесь. Даже смерти не страшитесь, ибо она бежит от вас. Так скажите, откуда может явиться ваша погибель?

Эти слова показались ацанам очень странными. Почему это вдруг мальчик заговорил о погибели? Однако столетний Киаламат ответил прямо, без обиняков, как это принято у ацанов:

-Ну, что же, скажу тебе, раз ты хочешь знать - нас может погубить только снег из хлопка, только огонь небесный, который упадет в этот снег. А иной смерти мы не боимся.

И тут произошло нечто удивительное: мальчик, вернее юноша, росший не по дням, а по часам, неожиданно исчез, словно не бывало его здесь, словно и не появлялся он на земле ацанов в золотом коробе!

Ацаны забеспокоились: где же мальчик? Где тот, кого они так любовно растили?

Исчез! Бесследно исчез мальчик, появившийся на земле ацанов в золотом коробе!

Ацаны были убиты горем! Они ломали головы над тайной исчезновения мальчика.

Мудрый Киаламат, от взора которого ничто не могло скрыться, сказал весьма тревожно:

- Дети мои, во всем этом я вижу дурной знак.

И он указал на козла, борода которого слегка тряслась от ветра.

- Вы видите эту трясущуюся бороду? - спросил Киаламат. - Этого не бывало никогда на земле ацанов. Скоро наступят черные дни!

Киаламат оказался прав.

Ветер все крепчал. Он нагнал много туч. Тучи сгущались, из них посыпался на землю снег. Но снег не обычный, а из хлопка. Каждая снежинка была кусочком хлопка. Долго шел снег. Когда намело его высотою в сажень - небо очистилось от туч, показались яркие звезды. И самая яркая из звезд полетела вниз, прямо на землю ацанов. Звезда подожгла хлопок, и в бушующем огне сгорели все ацаны.

Как говорил Киаламат, черный день наступил!

Единственный, кто сохранил в своих жилах кровь ацанов, был Цвиц.

Кто скажет: почему погибли ацаны? В чем провинились они? И перед кем?

Пережившие этот черный день - остатки каменных построек в горах - торжественно молчат, ибо нет у них души и нет языка. Камни есть камни. И любой из них, каким бы ни был величественным, не сравниться даже с маленьким, самым маленьким человеком.

Несчастье Сасрыквы

Поседел Сасрыква в битвах с врагами. Его только и видели, что на поле брани. А дома осталась жена. Она скучала, но не падала духом, ибо была женою одного из великих нартов.

Решил наконец Сасрыква пожить мирно, и понятно почему: враги его ослабли и стали просить мира.

И вот родился у Сасрыквы сын. Сестра братьев аиргь подарила ему крепкого ребенка. И вырос сын, и уже сопровождал отца в охотничьих подвигах.

Однако все случается на свете. Случилось несчастье с нартом Сасрыквой: случайно он убил сына. Отец решил наложить на себя руки. Мать выплакала все глаза.

Но не умерли они, не лишил себя жизни Сасрыква, и зрячей осталась жена.

Прошло время, и поутихло горе.

Так бывает всегда. Это - закон.

Но вот, родился еще один мальчик у великого нарта.

- Нет, не суждено погаснуть моему очагу!

Но все случается на свете. И случилось несчастье с великим нартом Сасрыквой опять. Подкрался однажды медведь к дому, схватил в охапку сына Сасрыквы и побежал к лесу.

Сасрыква выстрелил, и грузно повалился медведь. Подбежали к зверю мать и отец, от волнения белые, как молоко, - что же они видят? Прострелено сердце у медведя, пробита грудь у сына. Стрела, запущенная твердой рукой, оказалась роковою.

- Что было дальше? Большое горе. Слезы и причитания. Мать пыталась глаза себе выколоть. Отец молчал, и от этого молчания еще горше становилось у него на душе.

Но что делать? Прошло время и поутихло горе.

Так бывает всегда. Это - закон:

Однажды во двор Сасрыквы въехали всадники. Они спешились и приветствовали хозяина

- Мы ехали мимо, - сказали они,- и захотелось нам поглядеть на великого нарта

Сасрыква пригласил их к себе, а хозяйка его принялась готовить угощение. Шутками и прибаутками гости пытались рассеять тяжелые думы нарта.

Сасрыква зарезал быков и поставил котлы на огонь. Вода в них кипела и пенилась, и варилось в этой бурлящей воде бычье мясо.

Нарт ходил от котла к котлу. И вдруг откуда ни возьмись появился орел, схватил нарта и понес под облака. И никто не заметил этого.

Орел летел недолго. Он опустился над морем, возле белого дворца стен которого касались волны. Вышла хозяйка и приняла Сасрыкву, как сестра, трижды обойдя его, и тем самым как бы принимая на себя его недуги.

Усадил она за стол удивленного нарта, и угостила его вареным мясом. В то время как смущенный нарт ел мясо, он заметил мальчика, забавлявшегося в углу комнаты. Глаза у него были ясные, как у ястреба, и кожа белая, как молоко.

Загляделся нарт на ребенка, глаз отвести не может. Достал Сасрыква свой нож с белой костяной ручкой на острие его подает мальчику кусок мяса. Сорвался мальчик с места, побежал к нарту с протянутыми руками. Вскрикнул и умер, истекая кровью.

Выбежал нарт из дворца, хотел прыгнуть в волны и умереть. Но тут подхватил его орел и в одно мгновение доставил к кипящим котлам. Доставил - и исчез. Будто ничего и не случилось:

А мясо тем временем уже сварилось. Его достали, разрезали на куски. Сасрыква сел вместе с гостями. Никто не заметил исчезновения нарта. А сам же нарт хранил молчание. Только одна живая душа - сестра братьев аиргь - заметила, что с мужем твориться что - то неладное. На ее вопрос он ответил:

- Потом:

И вот в конце пира Сасрыква говорит, обращаясь к своим гостям.

- Все бывает на свете, но вот о таком вы слыхали?

И рассказал об орле и дворце среди моря и мальчике, который погиб...

Не успел он окончить свой рассказ, как, сестра братьев аиргь - великая жена великого нарта - зарыдала, царапая себе лицо и клочьями вырывая себе волосы.

- Ты погасил свой очаг! Ты погасил свой очаг! - запричитала она.

И только сейчас открылось всем удивительное дело. Сестра братьев аиргь - великая жена, великого нарта, - скрыла от всех, что ждет третьего ребенка. А когда тайно родила его - отправила на воспитание к той самой хозяйке белого дворца, что красуется среди моря:

Гости молчали. Молчал и Сасрыква.

Свершилось то, что и должно было свершиться. Бывают великие несчастья и с героями из героев.
Сгоревший в огне

Не кончаются тревожные дни - снова война, теперь уже война с великанами, к силе которых примешивались хитрость и коварство.

Великаны разорили нартские села, людей увели в плен. Вернувшись домой из славного похода, нарты обнаружили кровь и разрушение. Не мешкая, бросились нарты в погоню. И они нагнали великанов в степи Ашвады. Это была широкая, безлюдная степь. Здесь и разгорелась битва, конца которой не было видно.

Бились нарты с великанами и год, и два, и пять, и семь лет. Приходили люди на помощь нартам. Гибли одни - являлись другие, помоложе. Это была война похожая на костер, разложенный в лесу, который то медленно тлеет, то разгорается с неистовой силой, но не гаснет ни на миг.

Война длилась так долго, что утомила великанов. Хотя они и не признавали себя побежденными, но особого вреда нартам причинить уже не могли.

Братья вернулись домой, оставив в степи Сасрыкву. Нарт продолжал тревожить великанов, не давая им опомниться и собраться с силами:

Приметил как - то Сасрыква на степной дороге сухое, желтоватое огниво.

"Огниво в степи?" - удивленно подумал нарт.

Не слезая с коня, он поднял добротное огниво и положил в карман. Едет Сасрыква дальше и обращается к своему коню Бзоу с такими словами:

- Скажи мне, добрый друг, скоро ли снимем боевое седло? Долго ли ходить мне в доспехах? Скоро ли будет конец этой войне?

Бзоу понял речь Сасрыквы и отвечал ему человечьим голосом:

- Конца войне не видно. Она так же длинна, как и моя жизнь. А я буду жить до тех пор, пока вражеская стрела не поразит одно из моих копыт. Только тогда я погибну. Но ты не печалься если увидишь меня бездыханным. Смело потроши мое брюхо, набей его сухою травой и зашей попрочнее. Я снова оживу и буду жить до тех пор, пока стрела не пробьет мне брюхо. Вот тогда - то и загорится сухая трава, а вместе с травою сгорю и я. И тебе придется выбираться из бушующего пламени.

Так говорил конь Бзоу. И все, что говорил он, слышало и огниво, которое на самом деле было великаном - оборотнем. Выведав тайну, огниво выпало из кармана Сасрыквы. И великаны узнали все, что им хотелось узнать.

И в первой же схватке великан - оборотень крикнул:

- Стреляйте так, чтобы стрела коснулась травы! Стреляйте только по копытам коня!

И мгновенно сто стрел вонзились в копыта Бзоу. Он зашатался и упал.

Сасрыква живо вспорол брюхо коню, набил его сухим степным ковылем и зашил прочной ниткой, которою зашивал себе обувь в походах.

И ожил славный конь Бзоу!

И с ржанием бросился на великанов

По-прежнему лихо разил врагов великий герой Сасрыква. Его шашка сверкала подобно молнии, конь под ним стучал копытами так, будто случилось землетрясение.

И снова крикнул великан - оборотень:

- Стреляйте в брюхо коню! Цельтесь только в брюхо!

И в то же мгновение сто стрел вонзились в брюхо славному Бзоу. И рухнул конь. И запылал, как костер на ветру.

С трудом выбрался из огня Сасрыква. Протерев глаза рукавом черкески, бросился он на врагов и стал рубить шашкой так, как это умели делать только великие герои нарты.

Один лишь герой - Сасрыква мог выстоять в этой битве. Один лишь он мог продолжить битву с великанами, надеясь на помощь тех, кто зрел на земле нартов для боевых подвигов.

Мы сердца и свирель на песню настроим,
Что герой Сасрыква остается героем.
Он не падает духом, не знает болезни,
Конь привязан его к золотой коновязи.
Крышей дома, высокое небо считает,
А постелью зеленую землю считает.
Его точные стрелы со свистом летают,
Его меч, словно молния все озаряет.
Свое тяжкое горе он развеял по ветру,
Через долы и горы он летает по свету.

Борода и усы у него как льняные,
А колени его как опоры стальные.
Тучи черные месяц и солнце закроют,
Но герой Сасрыква остается героем.

Не знали великаны, где то самое место на теле героя нарта, в котором душа заключена. Поэтому не имели никакой силы, ни стрел их, ни шашки.

И вот тут пришел войне конец: как один полегли великаны в степи Ашвады, даже хитроумный оборотень не избежал печальной участи.

Окончилась война, но горе Сасрыквы разгорелось с новой силой: он оплакивал гибель славного Бзоу. Нарт рыдал над горстью золы, которая была когда-то огнеподобным конем, понимавшим язык, как человек, мудрым и преданным, как человек, и - увы! - тоже смертным, как человек.
Нарт Сасрыква и дикий конь

Погиб Бзоу - славнейший из коней. Долго, очень долго не мог выбрать себе Сасрыква другого: перед его глазами точно живой стоял его друг, его товарищ в беде - конь Бзоу! В те времена паслись на воле дикие кони. Только нартская порода коней была приручена. Поэтому всадников было очень немного. Случилось так, что девяносто девять братьев собрались на берегу горной реки, чтобы держать важный совет. Были среди них и другие люди - из соседних деревень.

Сасрыкву не предупредили о том, что братья его будут держать совет. И младший из нартов огорчился. Не доверяют или за мужчину не считают? Идти или не идти на совет? Хоть и был обижен Сасрыква, тем не менее решил идти.

Вот идет он, а перед глазами точно живой конь его Бзоу - верный друг и товарищ в беде. Вот Сасрыква достиг бурливой реки и надо уж переправляться на противоположный берег. Но как? Ведь нет любимого друга Бзоу!

В это время пасся дикий конь. Невзрачный на вид. Из простой породы. Однако конь есть конь, хоть и непородистый.

Подошел к нему Сасрыква и говорит:

-Сделай одолжение, добрый конь, - переправь меня на ту сторону реки.

Нарт полагал, что, подобно нартским коням, и этот понимает человеческий язык. Но то был дикий конь и слов человеческих не понимал.

Сасрыква срезал ольховые ветки и сплел из нее узду. Конь, к удивлению нарта, разрешил набросить на себя узду и вел себя очень покорно. А ведь говорили, что дикие кони скорее погибнут, чем подпустят к себе кого - ни будь. Сасрыква был первым на земле, кто осмелился взнуздать дикого коня. Конь этот подчинялся седоку, не смотря на то, что узда была ольховая и ни в какое сравнение не шла с уздой из сыромятной бычьей кожи.

Вот Сасрыква направил коня в самый стрежень реки, а затем повернул его против течения. И конь пошел против бурного течения, рассекая грудью воду, подобно быстрой ладье.

Неизвестно как долго плыли они вверх по реке и какой путь проплыли. Спустя некоторое время конь, подчиняясь седоку, взял круто вправо и выплыл на берег. Отсюда уж было совсем недалеко до нартов, обсуждавших важное дело.

Нарты удивились приезду своего младшего брата. Еще больше поразились они тому, что приехал он на простом, неказистом коне, дикой породы. Этот поступок смутил нартов, тем более что видели все это и посторонние.

- Сказал бы нам,- проворчал нарт Сит, - и каждый одолжил бы тебе коня.

А Гутсакья крикнул:

- Не приставайте к нему - он нашел себе самого подходящего!

Сасрыква молча проглотил и эту обиду.

Однако люди из соседних сел совсем иначе восприняли приезд нарта Сасрыквы на необъезженном диком коне. Они поняли, что любой смертный может вот так же взнуздать дикого коня, который только кажется диким и неподатливым. Они стали просить героя Сасрыкву рассказать им, как удалось ему приручить коня.

Вот с этого самого дня и началось приручение диких коней.

Разве не достойно все это быть отмеченным как еще один геройский подвиг нарта Сасрыквы.
Как погас светящийся мизинец

Разве не достоин великого сочувствия нарт Сасрыква, оставшийся без наследников. Разве не достоин сочувствия человек, собственноручно погубивший детей своих, рожденных от одной матери?

Сасрыква по-прежнему редко бывал дома и охотился, бродил по белу свету, добывая славу. И очень часто обнажал он меч свой против врагов, и тогда орошалась земля потоками крови.

А жена его сидело дома. Однако очень часто выручала она мужа своего из беды. Мизинец ее излучал яркий свет в ночи, и свет этот не раз сослужил службу великому нарту.

Вот, скажем, возвращается Сасрыква домой после боя. Едет изнуренный, а ночь стоит темная. Густой туман стелется по земле. Трудно в такую ночь без огня. И жена Сасрыквы, славная сестра братьев аиргь, высовывает из окна свой мизинец, и ослепительный луч прорезает темную ночь, освещая всю дорогу от поста через Кубину до самого порога дома Сасрыквы. И едет Сасрыква по освещенной дороге, точно днем. Добирается до порога его и говорит жене, славной сестре братьев аиргь:

- Добрый вечер!

Однажды был созван многолюдный сход. Были здесь нарты, да и не только они. И вот в самом конце заспорили и на этом сходе нарты со своим младшим братом Сасрыквой. Разгорелся жаркий спор, и Сасрыква не выдержал. Он сказал своим старшим братьям так:

- Какие же вы неблагодарные! Сколько бед я перенес из-за вас, а вы так грубо со мной разговариваете!

Один из нартов сказал:

-Как обнаглел этот Сасрыква!.. Какие же такие ты беды из-за нас перенес? Да разве ты мужчина? Ты лучше бы благодарил свою жену, за то, что водит тебя за ручку. Без ее мизинца ты давно бы погиб!

Только этого и ждал насмешник Гутсакья.

- Послушайте меня, великие нарты! - крикнул он - Слушайте меня все!

Говорю я только правду,
Езжу на лихом коне,
Братья нарты, братья нарты,
Не жалейте обо мне.
Тот мотыгой отца гордиться,
Тот гордится уменьем петь.
А Сасрыква бахвалится жены мизинцем,
Вот кого стоило бы пожалеть.

Сказал это Гутсакья, и нарты покатились со смеху. Никогда не смеялись так нарты. Они хохотали, от хохота у них кружились головы, и падали нарты наземь.

Что оставалось делать Сасрыкве? Пришлось ставить сход и идти домой.

-Почему ты такой грустный? - спросила его жена.

-Голова болит, - солгал нарт.

Прошло три дня, настала пора собираться в новый поход. Сасрыква позвал жену, усадил ее перед собой и сказал:

- Свет твоего мизинца не раз спасал меня, но довольно, не хочу я больше помощи твоей.

- Бедный человек,- сказала она,- как видно братья сказали тебе, что без жены ты ничего не стоишь.

-Может быть, и сказали, а может быть, и нет, - уклончиво ответил Сасрыква.- Как бы там ни было не смей мне светить!

Жена возразила:

- Братья умышленно оскорбляют тебя, а ты напрасно отказываешься от моей помощи. Свет мизинца порождается особой силой. Если я помешаю излучаться этому свету, то в конце концов погибну.

- Я сейчас отправлюсь в дорогу, - сказал Сасрыква. - Злые великаны увели часть моих коней на тот берег Кубины. Я должен нагнать грабителей. А встречи с ними, как тебе известно, не обходятся без кровопролития. Но чтобы со мной ни случилось, если меня даже на куски разорвут, прошу тебя, не свети мне, не оказывай помощи! Но если ты ослушаешься - убью тебя и себя. Клянусь тебе в этом!

Что было делать жене? Пришлось покориться, хотя и знала она, что идет ее муж на верную гибель.

И Сасрыква отправился в путь...

Великаны, перейдя через Кубину, гнали табун коней по долине Ашвады. Обернулись они и увидели: далеко - далеко маячит черное пятнышко, словно родинка на белом теле. Великаны догадались - великий нарт Сасрыква пустился за ними в погоню.

Приготовились великаны к встрече с нартом, засыпали они героя, словно градом, своими стрелами, а потом сшиблись с ним острыми шашками. Битва была невиданной, кровопролитной. Не оставил в той битве нарт Сасрыква в живых ни одного великана, даже горевестника не оставил!

Отбив свой табун, нарт возвращался домой.

Когда добрался он до каменного моста через Кубину, была уже глубокая ночь. Густой туман стлался по земле. Если бы поднести раскаленное железо к глазам - и то бы не увидел его. Вот какая была темная ночь!

А дома грустила славная сестра братьев аиргь. И думы все о муже. Где он теперь? Здоров ли? С победой ли возвращается? " Наверно, он уже у каменного моста" - решила она. И как это бывает с женщинами - не вытерпела: высунула - таки мизинец из окна.

Сасрыква к этому времени подходил к каменному мосту. Но никак не мог на него ступить, к тому же кони пятились назад, исступленно ржали... В конце концов Сасрыква связал коней друг с другом и погнал их вперед.

Вдруг яркое сияние ударило им в глаза. Кони фыркнули, рванули в сторону к полетели в Кубину. На ту пору река была полноводной, бурлили ее угрюмые волны. И тотчас понесло Сасрыкву и его коней прямо к водовороту.

Славная сестра братьев аиргь видела все, что произошло. Она бросилась к каменному мосту, горько рыдая.

- О, где ты? Жив ли? - плакала она.

Но Сасрыква не откликался.

- Я виновница твоей гибели! - вскричала славная сестра братьев аиргь, и прыгнула с моста в реку.

Она упала на скалу, острую как меч, и камень рассек ей грудь надвое.

Так погибла единственная сестра братьев аиргь, лучшая из женщин на земле.

Ну а Сасрыква, этот великий нарт?

Нет, не погиб он, не взяла его смерть. Он находился в пучине, был на волосок от смерти, но и жизнь тоже была рядом с ним.

Вот так поется об этом в песне.

Как Сасрыква спасся от смерти

Разгулялась, вспучилась, вспенилась, Кубань - река,
Разлилась она в обе стороны, покинула берега.
Камни несет и ворочает величиною с дом,
Сталкивает эти камни, слышится грохот и гром,
Шумит Кубань - река, ревет, громыхает,
Ни днем, ни ночью не затихает.
В одном месте образовала она огромный омут,
Попавшие в это место неминуемо тонут.
Вокруг омута поднимаются отвесные скалы,
Словно зверь ненасытный зубы свои оскалил,
Кипят в этом омуте мутные воды,
Словно кто - то под ним огонь разводит,
Словно кто - то в огонь там дров добавляет,
Мехами кузнечными огонь раздувает,
Раздувает огонь, чтобы жарче горело,
Чтобы жарче грело, чтоб сильнее кипело
Чтобы в этот омут с берега не упало,
Считай - погибло, считай - пропало,
Будь то человек, будь то бревно,
Сначала омут тянет на дно,
А потом опять выносит наружу,
А потом от берега к берегу кружит.
Называется этот омут Атагшуар.
Случилось так, что Сасрыква в него попал,
Попал он в омут со своим табуном,
Утянул их омут сперва на дно,
Потом их волны о скалы били,
Все араши не выдержали, погибли.
Погибли все они поголовно,
Поглотили их мутные, бурные волны.
Но Сасрыкву утопить оказалась река слаба
Между омутом и Сасрыквой началась борьба,
Омут его тянет на скалы направо.
А он налево плывет упрямо.
Омут на дно его тянет вниз,
А он за скалу ухватившись повис.
Но омут все больше разъяряется, свирепеет,
А Сасрыква все больше и больше слабеет.
Омут заметил, что силы у героя иссякли,
Начал швырять его так ли, сяк ли,
Кувыркает, кружит и колобрдит,
О голые скалы его колотит.
В отвесных скалах омуту тесно,
Даже скала от удара треснула.
Сасрыква уцелел, не расстался с жизнью,
Но кровь его на скалы брызнула
Бросает снова его, усталого,
На выступ камня, от крови алого,
Все злее волны ревут и стонут,

От крови красным становится омут.
Как плющ зеленый со скал свисает
Так кровь героя со скал стекает.
Избиты руки, бока, колени,
Весь омут в теплой кровавой пене,
В крови барахтается Сасрыква бесстрашный,
Меж тем восток уж зарей окрашен,
Меж тем уж солнце на небе вышло,
Сверкает в травах, горит на крышах,
Стада на пастбище потянулись,
Но братья нарты еще не проснулись
Еще для них не настало утро
Зато проснулась сестра их Гунда.
Она привыкла вставать с рассветом
И шла на берег реки при этом
Там свежий воздух она вдыхала,
И все одежды с себя снимала.
Светилось нежно девичье тело,
Под солнцем утренним золотело.
А косы пышные расплетались,
Волной струились, земли касались.
Они красавицу обтекали,
Ее, как бурка, всю покрывали.
Но обнажилась Гунда напрасно:
К реке подходит, вода вся красная.
Не раз Кубань она видела мутной,
Но не кровавой, как в это утро.
Бывал и теплым реки поток,
Но не горячим, как кипяток.
Догадалась Гунда, что вверх по реке
Несчастье случилось невдалеке
Знала она про коварный омут,
Знала, что люди в том омуте тонут,
Вспомнила она в этот миг и о том,
Что Сасрыква не дома, а с табуном.
Бросилась она вдоль берега к омуту страшному,
Видит, что вода в том омуте - красная,
Видит, что и скалы в кровавой пене,
И что брат ее, разбивший руки, бока, колени,
Последнюю кровь теряет, в омуте тонет,
О помощи просит, кричит и стонет.
Как куница она по скале проскользнула,
Сняла с себя она прочный пояс,
Брату пояс тот протянула,
Подоспела вовремя эта помощь.
Брат за пояс сестры ухватился.
Он почувствовал в нем опору,
Поднатужился, изловчился,
Одолел он крутую гору,
Одолел он скалу неприступную,
Оказался он на приступке,
Тут сестра подхватила его под плечи,

Опасаться теперь им нечего.
Утешает сестра спасенного,
И расспрашивает, удивленная:
-Что случилось, с тобой, мой брат?
Ты же самый могучий нарт,
Мог погибнуть ты не в бою,
Не в походе, в дальнем краю
От родного порога невдалеке.
Утонуть мог в Кубани-реке.
Разве в детстве, когда ты родился,
Весь народ тебе не дивился?
Разве сталью тебя не кормили?
И как сталь тебя не закаляли?
Приручил ты копя араша,
Этот конь был тебе не страшен.
Людоедов ты убивал
Одним взмахом и - наповал.
Совершал ты геройские подвиги.
Великанов кидал себе под ноги.
Что случилось с тобой, мой брат?
Ты же самый могучий нарт!
Мое солнышко, моя радость,
Ты одна у меня осталась,
Никогда меж землей и небом
Никого мне роднее не было.
Ты и дочка мне, и родительница,
И единственная утешительница
Знай, родная, что с этого дня
Будешь жить теперь у меня.
А я буду тебя любить,
Одевать, кормить и поить.
За тебя я буду в ответе,
Ты - единственная на свете.
Отвечает сестра своему младшему брату:
- Я согласна, но надо спросить у нартов.
Мы об этом их вместе спросим,
Чтобы не подумали, что я их бросила.
Что я тайно от них сбежала:-
Вот как брату сестра сказала.
Сасрыква отвечает сестре:
-Видно, начал твой брат стареть
Видно, мне уж теперь не до подвигов,
Не кидать мне противников под ноги,
Видно, жизнь моя уж кончается,
Видно, смерть моя приближается.
Да и что мне на свете жить,
Для чего мне небо коптить?
Где мой Бзоу, мой конь ретивый?
Где мои дорогие дети?
Где жена моя? Сиротливо
Я остался один на свете,
Мои братья, великие нарты.

Не считают меня за брата,
И не любят меня и боятся,
И меня погубить грозятся.
Так случилось, сестра, под старость,
Ты одна у меня осталась,
Чтобы из-за меня не возникло спора,
Чтобы из-за меня не возникло ссоры.
После этого брат с сестрой
Вдоль Кубани пошли домой.
В этот день все люди дивились,
Что такое с рекой случилось.
Вся река будто кровью подкрашена,
Становилось всем людям страшно.
Умыкнувший Гунду

Не мог Нарджхоу позабыть Гунду. Стояла она у него перед глазами, точно живая.

Был он пастухом, жил он в лесном шалаше без окон, без дверей, и только раз, да и то у нартов, увидел он воочию обыкновенную дверь и в человеческом жилище.

Никому не уступал в храбрости этот Нарджхоу, и нрав его был очень крут, особенно тогда, когда кто-то становился поперек его пути.

Пришел как-то Нарджхоу к своей матери, да и говорит:

- Еду за невесткой для тебя. Кого же мне привезти?

- Есть лишь одна подходящая, - ответила мать,- но что-то неуверенна я, получишь ли ты ее:

- Кто же это такая, которую я не могу получить? Где живет она?

Мать объяснила ему:

- Живет она у ста богатырей - нартов. Она им сестра. Высоченная ограда отделяет ее от остального мира, хрустальная башня охраняет ее одиночество. Ты думаешь, что нет человека храбрее тебя. Но ты не знаешь ее братьев! Они нынче все в сборе, и тот настоящий герой, кто отважится умыкнуть их сестру.

Герой Нарджхоу молча вывел отцовского коня во двор. Молча сел на него. Взвилась сыромятная плеть - Нарджхоу перепрыгнул через высокую изгородь. Еще раз взвилась сыромятная плеть - и Нарджхоу вновь очутился во дворе.

- О мать, - сказал он,- Я еду к ним, я еду за их сестрой, и я получу ее даже в том случае, если они на самом деле таковы, как говорят о них.

Отправился Нарджхоу из тех мест, где восходит солнце, к Гунде Прекрасной, которую уже сосватал Хважарпыс, живущий там, где заходит солнце.

Мчится Нарджхоу легче ветра, копыта коня не касаются земли. И встречает герой на своем пути трех дерущихся. Бились те люди смертным боем. Не давали никакой пощады друг другу.

- Чего не поделили вы? - грозно спросил Нарджхоу.

Дерущиеся перевели дух.

- Видишь ли, - объяснили они, - мы получили в наследство от отца саблю, плеть и старую бурку. И не можем поделить их. Вот и душим друг друга

- Я помогу вам, - сказал Нарджхоу и отобрал у них саблю и плеть, а бурку разорвал в клочья.

- Поняли меня? - спросил Нарджхоу.

- Поняли, - был ответ.

Поехал герой дальше.

Вот перед ним широкое поле Жабра. И что же он видит? Стоят посреди поля двое мужчин, волосы рвут друг на друге, дубасят друг друга и в пылу неистовой драки вогнали друг друга в землю по самые колена.

- Эй, драчуны, - крикнул Нарджхоу. Остановил их и разнял. - И не стыдно вам? - сказал он грозно.

И поехал себе дальше. Однако эти двое снова полезли в драку. Пришлось герою возвратиться, вытащить дерущихся из земли и дать им по хорошему пинку на память. Помогло.

Едет Нарджхоу дальше, и словно нарочно опять на его пути дерущиеся.

- Что не поделили вы? - спрашивает герой у незнакомцев.

- Досталась от отца нам цепь, которую над очагом вешают,- объяснили они. - Вот никак не поделим ее:

- И не стыдно вам, - говорит герой.- Образумьтесь!

И только он отъехал, как снова возобновилась драка. Тогда вернулся Нарджхоу, вырвал у них цепь и разорвал ее надвое. И каждому вручил по половине отцовского наследства. Только так и успокоил их.

Тем временем нарты, не подозревавшие, какой гость к ним едет и зачем едет, играли в мяч. А мать их Сатаней - Гуаша уже беспокоилась: она приметила пятнышко на краю равнины и чуяла сердцем что- то недоброе.

- Сыны мои! - крикнула она великим нартам.- Оставьте мяч, оставьте игру, гостя встречайте.

- Появится - встретим, - отвечали сыновья, не прерывая игры.

Гунда сказала своим братьям очень невесело:

- Ох, появится здесь сердитый человек, и ничего хорошего меж вами не будет!

- Кто посмеет прийти к нам с недобрым? - воскликнули братья и тем не менее прислушались к словам сестры, не заставляя повторять уже сказанное. Они заперли ворота, окованные железом, и на всякий случай подперли бревнами.

И в вскоре оттуда, где восходит солнце, послышалось громоподобное громыхание копыт. Это Нарджхоу направил своего коня прямо на ворот своей грудью, похожей на скалу, по воротам и свалил их, подмяв трех нартов.

- Добрый день, великие нарты! - воскликнул Нарджхоу, спрыгивая с коня.

Нарты молчали: им не понравилось такое вторжение.

- Нравлюсь я вам или нет,- сказал Нарджхоу,- но вот пришел к вам в гости!

С большое неохотой, но все же приняли нарты коня Нарджхоу и привязали к железной коновязи. Конь тотчас принялся ее грызть и вскоре вогнал глубоко в землю. А затем мотнул головой, да так, что вырвал коновязь из земли и отбросил ее далеко в сторону. И с тревожным ржанием, изрыгая огонь, понесся по широкому нартскому двору. Это тоже не очень поправилось нартам.

- Нарты, - обратился Нарджхоу к братьям, среди которых недоставало Сасрыквы и тех, которые лежали под опрокинутыми воротами, - я приехал сватать вашу сестру, хочу породниться с вами.

Такая прямота пришлась нартам не по душе.

- Садись, поговорим, - сказали нарты и подали гостю скамью.

Присел гость на скамью, а она всеми ножками ушла в землю.

- Я постою,- сказал Нарджхоу.

Он подал свои доспехи и оружие братьям, и те повесили доспехи и оружие на железный шест, врытый в землю. Но под тяжестью бранных доспехов и оружия шест ушел в землю.

- Ну что ж, - сказал гость, - я это улажу сам. Нарджхоу вооружился, вскочил на коня и стеганул того плетью так, что искры посыпались.

Не успели братья глазом моргнуть, а герой Нарджхоу уже летел к хрустальной башне, выхватил Гунду Прекрасную, стоявшую у окошка, и вмиг очутился на широком поле. И помчался он к себе, в свои горы, туда, где восходит солнце.

Кинулись братья в погоню, а нарт Кятаван и младший брат его Мыса, обладавшие зычными голосами, принялись кричать Хважарпысу, живущему на высокой горе:

-Уа, услышь нас, герой Хважарпыс! Услышь нас! Если лежишь - подымайся, если сидишь - встань, если стоишь - беги! Уа, Хважарпыс, невеста твоя в опасности!

Услышал этот крик Хважарпыс. Он встал - и был уже на коне! Он уже мчался на коне! Он уже настиг нартов и обогнал их, он мчался, мчался, мчался и был уже невдалеке от похитителя и от невесты своей, что была в руках похитителя.

- Эй, эй! - кричал Хважарпыс. - Остановись, если на голове у тебя не женский платок!

Но Нарджхоу летел вперед с Гундой на руках.

- Эй, эй!- кричал Хважарпыс. - Стой, умыкнувший мою невесту! Стой, погубивший меня!

- Стою! - ответил Нарджхоу.

И остановился.

- Отпусти ее, - сказал Хважарпыс, - и мы расстанемся без крови.

- Нет, - сказал Нарджхоу, - быть бою.

И враги без лишних слов стали друг против друга. Приготовили они луки свои для боя, запаслись стрелами.

- Ты стреляй первым, - сказал Хважарпыс.

И полетели стрелы от одного к другому. Летели со свистом. Летели целый день. И все это видела Гунда из безопасного места. Однако почему не сказала она своего слова? Почему молчала Гунда, которая и сама могла бы постоять за свою честь? Может быть, потому что нравился ей этот герой Нарджхоу? Может быть... Однако истинно причины никто доселе не знает:

Вот кончились стрелы.

- Я наготовлю еще, - сказал Нарджхоу.

- Нет,- возразил Хважарпыс, - с тобою женщина. Стрелы наготовлю я сам.

Кончились и эти стрелы. И наготовил их Нарджхоу.

И снова полетели стрелы от одного к другому. Летели они со свистом. И все это видела Гунда из безопасного места.

Нарджхоу пришел в ярость и ускорил стрельбу. И вот его быстролетная стрела попала в голову Хважарпыса и расколола ее надвое. Хважарпыс схватился за голову и крикнул:

-Если ты мужчина - устроим передышку. Я тем временем сбегаю к Айнару -кузнецу и скреплю свою голову.

-Хорошо, - согласился Нарджхоу. - У меня в бедре застряла твоя стрела. Пока ты вернешься, я вытащу ее.

Придерживая расколотую голову, Хважарпыс поспешил к Айнару.

-Помоги мне, - попросил Хважарпыс кузнеца.- Я тороплюсь, ибо Нарджхоу ждет меня в Ашвады.

Айнар, не мешкая, принялся за работу. Наложил на рану медные заплаты, вбил гвозди, надел железный обруч на голову и расклинил его железными клиньями.

И снова стали друг против друга Нарджхоу и Хважарпыс.

Запустил стрелу Хважарпыс, и она раздробила руку противника. Запустил стрелу Нарджхоу, и она раздробило колено противника.

Вовсе обессилели герои. Хважарпыс снова был ранен голову. Не мог уже стрелять и Нарджхоу. Он вместе Гундой двинулся дальше, но уже не ног достичь перевала Хвымиа и лишился сил на перекрестке семи дорог.

Великая Сатаней- Гуаша видевшая все и сердцем чувствовавшая все, произнесла такие слова:

- Нарджхоу, отнявший счастье у моей дочери, да превратишься ты в каменную глыбу, и пусть не будет тебе счастья на земле! А ты, Хважарпыс, так несправедливо пострадавший, обратись в прекрасный цветок рододендрон и радуй своим видом людей.

И все вышло так, как сказала великая Сатаней - Гуаша, мать ста братьев - нартов.

Н ту пору, когда все это случилось, не было дома героя Сасрыквы. Но как только прослышал он на охоте о том, что сестру его умыкнул Нарджхоу, опозоривший Хважарпыса, Сасрыква бросился в погоню. Он нагнал похитителя в местности Нантвара и ударил его шашкой в то сааме мгновение, когда Нарджхоу превратился в камень. И брызнули яркие искры, озарившие с ног до головы великого нарта.

В местности Нантвара стоят и до сего дня каменный Нарджхоу и Гунда, окаменевшая навеки. А Хважарпыс- рододендрон растет у всех ручейков и рек, и люди из гибких стеблей его плетут стены для своих жилищ.

Гибель Сасрыквы

Нарджхоу с отважным сердцем, Нарджхоу со стальными усами
Мчался с красавицей Гундой, брошенной поперек седла.
Но на горном крутом перевале, обросшем вокруг лесами,
Где возвышается гордо коричневая скала,
Все трое окаменели и Нарджхоу и конь и Гунда,
Как вкопанный перед ними Сасрыква осадил коня.

- О, горе мне, - говорит он, - о, горе, сестра моя Гунда.
Как же домой вернусь я, как встретят братья меня?
Я на любые жертвы готов, о, сестра моя, Гунда,
Только бы ты воскресла и стала снова живой.
Как жить без тебя я буду, как я тебя забуду.
Сжалься, я брат твой младший, любимый я братец твой.

Но камень в ответ - ни звука, но камень не отвечает
Все трое окаменели, вот какая беда!
Сасрыква коня поворачивает в великом своем отчаянии,
Домой он тихо едет, где и братья его и стада.
К полудню в село он въехал, в селе ни петушьего крика.
Ни песен, ни смеха не слышно, ни лая, ни крика галчат.
Подъехал он к дому нартов, в доме уныло и тихо,

Братья сидят полукругом, сидят они и молчат.
Глядят они молча в землю, никто не взглянул на вошедшего,
Глаз ни один не поднял, слова никто не сказал
Как будто брат их вошедший был бессловесной вещью.
Наконец лишь один из братьев поднял на брата глаза:
- Ты, незаконнорожденный, сын пастуха мохнатого,
Как ты посмел приблизиться к нартам великим, к нам.
Отвечай, где сестра наша, Гунда, где нам искать виноватого?
В том, что умчал похититель ее к далеким горам,
Ты за нее ответчик, ты за нее ручался.
Ты нас без ножа зарезал. Отвечай, где наша, сестра.
Мы нарты с тобой не будем ссориться и ругаться,
Пусть нас с тобой рассудит сталь, что крепка и остра.

- Что вы, родные братья, нам ли с вами ругаться,
Слова теперь бесполезны, нет уж Гунды у нас.
Я за нее в ответе, я за нее ручался.
Но вы где, скажите, были в тот злополучный час,
Когда Нарджхоу проклятый со своими стальными усами
К нашему дому подъехал, до неба вздымая пыль,
Вы, великие нарты, где же вы были сами?
Каждый из вас великих, где же тогда он был?
Когда из ноздрей араша, на котором Нарджхоу приехал
Горячий пар вырывался, а вместе огонь и дым.
Когда он во двор ваш, нарты, словно буря ворвался
И уселся бесцеремонно на ваш домашний арымдз*,
Так что ножки арыша все в земле утонули,
Разве тогда пришельца встретили вы по-мужски?
Может, вы с ним сразились? Или, может, вы протянули
Ему пожатья мужского крепость правой руки?
Нет, вы его хотели змеиным попотчевать ядом,
Забыв, что он против яда стальные носит усы.
И была сестра ваша Гунда, и вы были с нею рядом,
И вы сберечь не сумели ее девичьей красы.
Он у вас из-под носа нашу сестру похитил,
А вы, словно злые осы, погнались за ним по пятам.
Но ускакал Нарджхоу, только его и видели,
Как видно кусок попался нартами не по зубам.

Так говорил Сасрыква, так поссорились братья,
Так начался между ними злой нескончаемый спор.
Дело дошло до ручки, пора за оружие браться,
Обидный и оскорбительный пошел у них разговор.

- Ты незаконнорожденный, сын пастуха лохматого,
Когда же ты был сильнее или отважнее нас?
Мы принимать не будем тебя за родного брата,
Если великий подвиг ты не совершишь сейчас.
Если же свершишь ты подвиг, примем тебя за брата
Будешь ты с нами равен, мы примиримся с тобой.
Так говорили братья, так говорили нарты.
И порешивши это, братья из дома вышли гурьбой.

Шли они шли долиной и подошли к вершине,
Что уходила в небо даже за облака.
Огромный округлый камень наверх они затащили
И дали брату задачу, что была нелегка.
Чтобы под этот камень, когда он с горы будет падать,
Подставить свое колено и камень этот разбить,
А сквозь его осколки в то же мгновение надо
Быстро вскочить на гору, словно орлу взорлить.
Вот уж катится камень. Встал Сасрыква, не дрогнет,
Подставил свое колено, на части камень разбил.
А сквозь его осколки в то же мгновение смог он
На том оказаться месте, где камень сначала был.

Ахнули братья - нарты, ахнули, изумились,
Духом они упали: "Опять одержал он вверх"
В бурки они завернулись, балыками они накрылись,
Чтобы не стыдно было им на глазах у всех.
Едут они понуро в чужие дальние страны,
Где бы никто не знал их, никто бы не пристыдил.
Едут они неделю, месяц они уж странствуют,
Земли вокруг неизвестные, не знают, что впереди.
Солнце восходит утром, солнце клонится к вечеру.
Дождичек их опрыснет, обдует их ветерком.
Но вот по узкой тропинке братьям-нартам навстречу
Едет старуха-ведьма на петухе верхом.
Вместо кнута или плетки в руке у нее змея.

- Здравствуйте, братья - нарты! Все ли благополучны,
Очень счастлива, нарты, что с вами встретила я.

Будто ее не заметив, нарты проехали тихо,
Медленно шли их кони, след печатая в след.
Но ведьма остановилась и ртом беззубым хихикая,
Хмурым, угрюмым братьям проговорила вслед:

- Кто вы такие будете? Это не те ли вы нарты,
У кого недавно похитили единственную сестру,
Что одолеть не сумели самого младшего брата:
Или я ошибаюсь, или я, нарты, вру?

Нарты остановились, нарты остолбенели,
Нарты столпились в кучу, стали держать совет
-В бурки мы завернулись, мы башлыками укрылись,
Но от чужого глаза, видно, спасенья нет.
Вот уж который месяц мы беспрерывно едем,
А первая встречная ведьма сразу узнала нас.
Давайте мы ей расскажем про наши печали и беды,
Может, совет разумный нам эта ведьма даст.
Может, в беде поможет нам эта ведьма старая.
Мы ничего не теряем, почему бы нам не спросить?

Тогда из круга выходит один из нартов,
Выхолит из круга к ведьме нарт по имени Сит.
Вот подошел он к ведьме беззубой и косоглазой,
Скрюченной словно клюшка, настолько была стара.
И по порядку начал все он ведьме рассказывать.
О том, что младший братишка к себе сманил эту Гунду,
О том, что нагрянул Нарджхоу и эту Гунду украл,
О том, что окаменели и конь я Нарджхоу и Гунда
Там, где лесами одетый Клухорский лежит перевал.
О том, как младшего брата уничтожить нарты решили
О том, как придумали подвиг неисполнимый ему
О том, как огромный камень на гору они затащили,
О том, как камень столкнули в бездонную пропасть, во тьму
О том, как брат их Сасрыква под камень колено подставил,
И камень огромный этот на камешки раздробил,
А сам вскочил на вершину и тем он их обесславил.
И вот они бродят по свету, и свет этот им не мил.
В нашей беде великой может быть, ты поможешь,
Как отомстить Сасрыкве, как нам его сгубить,
Может быть, ты научишь, как нам его уничтожить?
Мы тебя вроде матери будем помнить и чтить.
Ведьма вновь захихикала, скаля зубы гнилые,
Зеленым огнем загорелся ее старушечий глаз.
-Все вы великие нарты, сильные, удалые
Но братец ваш оказался все же хитрее вас.
Когда, чтобы был он крепче железа и даже стали
(Все я сама видала, поверьте старухе мне),
Когда, как клинок дамасский, мальчика закаляли ,
Клещами за правую ногу держали его на огне.

Та его слабое место, там и душа его прячется,
Там его слабое место, как бы он ни был силен,
Значит, когда повторно камень с горы покатится,
Скажите, чтоб правую ногу подставил он.
А иначе, великие нарты, сколько бы вы ни спорили,
Вам отомстить не удастся за вашу Гунду-красу.
Сказавши все это, ведьма своего петуха пришпорила
И в мгновение ока скрылась в ближнем лесу.

Нарты повеселели, нарты скинули бурки.
И башлыки тяжелые тоже с голов - долой
Спины они распрямили веселятся бурно,
Словно после победы, помчались к себе домой
С каждым днем или часом братья все ближе к дому.
Вот уж они оказались в милой родной стороне.
Смотрят среди поляны под старым лубом знакомым
Младший их брат Сасрыква крепко спит на спине.
Знали они привычку младшего брата, нарта,
Спать три дня без просыпу, а потом три дня не спать.
Сели вокруг меньшого старшие нарты-братья,
Сели они и стали его пробуждения ждать:

Вот Сасрыква проснулся, смотрит, а рядом - братья.
Тотчас ему объявили: "Наш не окончен спор.
Будешь дробить ты камень не левой ногой, а правой.
Так мы постановили, такой у нас уговор.
Если свершишь ты подвиг, примем тебя за брата,
Будешь ты с нами равен, мы примиримся с тобой".
Так говорили братья, так говорили нарты,
И, порешивши это, отправились в горы гурьбой.

Вот уж катится камень. Встал Сасрыква, не дрогнет.
Подставил он левую ногу, на части камень разбил,
И сквозь его осколки в то же мгновенье смог он
На том оказаться месте, где камень сначала был.
Ахнули братья - нарты, ахнули, удивились
Духом они упали: "Опять одержал он вверх"
В бурки они завернулись, башлыками они накрылись,
Чтоб не стыдно им было на глазах у всех.
Но в бурки они завернулись плотнее и крепче, чем раньше,
Башлыками они закрылись больше, чем в первый раз.
Едут они быстрее, быстрее едут они и дальше,
Только б скорее скрыться от человеческих глаз.
Солнце восходит утром, солнце клонится к вечеру
Дождичек их опрыснет, обдует их ветерком
И вот по узкой тропинке братьям нартам навстречу
Едет старуха- ведьма на петухе верхом.
Вместо седла крапива, вместо стремян колючки,
Вместо кнута или плетки в руке у нее змея.

- Здравствуйте, братья - нарты, все ли благополучны,
Очень счастлива, нарты, с вами встретиться я.
Братья, скакавшие молча, с ведьмой встретиться рады,
Но стали они ругаться очень досадно им:
- Вот мы тебя послушались, сделали все как надо,
А Сасрыква наш остался снова цел и невредим.

Ведьма в ответ захихикала, скаля зубы гнилые,
Зеленым огнем загорался ее старушечий глаз.
- Все вы великие нарты, сильные, удалые,
Но братец ваш оказался все же хитрее вас.
Да, оказался братец вас хитрее намного,
Иначе теперь бы мертвым этот обманщик был.
Под ваш сокрушающий камень подставил он левую ногу,
Вот почему тот камень он в дребезги разбил.
Нарты повеселели, вновь поступили к брату:
Ах ты, обманщик подлый, это не по - мужски,
Ты обманул нас гнусно и недостойно нарта,
Вместо правой подставив коленку левой ноги.
Подвиг, который мы выбрали, конечно, тяжел и труден,
Но теперь, когда камень снова покатиться с высоты,
Тебе мы хитрить не позволим, теперь уж следить мы будем,
Чтоб только правую ногу подставил ты.

Сасрыква, сказать по правде, сильно заколебался.
Понял, смерть приходит, что плохи его дела.
Но очень позорно нарту, если бы он испугался.
- Ладно,- Сасрыква подумал. - Что делать, была не была.
Правду сказала братьям старая ведьма - карга.
Гулко грохнулось наземь нарта крепкое тело,
Далеко от него отлетела отшибленная нога.
Гулко земля содрогнулась, словно ей было больно.
Страшный стон раскатился. Слышали все его.
А нарты, сделавши дело, на коней вскочили довольные.
И Сасрыкву разбитого оставили одного.
Лежит на спине Сасрыква, смерть к нему приближается,
Слух об этом разнесся по горам и лесам глухим,
Звери к нему подходят, птицы к нему снижаются.
Люди из всех селений идут распрощаться с ним.
Люди, которым в жизни много добра он сделал,
Скорбно к нему подходят, светлые слезы лья.
К нему лицом и грудью лежит его мощное тело,
Кровью его обильно политы все поля.
А на восходе солнца к нему опустился коршун,
Сначала он покружился, потом уж и рядом сел.

Сасрыква его увидел: "Что тебе надобно, коршун?
Не за моей ли кровью, коршун, ты прилетел?"
- Да, мне сказали птицы, что ты истекаешь кровью.
Вдоволь хочу напиться кровушки я твоей.

- Что ж, - Сасрыква отвечает, - я истекаю кровью,
Крови моей горячей досыта, коршун, пей!
Но слушай мое проклятье, будешь томиться жаждой
Каждый июль и август, а яйца нести через рот.
Будет в тебя камнями кидаться прохожий каждый,
Так я тебя проклинаю, коршун, из рода в род.
Коршун напился крови досыта, до отвала.
И улетел обратно в синюю высь.

А Сасрыква остался, но только все, что сказал он,
Все его предсказанья исполнились и сбылись.

А на закате солнца к нему опустился ворон.
Сначала он покружился, потом уж и рядом сел.
Сасрыква его увидел: "Чего тебе надобно ворон?
Не за моим ли мясом, ворон, ты прилетел?"

- Да, мне сказали птицы, что ты лежишь умираешь,
Что ты совсем уже умер,- ворон в ответ сказал.
А мы мертвячину любим, как сам ты, наверно, знаешь,
Я прилетел, чтоб выклевать у мертвеца глаза.
Но я ведь еще не умер, как же тебе не стыдно,
Лучше ты, черный ворон, чем-нибудь мне помоги.
Пододвинь ко мне мою ногу, очень мне, ворон, обидно
Лежать на земле умирая, без правой моей ноги.

-Вот еще, - каркнул ворон, - ради чего стараться...
-Будь же на век ты проклят, - сказал Сасрыква, скорбя,
Будут твои воронята всегда за тобой гоняться,
Чтобы глаза ненасытные выклевать у тебя.

Ворон наелся мяса досыта, до отвала,
И улетел обратно в небо, в синюю высь.
А Сасрыква остался, но только все, что сказал он
Все его предсказания исполнились и сбылись.

Эх, Сасрыква, Сасрыква. богатырь и герой,
Вот ты умираешь, истекая горячей кровью,
Коршун да ворон кружат над твоей головой.
Почему же друга нет у тебя в изголовье?

Тут вышел из леса серый огромный волк,
Подошел и встал с умирающим картой рядом.

Сасрыква спросил: " Откуда ты, серый волк?
Что тебе рядом с умирающим надо?
И ты пришел, мое мясо жрать?"
- Нет, я думал помочь тебе хоть немного
Плохо, друг Сасрыква, в одиночестве умирать
Ну, хочешь, притащу тебе твою ногу?

- Знай же, волк, благословение мое на тебе,
Да будут сильными твои мышцы и крепкими кости,
А шаг твой бесшумным и быстрым твой бег,
А глаза твои, чтобы горели от злости.
Когда ты идешь на добычу, чтоб с дуновением ветерка
Шорох от твоего движенья сравнился,
А когда ты убегаешь от яростного врага,
Чтоб дрожала земля и вихрь клубился.
Когда идешь на добычу, будь смелым, как твой отец,
Когда убегаешь, будь робок, как мать-волчица,
Пусть смелость и робость всех волчьих сердец
В тебя, мой друг, одного вселится.

Попрощался с Сасрыквой серый волк,
И в лес потрусил, переходя на рысь.
Но все слова, что Сасрыква умирающий изрек,
В породе волчьей исполнились и сбылись.

О твоей смерти, о братьях несправедливых твоих,
Разнесем мы весть по белому свету.
О добрых делах, о подвигах всех твоих,
Разнесем мы весть по белому свету.
- Спасибо, голуби... Когда вы прилетели сюда,
Свои лапки в моей крови обмочили.
До тех пор, пока существует в мире вражда,
Чтобы ваши лапки красными были.
Справедливость в мире все - таки есть,

Хотя и много в нем разной гадости.
Сегодня вы понесете по миру скорбную весть,
Но в грядущем вы будете вестниками радости.

Улетели голуби в небо, в синюю высь,
Скорбную весть понесли по свету голуби,
Но все слова Сасрыквы теперь сбылись,
Вестниками мира сделались голуби.
А Сасрыква вздохнул и навеки уснул,
Широкая земля ему ложем служит.
Сасрыква навеки глаза сомкнул.
Высокое небо ему крышей служит.

Легенды о нем живым языком говорят.
Звезды над ним живыми огоньками горят.

Горят сказаний древних огни.
Веками горят я не догорают,
С каждым новорожденным рождаются вновь они,
С каждым умершим каждый раз умирают.

Примечания

*Арымдз - длинная скамья.
